

Александр Федоров

ВЕЛИКИЙ МАГ КАЛАДИУС

Хроники Паэтты. Книга IV

16+

Александр Федоров

**Великий маг Каладиус.
Хроники Паэтты. Книга IV**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Федоров А. Н.

Великий маг Каладиус. Хроники Паэтты. Книга IV /
А. Н. Федоров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Великий маг Каладиус, Белый колдун пустыни, Аспиани, Губитель Народов, Воплощение Асса, Сокрушитель Надежд... Этот человек носил за свою невообразимо долгую жизнь множество имён, и ни одно из них не было истинным. Один из самых могущественных магов за историю Паэтты, с которым читатель познакомился ещё в первой книге серии. Теперь пришла пора узнать о нём больше, поскольку история его жизни невероятна. Эта книга о маге, но не о магии. Сложность выбора, тяжесть последствий принятых решений, хитрые политические интриги... Захватывающая история не отпустит читателя с первых до последних страниц.

Содержание

Пролог. Буря среди ясного дня	5
Глава 1. Крайз	9
Глава 2. Дар	15
Глава 3. Клайдий Сарамага	22
Глава 4. Новая жизнь	28
Глава 5. Ученик мага	33
Глава 6. Город	40
Глава 7. Каррис	46
Глава 8. Тавер	52
Глава 9. Кинай	57
Глава 10. Метаморфозы	63
Глава 11. На службе	70
Глава 12. Дервинские шхеры	76
Глава 13. Триумфаторы	83
Глава 14. Перемены	89
Глава 15. Каладиус	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александр Федоров

Великий маг Каладиус.

Хроники Паэтты. Книга IV

Пролог. Буря среди ясного дня

Худощавый старик стоял, приподняв полог своего шатра, и рассеянно смотрел в летнюю северную ночь. Воздух в шатре был до того нагрет двумя медными жаровнями, что казался более плотным и буквально выталкивал старика в прохладу ночного сумрака. Однако крупные бисерины пота, покрывающие его абсолютно лысый череп, были не от этой жары.

Старик был тяжело болен. Его снедала жестокая лихорадка, подхваченная в этих гнилых землях, где леса похожи на болота, болота – на леса, а степи – на проплешины, что остаются на месте ярмарок, когда те съезжают. Старик ненавидел эти места, хотя сам родился всего в каких-нибудь ста двадцати лигах¹ к юго-востоку отсюда, на тех же палатийских землях. Хотя на его родине всё было другим. Несмотря на когда-то кем-то проведённую границу, там уже скорее был Латион, нежели Палатий.

Старик не любил заглядывать далеко в будущее, но подозревал, что эта болезнь – смертельна. Похоже, из этого похода ему уже не вернуться...

Менее чем в миле² к северу отсюда стоял Пиннор – теперь уж довольно небольшой городок Палатия, хотя каких-нибудь четверть века назад он был одним из крупнейших на северо-западном побережье. Но этот спад – ничто в сравнении с тем, что ждало Пиннор завтра утром, ибо весьма вероятно, что сегодня он доживал свою последнюю ночь...

Несмотря на то, что была почти полная луна, щедро источающая потоки серебристого цвета, стен города было, конечно, не разглядеть. Но старик словно чувствовал их близость. Он видел, будто наяву, эти серые замшелые стены из древнего камня, на которые спешно были наращены массивные деревянные щиты, чтобы хоть как-то поднять высоту этих стен, оказавшихся не столь хорошими защитниками для своих жителей. Старик точно знал высоту – восемнадцать футов³ камня и ещё восемь футов дерева. Завтра он будет сокрушать эти стены подобно древнему божеству.

Между ним и обречённым городом раскинулось множество костров, около которых сидели легионеры. Где-то люди сидели молча и сосредоточенно, но кое-где слышались выкрики и смех. Старик привык к этому – данная кампания была для него не первой. Он знал, что солдаты по-разному переживают близость грядущего боя. На кого-то нападал нервный смех без причины, кто-то замыкался в себе. Умирали в итоге и те, и другие.

Взгляд старика был расфокусирован (сам он бы определил это как «сфокусирован на бесконечности»), поэтому это множество костров превращалось для него в широкое огневое море, на отмелях которого копошились существа, почти столь же нелепые, как какие-нибудь тюлени. Свет этого моря почти затмевал и свет звёзд, и свет луны.

Лёгкий порыв нехолодного, в общем-то, ветерка заставил старика вздрогнуть и поплотнее запахнуть тёплый зимний плащ. Проклятая лихорадка – даже в докрасна натопленном коконе шатра он был вынужден не снимать этого плаща. Его трясло так, будто он находился

¹ Лига – имперская мера длины, равная 4,82 километра.

² Миля – имперская мера длины, равная 1852 метра.

³ Фут – имперская мера длины, равная примерно 30,5 см.

сейчас не на побережье Серого моря, а где-то в ледяных пустошах Тайтана. И при всём этом тело и одежда его были мокрыми от отвратительного холодного пота.

Да, кажется, это действительно конец. Такими темпами через день-два он сляжет окончательно, а в этой глуши это будет равносильно смерти. Ему и сейчас нужно бы лежать, через силу втягивая в себя мерзкий горький настой, который приготовил полковой медикус. Но старик подозревал, что толку от этого настоя не больше, чем от его собственной мочи, да и лежать не было больше сил.

Эта кампания была далеко не первой в послужном списке умирающего старика. Казалось бы, он давно уже должен был привыкнуть к страданиям и боли, равно как и к тому, что зачастую источником этих боли и страданий являлся он сам. Собственно говоря, он и привык к этому уже давным-давно – слишком давно по человеческим меркам. Но сейчас в его воспалённом от лихорадки мозгу бурлили тяжёлые и чёрные мысли, и все они так или иначе были обращены к городку, находящемуся на том берегу моря огней. Возможно, это предчувствие смерти сделало его таким сентиментальным.

Старик не боялся умирать. По крайней мере, так ему казалось. Он прожил достаточно долго – может быть, даже слишком долго и неоправданно долго. В его жизнь вполне уместились бы десяток жизней обычных зажиточных буржуа, что ведут размеренный и спокойный образ жизни и умирают тихо и мирно в собственной постели, провожаемые к Белому Пути сдержанными подвываниями домашних.

Если же мерять его жизнь жизнями крепостных или тех из беднейших колонов, что почти не отличаются от крепостных, то этих жизней легко уместится и два десятка. Или вот жизнь этих легионеров, что коротают сейчас ночь у жарких костров... Их нелепо коротких жизней, оборванных вражеской стрелой или копьём на чужбине, непонятно во имя чего и для какой пользы самому убиенному, тоже поместится два, а то и два с половиной десятка. Многие из тех, кто не дожил ещё и до двадцати лет, завтра будут лежать ничком у размолотых стен Пиннора...

Несмотря на болезненную слабость, старик не смог сдержать кривой ухмылки. Он сам не понимал, какими неисповедимыми путями его мысли добрались до таких материй, которые ранее редко достаивались его внимания. Всему виной треклятая болезнь, не иначе.

Старик неловко утёр щекочущие нос капли пота и с отвращением поглядел на влажную ладонь. Как это всё глупо – невольно подумалось ему. Быть одним из самых могущественных людей Паэтты, и умереть от той же болезни, что косит самых простых смертных! Алая лихорадка столь же непристрастна, как и сам Асс. Ей всё равно, кто перед ней. Будь ты король, легионер, или последний нищий из латионских трущоб. Будь ты сам великий маг Каладиус...

– Мессир, вы снова встали с постели без дозволения? – из задумчивости его вырвал противный, словно зубная боль, голос.

– А разве мне требуется *ваше* дозволение, мэтр Петан? – не скрывая неприязни, процедил Каладиус, вновь утирая проклятый пот.

– Иногда даже люди вроде вас должны подчиняться людям вроде меня, – не стушевался возникший из полутьмы ночи медикус. – Прошу вас, мессир, войдите внутрь и лягте ради Арионна! Завтра вам потребуются все силы, чтобы стереть в порошок этот мятежный Пиннор. Его величество очень рассчитывает на вас, и вы не можете его подвести.

– Что за лицемерие! – сварливо проворчал маг, но тем не менее позволил Петану ввести его внутрь и довести до шикарного, совсем не походного ложа. – Выходит, я должен вставать, если так нужно королю, но не могу встать, когда это надобно мне?

– Все мы – верные слуги его величества, мессир, – философски пожал плечами медикус. – Наши жизни в его руках, и он может распоряжаться ими по своему усмотрению.

– Если бы вы знали, мэтр, сколько раз лет этак сорок пять назад я видел, как наш король пачкает свои пелёнки!.. После такого мало у кого останется должный пиетет к его величеству, – неуклюжей, шаркающей походкой Каладиус добрался наконец до своего ложа.

– Я прекрасно понимаю вас, мессир, – медикус позволил себе улыбнуться лишь краешком рта, поскольку сказанное магом вполне тянуло на оскорбление величества. – Вы – легенда, и в этом нет сомнений ни у кого, и особенно у меня. Короли приходят и уходят, а великий маг Каладиус был есть и будет.

– За эти слова я, пожалуй, прощаю вас, мэтр, – со стоном Каладиус опустил на постель, ощущая, как неприятно дрожат его ноги. – Что же касается того, что я был, есть и буду, то, кажется, у этой проклятой лихорадки свои мысли на сей счёт... Похоже, она меня всё-таки доконает...

– Вот ещё! – фыркнул Петан, наливая из принесённого с собой серебряного сосуда в бокал свой омерзительный настой. – Стоило ли жить больше полутысячи лет, чтобы вот так вот нелепо умереть от какой-то болезни?

– Никто не умирает без причин, даже великие маги, – тяжело вздохнул Каладиус, закрывая глаза, поскольку веки стали казаться совсем неподъёмными. – Чем это не причина?..

– Не для вас, мессир. Вы непременно умрёте так, что сама ваша смерть станет легендарной. А кто, помилуйте, станет слагать легенды об этом? – медикус обвёл рукой, освободившейся от серебряного сосуда, окружающее их убранство шатра. – Нет, мессир, я поставлю вас на ноги, даже не сомневайтесь! Вот, выпейте ваше лекарство!

– Я бы хотел умереть прямо в эту секунду, лишь бы не осквернить своё небо той дрянью, которой вы пичкаете меня, а также не слышать ваших нелепых рассуждений, – без особого раздражения проворчал маг, но всё же тяжело приподнялся на локте и приоткрыл губы, позволяя Петану приложить к ним бокал с дурно пахнущей жижей.

Медикус лишь усмехнулся в ответ, наблюдая, как самый могущественный и влиятельный человек этого мира, брезгливо морщась, медленными глоточками втягивает приготовленный им настой.

Каладиуса внесли в разможжённые ворота Пиннора на носилках, сделанных из легионерских плащей и покрытых сверху дорогими покрывалами. Маг предпочёл бы вступить в покорённый город собственной ногой, но сил на это не было – утренний бой вкупе с неослабевающей лихорадкой пожрали все его силы.

Каладиус, приподнявшись на носилках, глядел на громадные щепы, в которые превратились городские ворота. Это был его первый удар, и он вложил в него всю свою мощь. Потом он смог нанести ещё несколько куда более слабых ударов по деревянным щитам на вершине стены, за которыми укрывались лучники, а затем лишился чувств, упав на руки вовремя подбежавшего Петана.

Город пал быстро, но не без борьбы, хотя потери латионцев, конечно же, не шли ни в какое сравнение с жертвами среди защитников города. То тут то там великий маг видел кучки несчастных оборванных людей, на некоторых из них была кровь. В основном, конечно, тут были женщины, судорожно прижимавшие к себе детей. Но были и мужчины, причём некоторые явно были из числа оборонявших город воинов.

Тяжело раненых среди жителей Пиннора уже не было – сразу после боя легионеры прирезали всех, чьи раны требовали хотя бы какого-то вмешательства со стороны медикусов – последние были заняты оказанием помощи латионцам, среди которых раненых оказалось почти две сотни. Ещё вчера в городе проживало не менее двух тысяч человек, сегодня их осталось едва ли полтысячи.

Не зря всё-таки Каладиуса частенько называли Губителем Народов. То, что происходило сейчас – было полностью его рук дело. Признаться, его величество король Латиона Бейгон Третий до конца не мог даже вникнуть – для чего посылать целых два легиона именно сюда, на это полупустынное побережье, находящееся так далеко от границ его королевства. Однако пере-

чить своему первому министру и по совместительству главному придворному магу не стал. Наверное, ему и в голову бы не могло прийти сказать что-то наперекор Каладиусу. Он всегда был лишь послушной куклой, а сам великий маг – зловещим чревовещателем.

Недалёкому королю Бейгону было не понять, что империям во все времена нужны кровавые жертвы. И пусть Кидуанская империя давным-давно пала, но всегда можно создать новую. И Каладиус вовсе не желал становиться императором – к чему быть марионеткой, когда можно быть кукловодом? Быть правителем – слишком неблагоприятное дело. Ты опутан множеством условностей. Соблюдай их все – и ты прослывёшь слабым. Нарушай их – и молва наречёт тебя тираном.

Другое дело – первый министр. Всегда в тени, всегда чуть в стороне, одинаково недосягаемый и для ропота, и для фальшивого раболепия. Но именно с твоих слов пишут указы, которые после подпишет король. Но именно твои интересы встанут во главу угла, ибо интересы короля – это прежде всего интересы короны, а интересы министра – прежде всего его собственные интересы.

Его величество долго недоумевал – для чего было гнать два легиона в такую даль, когда можно было ограничиться нападками на приграничные территории, как это и бывало обычно. Но в том-то всё и дело, что Каладиус давно жаждал разрыва привычных схем, которые стали лишь пародией на войну.

И Латион, и Шинтан давно уже поняли, что эти вечные дрязги невыгодны никому. Палатий никогда не станет частью Латиона, сколько бы последний не надувал щёки и не убеждал всех, что он является законным преемником Кидуанской империи. Давно пора уже было искать пути к примирению, и, похоже, по обеим сторонам границы это понимали уже практически все.

Но это шло вразрез с тем, чего хотел Каладиус, а потому война, казалось бы, уже сама собой сошедшая на нет, внезапно разгорелась с новой силой, пусть даже и против воли сторон. И именно поэтому великий маг хотел нанести удар туда, где его никто и никогда не ждал. Латион и Палатий были похожи на двух бугаёв, лениво толкающихся локтями, сидя на одной лавке. Пора было одному из них нанести резкий, неожиданный, даже несколько нечестный удар прямо в печень. И вот Каладиус решил, что такой печенью станет северо-запад Палатия.

Залив Алиенти не представлял особой стратегической ценности, но всё же, обосновавшись там, армии Латиона смогли бы, действуя уже с двух сторон, отрезать всё западное побережье Палатия до самой Шайтры. А вот это было бы уже неплохим заделом на будущее. Каладиус не сомневался, что построить новую империю вполне возможно и даже необходимо. Латион, конечно, достаточно мощное государство, но для радикального решения вопроса с Саррассой этой мощи недостаточно. Лишь тогда, когда удастся вновь собрать воедино все земли Кидуанской империи, расколотой во времена Смутных дней, можно будет рассчитывать на определённый паритет.

Да, за могущество империи нужно платить кровью. Да, империи нужны жертвы. И эти несчастные дрожащие люди, с ужасом сбивающиеся в небольшие группки, и их менее счастливые сородичи, которых солдаты армии-победительницы стаскивали сейчас в крепостной ров, да и сами легионеры, своей кровью оплачивающие амбиции власть имущих – все они были необходимыми жертвами.

Каладиус смотрел на разрушение, творившееся вокруг, и не находил ни капли жалости в своём сердце. Если что и омрачало его мысли, так это опасение того, что он может умереть сейчас, когда под его руководством вершатся столь великие дела. Сделать так много для создания будущего величия своего государства, и не дожить до того, чтобы увидеть плоды трудов своих – это было бы слишком жестоко со стороны богов!

Великий маг дал себе слово безропотно пить любую гадость, какой только вздумает потчевать его Петан, лишь бы побороть болезнь. Он должен и может это сделать. Кто же, если не он – великий маг Каладиус?!

Глава 1. Крайз

Спустя много лет после своего рождения великий мистификатор Каладиус утверждал, что он – отпрыск древнего рода, что в ночь его рождения внезапно случилась жуткая гроза, а мать его умерла родами. Он говорил, что его, посиневшего и задыхающегося, вытащил из чрева мёртвой роженицы случайный прохожий, оказавшийся весьма могущественным магом. Более того, что он вспорол для этого живот умершей своим кинжалом. И что оказался он в доме Каладиуса вовсе не случайно.

Во всём этом правды было... Да, пожалуй, здесь не было ни слова правды. Матерью будущего великого мага была простая колонка, родила она его вполне солнечным утром и вполне благополучно, хотя это были её первые роды. Приняла младенца местная повитуха, и никого более рядом не было.

Отца, правда, Каладиус не знал, да и, сказать по правде, решить эту задачу было бы довольно затруднительно. Его мать была вдовой – муж погиб в одной из мелких войн с Латием лет за шесть до рождения мальчика. С тех пор в родной деревушке Каладиуса и других близлежащих селениях за ней прочно закрепилось прозвище Безотказка. Мужики ходили к ней – кто скрытно, кто не таясь – и никому она не отказала. Да и не в её положении было разыгрывать гордычку. Одна, без мужа, с младенцем на руках – не прошло бы и года, как они умерли бы с голоду.

Не исключено, кстати, что отцом Каладиуса действительно мог быть местный помещик. Тот был весьма охоч до женщин, и редко какая крепостная могла бы похвастаться, что ни разу не была под барином. Разве что уж была она совсем страшной или старой. Множество пащенков сеньора бегало по пыльным улицам окрестных селений, и их количества не смог бы сосчитать никто.

Вполне возможно, что и будущий великий маг Каладиус мог быть одним из них. Мать Каладиуса, конечно, не была крепостной, но зато имела своеобразное очарование и не умела отказывать мужикам, а кроме того, в этой глуши местный сеньор, пусть он даже и был захудалым дворянчиком, для местных земледельцев был первой и главной властью в округе. Спорить с ним было чревато не только для крепостных, но и для свободных селян.

Конечно, при рождении Безотказка не нарекла своё чадо Каладиусом. Многие в это не поверят, но какое-то время будущий Сокрушитель Народов вполне обходился прозаичным именем Олни. Олни Стайк, сын Дарфы Стайк – так он был записан в душевой книге местного священника-арионнита.

Детство будущего великого мага оказалось не самым безоблачным. Так уж вышло, что он родился довольно смуглым мальчишкой. Виной тому была примесь саррассанской крови в жилах его матери – её предки по отцовской линии действительно когда-то имели корни в южной империи. Однако, если у самой Дарфы саррассанская кровь была прочно погребена под типично северной белёсостью и толстым слоем веснушек, то Олни казался самым настоящим южанином – смуглым, с острыми чертами лица.

Живи они в Латие⁴ или Варсе – вряд ли цвет его кожи так уж сильно отличался бы от других, но здесь, в этой затерянной среди редколесья деревушке, он на фоне других выглядел едва ли не калуянцем. И этого оказалось достаточно, чтобы те пять или шесть местных сорванцов, что более-менее подходили ему по возрасту, избрали его объектом для своих насмешек, быстро придумав ему прозвище Загарыш. Так и вышло, что у Олни с детства не было друзей, а от жизни он привык ждать лишь оплеух да насмешек.

⁴ Здесь имеется в виду не само королевство Латие, а лишь его столица – город с одноимённым названием.

На ужин вновь было эта мерзкая телятина – куски вяленого мяса, сваренные в воде. Жилистые, с душиком, покрывающиеся отвратительной плёнкой, едва немного остынут... Телятина, отваренная в воде с парой-другой луковиц и несколькими картошинами, в последнее время стала привычным рационом в лачуге Дарфы Стайк. И десятилетний Олни очень хорошо понимал природу происхождения этих вонючих кусков.

В последнее время мама сошлась с Крайзом – местным пастухом. Почти весь день он пропадавал на пастбищах, где пас три десятка барских коров, да ещё с десятков коровок селян. Большинство односельчан расплачивались с вечно хмурым пастухом натурой – молоком, сыром, а также вяленой телятиной. И вот теперь Крайз вечером, когда уже почти темнело, вваливался к ним в дом, бросая плащ на единственную лавку, стягивая разношенные башмаки и наполняя и без того переполненную всевозможными не самыми приятными ароматами атмосферу едким запахом потных ног.

Он приносил что-то из съестного – обычно это был кусок сыра или кусок вяленого мяса. Мама тут же принималась хлопотать вокруг него – подавая кувшин с кислым квасом на овсяных зёрнах, лохань с водой, куда Крайз с блаженным стоном тут же погружал свои покрасневшие заскорузлые ступни, а также скудный ужин. Крайз был единственным в доме, кто каждый день получал кусок грубого хлеба. Олни ел хлеб обычно не чаще двух раз в неделю, лишь изредка получая чуть больше, если Крайз не доедал своего куска. Мама не ела хлеба вовсе, тихо поясняя сыну своим вечно замученным голосом, что она его совсем не любит.

Олни терпеть не мог Крайза – характер у пастуха был абсолютно мерзкий. Несмотря на то, что они с Дарфой сошлись уже пару месяцев назад, и Крайз теперь приходил к ним как к себе домой, он был весьма прижимист. Олни с матерью жили очень бедно, дом был обставлен лишь самым необходимым, да и то, как правило, уже сильно пострадавшим от времени, однако Крайз за всё это время не то что не принёс сюда что-то из своего жилища, но даже и не починил ничего из того, что уже было здесь. Он даже еду приносил понемногу, так, словно предварительно высчитывал и откладывал в сторону часть припасов, чтобы не принести лишнего.

На что Крайз был щедр – так это на брань и тумачи. Не было дня, чтобы он не обругал Дарфу последними словами, припоминая ей кто она, и чем зарабатывает на жизнь. Доставалось и Олни, так что тот быстро научился держать язык за зубами. Он вообще теперь старался жить вне дома, благо стояло вполне тёплое лето.

Надо сказать, что Олни давно уже, несмотря на свои нежные годы, в полной мере осознал, чем занимается его мама. Их халупа была совсем невелика и состояла из одной единственной комнаты, так что к своим десяти годам мальчик навидался и наслушался всякого.

Обычно, когда на пороге возникал очередной страждущий прелестей Безотказки мужик, та просила дождаться ночи, пока не уснёт малыш. Но беда в том, что от волнения и огорчения у Олни частенько случалась бессонница. Он старательно делал вид, что спит, потому что посетители редко бывали терпеливы и вечно ворчали, костеря ни в чём неповинного ребёнка. Он слышал, как стонет его мама, и у него, не слишком-то понимающего, что происходит, начинали течь беззвучные слёзы, к счастью, невидимые в темноте.

Став постарше, Олни соорудил себе нечто вроде гнёздышка на убогом чердаке, и при любом удобном случае отправлялся спать туда. Конечно, звуки хорошо доносились и дотуда, но здесь, в этой иллюзии одиночества и безопасности, он хотя бы мог уснуть.

Сейчас же, когда появился Крайз, парень и вовсе стал на ночь убегать на соседский сеновал. Он, конечно, понимал, что если его застанут там – не миновать хорошей трёпки, но готов был рискнуть, лишь бы находиться подальше от ненавистного пастуха.

И вот сегодня мама сказала, что договорилась с Крайзом, чтобы тот взял Олни себе в помощники. Сказала это преувеличенно весёлым тоном, но при этом улыбалась так виновато,

что мальчик внезапно почувствовал прилив ярости. Он и раньше часто злился на маму, но сейчас впервые почувствовал к ней что-то вроде ненависти.

– Я не буду работать с ним! – визгливым мальчишечьим голосом воскликнул он, в сердцах смахивая на глинобитный пол плошку с бульоном и недоеденным кусочком мяса.

– Но это хорошая работа, – мама даже не подумала отчитать сына за подобную выходку. – И ты будешь получать плату...

– Гнилое мясо? Или прокисший сыр? – слёзы навернулись на глаза мальчика. – Я ненавижу их! И Крайза ненавижу!

– Крайз хороший, – слёзы появились и на глазах Дарфы, отчего её фальшиво-ободряющая улыбка стала ещё более щемяще-тоскливой. – Он помогает нам. И он поступил очень великодушно, согласившись взять тебя в помощники.

– К дьяволам его великодушие! – крикнул Олни, припомнив грубое слово, которое часто употреблял пастух. – Я не буду работать с ним! А если станешь заставлять меня – я убегу из дому!

И он действительно выскочил на улицу, громко хлопнув обветшалой дверью. И твёрдо решил сегодня больше не возвращаться. Пару часов он просто сидел на толстой ветви ракиты, нависшей над Шмыгой – то ли небольшой речкой, то ли широким ручьём, что протекал в паре сотен ярдов⁵ от деревни. Потом заметил старуху Краго, семенящую от ручья с двумя полными бадейками воды. Легко спрыгнув, он предложил ей дотащить воду до хаты.

Старуха Краго щедро одарила мальчугана за помощь – не просто дала ему ломоть хлеба, но ещё и сбрызнула его льняным маслом и посыпала крупной сероватой солью. Олни, счастливый, вернулся на излюбленную ветку, где с наслаждением уплёл лакомство, любясь резво бегущей внизу водой. Теперь уж точно возвращаться домой не было никакой нужды. Неподалёку от ручья кто-то сметал уже пару стогов, так что Олни решил заночевать там.

Разрыв себе небольшую берлогу (ох и влетит же ему, если хозяин стога застанет его здесь!), Олни улёгся, любясь золотистым закатом. Солнце уходило медленно и величественно – казалось бы, оно стоит на месте, а только вдруг через какое-то время оказывалось, что ещё небольшой кусочек скрылся за горизонтом. Лишь когда небо совсем потемнело и покрылось яркими звёздами, а по земле поползла прохладная сырость, мальчик зарылся поглубже в своё укрытие и вскоре заснул.

Проснулся он от того, что кто-то больно тянул его за ухо. Спросонья Олни решил было, что это – хозяин стога, но в свете наступающей зари разглядел, что перед ним стоит Крайз.

– Пойдём, пора на работу, – буркнул он.

– Не пойду, – Олни ещё не отошёл ото сна, поэтому мысли ещё медленно шевелились в голове, так что он ответил, не успев даже подумать.

– Это ещё почему? – вспылчивый обычно Крайз на этот раз спрашивал совершенно спокойно, чуть насмешливо, и это особенно пугало.

– Не хочу, – шмыгнув носом мальчик – ночь была холодной, так что в носу было полно соплей.

– Не хочешь? – словно удивившись, протянул пастух. – Не хочешь зарабатывать себе на жизнь? Может быть, ты хочешь всю жизнь сидеть на шее у матери? Может, ты до сих пор и сиську сосёшь?

– Оставь меня в покое, – хотелось бы, чтобы это прозвучало резко и жёстко, но на деле вышло жалобно.

– Ах в покое? – лицо Крайза внезапно исказилось. – Да знаешь ли ты, щенок, что мать твоя всю ночь не спала, произвелась вся оттого, что ты не пришёл ночевать? Если ты ещё раз

⁵ Ярд – имперская мера длины, приблизительно равная 0,91 м.

подобное вычудишь – я тебя своим батоном так отделаю, что месяц ни сидеть, ни лежать на спине не сможешь! Пошли, я сказал!

– Сам иди! – Олни было дико страшно, но остановиться он уже не мог. – Проваливай, и больше не появляйся в нашем доме! Если ты останешься – однажды я убью тебя!..

– Ах ты, мелкий хорёк! – Крайза всего перекосило от злости, и он, более не сдерживаясь, влепил мальчику затрещину.

Пастух не был очень уж здоров или силён, но в удар он вложил всю свою ненависть и всё своё буйство. Олни показалось, что лопнула пополам старая ива – такой был звук от этого удара. И внезапно земля взвилась ввысь и с размаху врезала ему по лицу, а затем обрушилась ослепляющая боль одновременно и от отбитого затылка, и от расквашенного при падении носа. Мальчишка попытался встать, но руки и ноги словно не слушались, и к тому же он совершенно не мог понять, где верх, а где низ. Он лишь вздрогнул, и так и остался лежать.

– Давай, вставай, малой, – Крайз неуверенно тронул его за плечо, вероятно, струхнув, что мог убить парнишку. – Пойдём, мать собрала тебе немного пожрать, у меня в торбе завёрнуто. Поди обмойся, да пошли в поле...

Олни продолжал лежать недвижимо – в голове стоял такой звон, что он не слышал ни одного слова, а пошевелиться пока не было ни сил, ни желания. Крайз нервно перевернул его на спину, долго вглядывался – вздымается ли грудная клетка, и, наконец, с облегчением удостоверившись, что мальчик, по крайней мере, ещё дышит, разогнулся.

– Ну и валяйся тут, – стараясь говорить невозмутимо, проговорил он, но хриплый срывающийся голос выдавал волнение. – Вечером дома поговорим. И попробуй только не вернуться!

И он отправился прочь развязным шагом, пытаясь вернуть себе былую уверенность.

Едва лишь он отошёл на достаточное расстояние, к Олни подбежала мама. Судя по всему, она украдкой проследила за Крайзом и наблюдала произошедшее, но не успела, или же побоялась вмешаться.

– Сынок! – рыдая, она бросилась на колени. – Как ты?

Олни уже понемногу приходил в себя, но всё ещё был оглушён. Он позволил поднять себя на ноги и, шатаясь, побрёл, то и дело повисая на материной руке, когда ноги в очередной раз подкашивались. Дома мама уложила его на свою (их с Крайзом) лежанку, дала попить, а затем стала осторожно смывать грязь и кровь ветошью, смоченной в воде. Ещё одну мокрую холодную тряпицу она, аккуратно сложив в несколько раз, подложила ему под гудящий затылок.

– Я убью его, – это были первые слова, которые сумел произнести Олни.

Дарфа Стайк лишь горько зарыдала в ответ на это.

На следующее утро Олни отправился в поле с Крайзом. Сам, молча, без пререканий. И с потаённой радостью отметил, что пастух всегда старается идти так, чтобы не оставлять парня за спиной. Значит, он не до конца списал со счетов брошенные стгоряча слова. Может, и мама передала то, что он сказал ей вчера. В любом случае, Крайз если и не опасался мальчишку, то уж по крайней мере принимал всерьёз, и Олни воспринял это как первую маленькую победу. Но мысль о том, что однажды он убьёт этого человека, так и не покинула его голову.

Пасти коров было несложно – большую часть дня эти ленивые скотины вяло бродили по пастбищу, жуя траву, либо лежали, подтянув под себя ноги, и лишь в самый разгар дня, когда невыносимыми становились жгучие укусы множества оводов и слепней, они начинали проявлять беспокойство и двигаться быстрее, так и норовя куда-нибудь уйти. Но хитрый Крайз к этому времени отгонял стадо к одной из излучин Шмыги, где течение было не таким сильным, и коровы блаженно забирались в прохладную воду так, что скрывалось вымя, спасаясь одновременно и от жары, и от множества кусачих насекомых.

За весь день пастух и его помощник не перекидывались и парой слов. Лишь изредка Крайз скупно давал какие-то указания, а чаще довольствовался жестами. Он по-прежнему держал Олни подальше от себя – с другого края пастбища, так что парнишка целый день нежился на солнце, разглядывая редкие облака, качающиеся травы, жужжащих насекомых. Ему всегда было интересно наблюдать за природой, и теперь он мог делать это совершенно свободно, на время забывая не только о ненавистном Крайзе, но и вообще обо всём на свете.

Наградой за помощь Олни служил лишний кусок вяленой телятины и лишний кусок сыра, которые Крайз теперь приносил в хижину Дарфы вечером. Он всегда после выпаса отправлял Олни домой, а сам на некоторое время отправлялся в свою хату, стоявшую на отшибе, и где, вероятно, хранил свои припасы.

О произошедшем больше не разговаривали. Олни вообще стал более молчалив и замкнут. Он не заговаривал первым даже с мамой, и отвечал чаще односложно, либо вовсе обходился жестами. Дарфа смотрела на него печальным затравленным взглядом, но даже не пыталась поговорить. На него же эта грусть действовала скорее озлобляюще, причём злился он не только на Крайза, но и на маму.

Так закончилось это лето, лето 962 года Руны Кветь⁶.

К месяцу дождей⁷ трава на лесистых равнинах южного Палатия пожухла настолько, что выпас скота стал делом совершенно бессмысленным. Крайз, как обычно, на это время нанимался батраком к местному сеньору – был скотником, мясником, и выполнял различную другую работу. Для Олни и его мамы это означало, что проклятый пастух стал появляться у них гораздо реже, иной раз пропадая на несколько дней.

Олни был счастлив, да и Дарфа не выглядела очень уж расстроенной – кажется, она больше боялась Крайза, чем испытывала к нему какие-то нежные чувства, тем более что пастух не слишком-то улучшил материальное положение семьи. Естественно, что довольно скоро слухи о том, что Безотказка вновь свободна, побежали по окрестностям, и в доме Дарфы вновь появились посетители.

Олни и сам был удивлён, насколько он обрадовался этим похотливым деревенщинам, хотя раньше всякий раз внутренне содрогался, когда слышал стук в дверь. Но теперь для него это означало прежде всего свободу от Крайза – тот хоть и захаживал к Дарфе, но уже не так часто, как раньше.

Но однажды случилось неизбежное. Ввалившись затемно в лачугу, которую он считал своей, Крайз наткнулся на весьма недвусмысленную сцену. Завязалась драка, разбудившая на сей раз честно спавшего Олни. Нельзя сказать, что Крайз вышел из неё однозначным победителем, однако же его соперник в какой-то момент предпочёл ретироваться, оставив часть одежды на поле брани.

Теперь Крайз, обозлённый до бешенства, с кровоточащей губой и разодранным рукавом куртки, мог выместить свою злость на Дарфе. Он страшно кричал, наблюдая, как она спешно натягивает одежду, а затем впервые за всё время перешёл от слов к делу. И до этого бывало несколько моментов, когда он в ярости замахивался на свою сожительницу, но обычно в последний момент успевал остановить руку. В этот же раз он не стал сдерживаться и наотмашь влепил Дарфе пощёчину.

Безотказка, как подкошенная, рухнула на разлётанную лежанку, и тут же сзади к Крайзу подскочил Олни. С горестным криком, в который он вложил всю свою ненависть, мальчишка

⁶ Руна Кветь – шестая Руна из двадцати четырёх, коими Неведомый запечатал Сферу Создания. Каждая из Рун, согласно представлениям учёных, длится 4000 лет.

⁷ Месяц дождей – второй месяц осени, соответствует нашему октябрю.

прыгнул на спину обидчика и зубами впился ему в плечо. Плотная куртка спасла Крайза от опасности лишиться части своей плоти, потому что парнишка сжал челюсти со всеми силами, что были ему доступны. Во всяком случае, Олни, кажется, удалось прокусить плечо до крови, хотя, быть может, это куртка пастуха столь пропиталась потом, что была солоноватой на вкус.

Разразившись проклятиями, Крайз стяхнул с себя Олни, который был слишком слаб, чтобы удержаться на спине взрослого человека. Словно кот, мальчик, едва коснувшись ногами пола, отпрыгнул в сторону, уходя от удара. Но теперь он оказался прижат к стене, убежать было больше некуда.

Подскочив к наглому мальчишке, Крайз как следует замахнулся – кажется, он решил повторить свою прошлую оплеуху. Поняв, что уйти от удара не получится, Олни как-то внутренне сжался, стараясь подготовить тело к грядущей боли. Он что-то ощутил – словно какие-то мурашки, пробежавшие по спине. А затем мозолистая грязная ладонь обрушилась не его голову.

Удивительно, но на сей раз боль была не такая оглушающая. Это скорее было похоже на те лёгкие хлопки, которые изредка позволяла себе мама. Олни даже распахнул глаза от удивления – он-то уже приготовился к тому, что снова сутки пролежит в постели после этого удара.

Крайз же, напротив, разразился криками боли и изумления. Он тряс ладонью так, словно только что изо всех сил ударил гранитную скалу. Кажется, он совершенно забыл на какое-то время о проклятом щенке. Олни не требовалось дополнительного приглашения – он мышью прошмыгнул мимо кричащего от боли пастуха и опрометью выскочил на улицу.

История эта окончилась для Олни вполне счастливо. Оскорблённый и порядком побитый Крайз в тот вечер ушёл от Дарфы к себе домой, а уже на следующий день несколько местных мужиков знатно отколотили его, чтобы наглец впредь не зарился на то, что принадлежит всем. И с тех пор ноги пастуха в доме Олни и его мамы не было. Было, правда, множество других ног, но мальчик понял, что до тех пор, пока они не претендуют на нечто большее чем полчаса в постели, всё это не так уж и страшно.

Глава 2. Дар

В последующие несколько лет Олни жил обычной жизнью простого деревенского мальчишки – подённичал по мере возможности, добывая хоть какое-то пропитание, трудился на небольшом клочке земли, что арендовали они с мамой у барина, и которая приносила больше проблем, нежели плодов, однако Дарфа никак не могла решиться отказаться от неё, потому что безземелье было бы равносильно нищете. Будучи единственным мужчиной в семье, Олни старался делать всё, что мог, лишь бы облегчить жизнь матери.

У неё, кстати, возникли довольно серьёзные проблемы – кто-то из посетителей одарил её нехорошей болезнью. Это доставляло ей массу неприятностей, а кроме того несколько уменьшило поток поклонников, так что Олни в очередной раз пришлось потуже затянуть пояс, а также более рьяно искать себе подённую работу в надежде однажды найти что-то постоянное. Он уже несколько раз ходил в именье, надеясь уговорить управляющего взять его в батраки, однако всякий раз возвращался ни с чем.

Хорошо было бы податься куда-нибудь в город – например, в находящийся милях в тридцати пяти отсюда городок Токкей. Возможно, там его рукигодились бы больше. Однако он не мог оставить маму одну.

К пятнадцати годам Олни вытянулся, став на полторы головы выше матери, но при этом был таким тощим, что со стороны выглядел жердью, вытянутой из плетня. У него по-прежнему не было приятелей, но зато на него стали всё чаще заглядываться девчонки, находя весьма интересной его южную смуглость и точённость лица.

Деревенские нравы были довольно просты и непритязательны, так что в свои пятнадцать Олни позволял себе довольно много. Пока боги миловали юного ходока, но всё шло к тому, что рано или поздно в его дом вломится разъярённый папаша, таща за руку зарёванную дочку, и потребует сыграть свадьбу раньше, чем у дурёхи станет заметно округлившееся брюхо.

Может быть, случись всё именно так, мир никогда не узнал бы о великом и ужасном Каладиусе. Но, кажется, то ли у Белого Арионна, то ли у Чёрного Асса были свои планы на этого пока ещё тщедушного подростка.

Скорее всего, в этом был замешан именно Асс, потому что дорожка, по которой шёл Олни становилась всё более кривой. В какой-то момент, доведённый до отчаяния вечной нищетой и недолеченной болезнью матери, которая периодически давала о себе знать, парень взялся за воровство.

Поначалу это были мелочи вроде пары редек, тайком выдернутых с чужого огорода ночью, и в этом не было ничего страшного – подобным промышляли любые мальчишки в любом уголке мира, даже те, у которых всего в достатке было на собственном огороде, ведь чужое всегда слаще и вкуснее. Но потом он стал таскать яйца из курятников, вяленую рыбу, которую рыбаки подвешивали на солнце. Вскоре дошло до зерна. А затем он стал таскать кур.

Деревушка, в которой жил Олни, была совсем невелика – три десятка дворов, или чуть больше. В таком ограниченном пространстве долго не замечать факты многочисленных краж было попросту невозможно. Небогатые рачительные колонны чуть ли не поштучно знали, сколько морковок растёт на их грядках, не говоря уж о количестве кур.

В общем, Олни совсем недолго оставался непойманным. Точнее, на месте преступления его так и не поймали, но круг подозреваемых был не так широк, поэтому на следующий день после того, как он украл вторую в своей жизни курицу, к ним в дом пришли.

Надо сказать, мама не задавала лишних вопросов по поводу внезапно возникших тощих несущек со свёрнутыми на бок головами – её вполне удовлетворяли невнятные объяснения о плате за подработку, хотя сложно было представить себе такую услугу, которая бы

стоила курицы. Тем не менее, куриный бульон значительно обогащал меню, поэтому Дарфа старательно верила в не слишком ловкую ложь сына.

Когда к ним вломились разъярённые односельчане, Олни проявил недюжинный талант актёра. Он весьма правдоподобно изображал сперва изумление, затем – оскорблённую невинность и горячее желание помочь в поисках истинного воришки. Он великолепно отыгрывал за двоих – и за себя, и за беспомощно молчащую мать, озирающуюся каким-то виновато-испуганным взглядом.

Но все старания оказались тщетны – правдоподобность великолепных пантомим и искренних речей Олни разбилась о кучку красновато-коричневых перьев, которую ребятишки довольно быстро сыскали под лопухами в дальнем уголке их небольшого огородика. С таким аргументом не могла поспорить никакая актёрская игра.

К счастью, владельца безвременно погибшей курицы удалось утихомирить – он отвесил Олни лишь пару тумачков. Однако же теперь сельчане с полной уверенностью в собственной правоте обвинили мальчика во всех кражах, что случились за последнее время, и, как мы знаем, совершенно небезосновательно. Воришка стоял, потирая покрасневшее ухо, и ревел в два ручья, причём сложно сказать, сколько в этом было актёрской игры, а сколько – реального страха и боли.

Так или иначе, но слёзы долговязого дылды не произвели на односельчан должного впечатления. Было решено, что парень уже достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои поступки. Хозяин курицы под общий ободриТЕЛЬный ропот объявил, что вора нужно судить по закону.

Законом так далеко от ближайшего города был, естественно, местный феодал. И это вполне устраивало всех – ведь попади Олни в настоящий суд, то, вероятнее всего, его отправили бы на пару лет дробить щебень в Анурских горах. А так, глядишь, пара десятков ударов розгами навсегда выбьют из него эту дурь. Так что ревушего воришку в сопровождении ревушей же Дарфы повели в имение, находившееся в трёх милях от деревни.

Имение местного сеньора не поражало воображение ни размерами, ни роскошью. В здешних местах не было особо зажиточных колонов, которые могли бы арендовать большие участки земли и тем самым обеспечивать феодалу стабильную ренту, да и земля была не из самых плодородных, так что тяжкий труд крепостных приносил довольно жалкие плоды. По местным меркам сеньор Шейнвил был вполне себе крупным феодалом, но, конечно, если не сравнивать его с помещиками, обитающими поближе к Шинтану.

Тем не менее, замашки у сеньора Шейнвила были поистине аристократические. Мы уже упоминали ту вольность, с какой он позволял себе использовать своих крепостных девушек в качестве наложниц. Жена его уже несколько лет лежала, не вставая – у неё было расслабление ног, так что передвигаться без посторонней помощи она не могла. А потому сеньор Шейнвил чувствовал себя в полном праве, поскольку мужчина он был ещё не старый – ему не исполнилось и сорока пяти, и он, как он сам выражался, «не был лишён определённых потребностей». Надо отметить, что он нисколько не стеснялся своих походов, что лишней раз подтверждало, что ничего плохого он в этом не видел.

Но, кроме этого, сеньор Шейнвил весьма тяготился своим ярмом провинциального помещика. Одно время он стал устраивать регулярные выезды в Токкей, но вскоре заметил, что вызывает там скорее насмешки со стороны высшего общества, и решил, что сумеет придать аристократический лоск своей жизни и здесь, в своём имении. Представления об аристократизме у него, впрочем, были самые простецкие, поэтому, случись в его имении гость с более тонким столичным вкусом, он бы пришёл в ужас, или же подавился бы смехом от той аляповатости, которая, впрочем, в известной степени выглядела даже трогательно. Понятное дело, что для окрестных колонов и крепостных, не обладающих врождённой изысканностью, усадьба

барина выглядела просто шикарно, хотя за всей этой дешёвой помпезностью и проглядывала некоторая скудость в достатке.

Именно в силу своих барских привычек сеньор Шейнвил находил особое удовольствие в той пародии на суд, которую он устраивал для местных селян. В такие минуты он чувствовал свою исключительную, ничем не разбавленную значимость для всех этих людей, собравшихся здесь, и это окрыляло мелкопоместного дворянчика, пробуждало в нём вкус к жизни.

Обычно в подобные дни на высокое крыльцо усадьбы выносили большое кресло, задрапированное помпезными покрывалами, а двери и стену завешивали багряным гобеленом с золотой вышивкой. Золотые нити, правда, давно поблекли, а саму ткань гобеленов порядком побили моль и время, но на собиравшихся поглазеть на «суд» селян всё это производило неизгладимое впечатление. В такие минуты им казалось, что перед ними восседает не их барин, и даже не грозный судья, а сам Увилл Великий⁸, а то и кто-то из императоров древней империи.

В ненастные дни, правда, приходилось проводить суд в одной из гостиных, которая не могла уже вместить всех желающих, но зато там каждая деталь убранства буквально вопила о благородстве и знатности своего хозяина.

На этот раз погода была вполне ясная, так что сеньор Шейнвил, узнав, для чего к нему пришли людишки, тут же распорядился покамест запереть обвиняемого в пустующем хлеву и начать подготовку к заседанию. Всё время, пока дворовая прислуга натягивала гобелен и выметала двор, Дарфа стояла, прислонившись лбом к неплотно сбитым дверям хлева, и тихонько подвывала в тон хнычущему внутри сыну.

Наконец всё было подготовлено. Олни вывели во двор, и он, щурясь от солнца и от соли, разъедающей веки, подошёл к восседавшему на возвышении сеньору. Дарфа пыталась было пройти за ним, но дворня довольно грубо оттолкала её к остальным селянам.

Неподалёку от самозванного судьи сидел, ухмыляясь, мужчина лет тридцати-тридцати пяти. Он с явным интересом наблюдал за происходящим, но интерес этот был не лишён язвительности и почти неприкрытой насмешки. Одет мужчина был небогато, но при всём этом в его скромной, явно поношенной одежде неуловимо угадывался определённый вкус, выдававший в её владельце горожанина, причём горожанина, когда-то ранее имевшего некоторый достаток.

Поговаривали, что это – кузен сеньора Шейнвила, приехавший к нему в усадьбу несколько месяцев назад. Якобы, раньше он жил едва ли не в самом Шинтане, но затем по какой-то причине заимел определённые проблемы с законом, и решил на время раствориться в затхлом и непроницаемом из столицы воздухе дальней провинции.

Так ли это было, или иначе – сказать сложно, но было видно, что кузен сеньора Шейнвила впервые попал на подобную экзекуцию и с огромным удовольствием наблюдает за происходящим. Даже не слишком внимательный наблюдатель сразу отметил бы, насколько этого горожанина смешит разыгрываемая сцена, и что он столь низкого мнения об умственных способностях присутствующих, что не слишком-то и скрывает свою сардоническую ухмылку. Ну и кроме того он, должно быть, отчаянно скучал здесь, в этих глухих местах, поэтому был крайне рад неожиданному развлечению.

Сеньор Шейнвил же, раздуваясь от собственной важности перед лицом родственника, на сей раз превзошёл сам себя. Он говорил медленно и веско, пытаясь вплетать в речь те немногие юридические термины, которые когда-либо слышал и попытался запомнить, но по внезапным гримасам, то и дело искажавшим лицо его кузена, словно бы тот изо всех сил сдерживал подступающий смех, становилось понятно, что чаще всего эти термины вставлялись совершенно не к месту.

⁸ Увилл Великий (он же – Увилл Завоеватель) – легендарный король Латиона, ставший героем множества легенд не только в данном королевстве, но и в соседних, в том числе и Палатие. Король Увилл сумел преодолеть последствия Смутных дней и начать процесс собирания земель, превративший небольшое королевство Латион в одно из величайших государств на территории бывшей Кидуанской империи.

Судья дал высказаться сперва потерпевшей стороне – владельцам двух пропавших кур, а также прочего того, что успел украсть Олни. Он важно кивал и даже словно что-то помечал на листе пергамента линиям пером. Он, накренившись вперёд, выслушал свидетелей о найденных уликах в виде кучки перьев и даже изучил на свет одно из таких пёрышек, которое было заботливо принесено сюда в качестве доказательства. Неясно, что он мог разглядеть в этом жалком пере – разве что, подобно мифическим оракулам он мог вопрошать неживые предметы, но было видно, что старательно давящий улыбку кузен считает это предположение маловероятным. Тем не менее, сеньор Шейнвил положил поданное пёрышко рядом со своим листом бумаги и кивнул с самым проницательным видом.

Затем была милостиво дана возможность высказаться самому Олни, но он только и мог, что размазывать сопли по щекам, да бормотать какие-то бессвязные извинения. Он уже не пытался разыгрывать из себя святую невинность, уже не отпирался от тех обвинений, что предъявлялись ему. Он был раздавлен творящимся вокруг и, вероятно, уже прощался с жизнью.

Весь процесс занял не более трёх четвертей часа, но если бы выжать из него все выпревание и нелепые речи сеньора Шейнвила, всё бессвязное мычание колонов, не умеющих связать двух слов, все всхлипывания Олни – едва ли сухой остаток занял бы больше десяти минут. В конце концов, Шейнвил, приняв в своём кресле позу, достойную самого короля Келлетта⁹, огласил свой вердикт.

Обвиняемый был полностью признан виновным в совершенных им преступлениях. Поскольку Шейнвил, даже изображая из себя судью, понимал, что, зайдя он слишком далеко, у него могут быть неприятности за самосуд, по всем вопросам выносил один и тот же вердикт – порка. То, что он не имел права приказывать пороть свободных людей, никому из колонов никогда даже в голову не приходило – они видели в этом человечке воплощение власти. Так что оспорить приговор было некому – даже кузен сеньора продолжал наблюдать за происходящим лишь с усмешкой, видимо, предвкушая, как он позже станет рассказывать этот анекдот своим приятелям.

Судья Шейнвил присудил всыпать нарушителю двадцать пять розог – по десятку за каждую украденную курицу, и ещё пять «за прочий причинённый ущерб». Тут же расторопная дворня вытащила лавку, не раз уже служившую для подобных целей. Двое холопов, исполнявших при дворе Шейнвила роль палачей, подступили, держа каждый по хорошей ореховой розге.

Лишь тот, кто ни разу не испытывал спиной, что такое розги, мог бы счесть наказание мягким. В умелых руках розга рассекала кожу не хуже плети, тем более если речь шла о таком тщедушном объекте экзекуции, каковым был наш будущий великий маг Каладиус. Не нагуляв достаточной прослойки спасительного жира, он был так тощ и имел так мало мяса на спине, что, пожелай того порщики, они легко могли бы посесть его до самых костей.

С рачительностью, свойственной всем простолюдинам, с Олни стянули рубаху, а также, уже положив на лавку, приспустили штаны. Порка – поркой, но зачем портить одежду? Более того, по жесту барина молодая дворовая девка подбежала с ушатом горячей воды и, окатив ей лежащего парня, слегка обтёрла его ветошью, дабы грязь, скапливающаяся на неделями невымытой коже, не попала в рану и не заставила её гноиться сверх меры. Во всех этих приготовлениях было столько провинциального колорита, что кузен Шейнвила, не усидев, поднялся со своего кресла и подошёл ближе, чтобы не упустить чего-то ненароком.

⁹ Келлетт Седьмой (Келлетт Два Кошеля) – король Палатия во времена, описываемые в книге. Своё прозвище получил за то, что якобы иногда грешил обрезкой монет, коими после расплачивался, держа их в отдельном кошеле. Короля, правда, за руку никто ни разу не ловил, но прозвище укоренилось.

Олни же, распластавшись на плохо ошкуренной лавке, понял, что сейчас будет очень больно. И, как тогда, несколько лет назад, когда его хотел ударить Крайз, он внутренне сжался, пытаясь поймать то самое ощущение мурашек между лопатками. И ему это удалось!

Первых несколько ударов он даже не почувствовал. Парень с некоторым удивлением, извернув голову, заглянул себе на поясницу – вдруг порщикам дали указание бить еле-еле? Но нет – вспухшие багровые полосы на спине, а также капельки крови, кое-где уже просочившиеся из-под лопнувшей кожи, красноречиво свидетельствовали о том, что палачи не филонили и добросовестно выполняли свою задачу.

Олни не видел, каким изумлением исказилось лицо городского хлыща, стоявшего неподалёку. С него разом соскочила и саркастическая ухмылка, и презрительная спесь, уступив место неподдельному удивлению и некоторой растерянности. Очевидно, он что-то ощутил, недоступное всем прочим, и теперь не мог поверить в происходящее. Тем не менее, он не сделал ни движения, чтобы помешать экзекуции. С искренним интересом и очень серьёзно он теперь наблюдал за лежащим на скамье мальчишкой, отмечая любые изменения в мимике.

Олни же начал чувствовать боль примерно к пятому-шестому удару, хотя болью это можно было назвать с большой натяжкой – скорее, неприятные ощущения. Первый крик сорвался с его губ где-то на двенадцатом ударе, когда любой другой на его месте уже сорвал бы горло от воплей и рычания. Правда, довольно быстро он наверстал упущенное, и вскоре округа огласилась его истошным ором.

Оставшиеся удары показались несчастному бесконечными, а прошедшее время – вечностью, хотя вся порка заняла не больше двух минут. Наконец последний, двадцать пятый удар обрушился на окровавленную спину подростка, и оба порщика тут же отступили, уступив место сердобольной бабе с мокрым отрезом ткани, который она набросила на истерзанную спину. Ткань эта была вымочена в специальном отваре, который должен был несколько смягчить боль, а главное – способствовать более скорому заживлению. Хотя нельзя не отметить, что оба палача постарались на славу, так что шрамы на всю оставшуюся жизнь были практически гарантированы.

Удовлетворённые свершившимся правосудием, колоны стали расходиться. Сеньор Шейнвил повелел оставить парнишку в усадьбе до утра, поскольку было ясно, что ему нужно отлежаться, и что сейчас он не в состоянии своим ходом добраться до деревни. Дарфе позволили остаться с сыном, чтобы ухаживать за ним, менять примочки и исполнять иные обязанности сиделки.

Конечно, в дом Олни не внесли. Ему постелили старую рогожу в каком-то пустом помещении, напоминающем дровяной сарай, где остро пахло пылью и мышами. Собственно, парню на это было совершенно наплевать – он находился в каком-то полубоморочном состоянии, плавая в море боли, которая, казалось, растеклась от пылающей и пульсирующей поясницы не только по всему телу, но и заполнила собой весь мир.

Сколько он провёл в подобном состоянии – оценить было сложно. С некоторой периодичностью мама меняла примочки на его спине, но даже это не могло быть ориентиром для отупевшего от боли Олни. Он вообще с трудом понимал – день сейчас, или ночь. Иногда Дарфа подносила ему к губам плошку с водой, и тогда он тупо, не осознавая даже, что делает, втягивал её в себя, но через секунду уже не мог вспомнить об этом.

Ближе к вечеру хлипкая дверь сарая скрипнула, впуская внутрь человека. Дарфа испуганно оглянулась и, несмотря на густой полумрак, распознала в вошедшем того самого родственника барина. Не понимая, зачем он пришёл сюда, она сжалась в комочек, словно опасаясь, что её, а главное – её сына сейчас будут бить. Но затем она смекнула, что он, должно быть, пришёл за тем же, зачем приходили к ней и все остальные мужчины, и вздох облегчения

невольно вырвался из её груди. За свою услугу она надеялась выторговать из этого барина что-то, что поможет и ей, и Олни.

Но готовую на всё вдовушку ждало удивление, смешанное с разочарованием.

– Выйди, – коротко сказал вошедший, кивнув в сторону двери.

– Зачем?.. – с нотками истерики в голосе спросила Дарфа. Её накрыл ужас, что этот странный человек хочет что-то сделать с её сыном.

– Выйди, – повторил тот. – Не бойся, я ничего не сделаю твоему сыну. Мне нужно поговорить.

– Он не может сейчас говорить... – вяло сопротивлялась Дарфа, в которой страх за Олни перевешивал страх за саму себя.

– Я облегчу его страдания. Не беспокойся, я не причиню ему вреда.

– Я останусь здесь, – насколько возможно твёрдо проговорила Дарфа.

– Ты выйдешь сама, или тебя вынесут слуги, – почти равнодушно ответил незнакомец. – Не волнуйся, через четверть часа ты вернёшься. А пока поди на кухню, я распорядился, чтобы тебе дали поесть.

Властность голоса, а также какое-то интуитивное ощущение, что этот странный человек не желает зла Олни, заставили Дарфу подчиниться. Отчасти, конечно, сыграло свою роль и обещание ужина, поскольку женщина была зверски голодна. Медленно, то и дело оборачиваясь на распростёртое тело сына, она всё-таки вышла из сарая и направилась к дому, очень надеясь, что барин не обманул её насчёт кормёжки.

Тем временем кузен Шейнвила подошёл к Олни и, откупорив небольшой флакончик, дал ему выпить горьковатой жидкости. Глотательный рефлекс у измученного недавней поркой подростка работал плохо, так что парень закашлялся, пролив часть содержимого флакона, однако же уже через минуту замутнённые болью глаза стали приобретать осмысленность и сфокусированность.

Незнакомец подождал пару минут, пока Олни не зашевелился.

– Ну как, тебе уже лучше? – с усмешкой спросил он.

– Что вы сделали? – пока ещё плохо слушающимся языком пробормотал Олни.

– Это обычный настой дурной травы. Ничего особенного – он просто снимает боль. У тебя есть три-четыре часа. Наслаждайся.

– Где мама? – Олни попытался приподняться на руках, чтобы оглядеть сарай.

– Я отослал её покамест, чтобы мы могли поговорить.

– О чём? – тупо спросил парнишка, недоумевающая, какая же может быть общая тема для разговора между деревенским воришкой и знатным баринном.

– Кто научил тебя манипулировать *возмущением*? – не тратя времени на прелюдии, спросил незнакомец.

– Меня никто не учил, – зачистил Олни, решив, что его спрашивают о том, кто надоумил его воровать. – Мама ничего не знала. Я сам решил, потому что нам нечего есть...

– Я не об этом тебя спрашиваю, дурачина! – беззлобно рассмеялся незнакомец. – Кто обучал тебя магии?

– Не понимаю, о чём вы толкуете, ваша милость? – испуганно заканючил Олни, решив, что его вот-вот обвинят в чём-то куда более страшном, нежели воровство кур.

– Во время порки ты сотворил какое-то блокирующее заклятие. Кто-то учил тебя этому, или ты додумался до этого сам?

– Меня никто не учил, ваша милость... Просто я скукожился, чтобы было не так больно...

– Скукожился? – расхохотался незнакомец, с каким-то наслаждением повторив это нелепое слово. – Право же, никогда ещё не слышал столь оригинального описания для волшбы! Значит ты, малец, самоучка?.. Что ж, ежели так, то ты можешь далеко пойти! Кто бы мог подумать, что подобный бриллиант может так запросто валяться в этом навозе!..

– Я не понимаю, что вы говорите, сударь... – жалобно пробормотал Олни.

– Скажи, мой вороватый друг, – отсмеявшись, уже совершенно серьезно заговорил незнакомец. – Какой ты видишь свою будущность? Хочешь ли ты всю жизнь прожить в своей воняющей мочой деревне, ковыряясь в земле и таская чужих куриц, или же тебе было бы интересно попробовать совсем другую жизнь? Проще говоря – хотел бы ты стать волшебником?

Глава 3. Клайдий Сарاماга

Клайдий Сарاماга с самого рождения получил от судьбы всё необходимое. Великолепный плод, рождённый на скрещенье двух весьма достойных генеалогических древ, одно из которых уходило корнями в древний род финансистов из Саррассы, и чью фамилию с гордостью носил новоявленный отпрыск, а другое, глубоко укоренившись на суровых землях Палатия, восходило ещё ко временам Смутных дней, когда новые дворяне возникали не благодаря знатности герба на своих щитах, а исключительно благодаря своим иззубренным мечам.

Получившаяся смесь южной и северной крови, крови торгашей и воинов, вероятно, образовала весьма перспективный букет, поскольку Клайдий (или просто Клай, как называли его близкие и друзья) выделялся и внешностью, и умом. А уж когда у него были обнаружены весьма неплохие задатки к магии, его будущее и вовсе, казалось бы, было уже целиком и полностью обеспечено.

Однако был в характере Клая небольшой изъян, присущий, впрочем, многим тонким натурам – он был чересчур мягок к своей персоне, позволяя себе многое и прощая себе всё. И это в значительной степени вредило ему самому.

Начнём с того, что Клай оказался не самым благодарным учеником, так что спустя всего одно лето волшебник, который взялся за его обучение, взашей прогнал наглого мальчишку, устав от его постоянных выходов и полнейшего неуважения к авторитетам. Сперва неудавшийся маг решил, что вполне справится с самообразованием, но через некоторое время был вынужден признаться себе, что его способности не так великолепны, как ему казалось, и что, оставшись без наставника, он стал просто топтаться на месте.

Весьма обеспеченные родители Клайдия, хоть и грозили сперва отпрыску всеми карами небесными, в конце концов сменили гнев на милость, как и всякие родители, и, будучи уверенными в исключительности своего чада, решились на небывалый шаг – отдать Клая в Латионскую академию. Это стоило невероятно дорого, поскольку обычной практикой для академии было то, что преподаватели сами искали себе подопечных, и тогда вступительные экзамены для них были бесплатны. В случае же с Клаем его отцу нужно было не только ежегодно в течение нескольких лет оплачивать отнюдь не дешёвое обучение и проживание, но и заплатить весьма внушительную сумму за право участвовать во вступительных испытаниях без предварительного отбора.

Неизвестно – вышло бы из этого что-нибудь, или Клай вновь сам испортил бы всё, но тут в дело вмешалась большая политика. Между Палатием и Латионом вспыхнула очередная война, все отношения вновь были разорваны (как случалось уже неоднократно), а потому о поездке в Латион можно было забыть по крайней мере на ближайшие год-два. Затем, конечно, отношения будут возобновлены, но куда девать юного бедокура сейчас?

В конце концов отец, используя и связи, и деньги, пристроил Клая к ещё одному магу, для которого репутация будущего ученика оказалась менее значимой, чем туго набитый тоинами¹⁰ мешок. Но, надо сказать, что и сам Клайдий Сарاماга к тому времени уже смекнул, что быть магом при каком-нибудь богатом феодале куда выгоднее, чем идти на военную службу или быть чиновником, а потому смирил свой нрав и по мере сил старался во всём следовать наставлениям нового ментора.

Нельзя не признать, что давалось это непоседливому школяру с трудом. Наставник сетовал родителям, что из-за несносного характера мальчик не вполне может раскрыть тот потен-

¹⁰ Тоин – крупная серебряная монета Палатия. Палатий не использует золото в качестве материала для своих монет, поэтому тоин – крупнейшая из его монет, при том, что она в самом деле весит довольно много – каждая монета содержит около двух унций чистого серебра.

циал, что заложен в нём. Правда, отмечал он и то, что в этом, по-видимому, виновата сама природа, а не злая воля самого Клая. Слишком уж горяч был мальчик, слишком охоч до различных удовольствий, в том числе и запретных.

В итоге Клайдий продержался у своего учителя почти четыре года. За это время, надо признать, он заметно продвинулся вперёд и, как ему показалось, теперь вполне мог продолжать работать над собой сам. Наставник горячо поддержал стремление своего ученика – видимо, ему порядком надоело нянчиться с толковым, но слишком уж своевольным мальчишкой.

С тех пор у Клая началась приятная жизнь. Снабжаемый неиссякаемым потоком серебра из родительских сундуков, он не слишком-то спешил найти себе какой-то приработок, объясняя недовольному отцу, что его духовные поиски ещё не завершены. Однако эти самые духовные поиски всё чаще приводили юного мага в таверны и публичные дома, нежели в библиотеки и лаборатории.

Лишь к двадцати пяти годам Клай наконец устроился к одному дворянину в качестве личного волшебника. Конечно, карьеру и имя куда быстрее можно было сделать либо на юге, где то затихали, то вновь возобновлялись военные конфликты с Латионом, либо на севере, где местные жители всё чаще жаловались на набеги келлийцев. Можно было сделать неплохое состояние в Анурских горах, где маги всегда были нужны, чтобы дробить породу. Но Клаю не нужно было состояние – после смерти родителей он и так становился счастливым обладателем весьма впечатляющего богатства, а мыкаться по военным лагерям ради стяжания славы он считал совершенно нелепым.

Его же новый работодатель полностью соответствовал вкусам работника. Такой же молодой прожигатель жизни и батюшкиного состояния (в отличие от самого Клая, Тейнон, как звали дворянина, благополучно осиротел пару лет назад), умный и весёлый, любитель наслаждений и ненавистник всякой озабоченности. Они довольно быстро спелись, и теперь все приключения обычно делили пополам, отчего юный маг только выиграл – теперь и кабаки, и бордели, которые он так любил, стали заметно выше классом.

Всё бы ничего, если бы парочка, быстро ставшая закадычными приятелями, не попадала то и дело в какие-то не слишком чистоплотные истории. Ночные проделки, приставания к буржуа на улицах, своеобразные салки с городской стражей – всё это поначалу выглядело лишь как безобидные развлечения пресыщенных жизнью барчуков. Однако же, как говорят алхимики, критическая масса постепенно накапливалась, меняя само содержание.

Через год совместной неуёмной жизни на счету того же Клая было уже три дуэли на шпагах, хотя магов обычно чурались вызывать на дуэль, опасаясь, что те каким-то образом «наколдуют» себе победу. Но острый язык и хмельное бахвальство сделали своё дело. Дважды юноша выходил победителем (никого не убив, лишь нанеся рану достаточно глубокую, чтобы прекратить схватку), в третий раз ему хорошенько продырявили бок, так что около двух месяцев Клай лежал в постели, некоторое время буквально находясь между жизнью и смертью.

Казалось, этот эпизод станет для юного шалопая отличным уроком, и на некоторое время, выбравшись наконец из постели, Клай действительно притих. Шинтанское общество, какое-то время с выжидательным интересом следившее за тем, что ещё учудят двое друзей, наконец переключилось на иные темы и иные личности.

Но, как оказалось, Клая напрасно сбросили со счетов. Через какое-то время весь великосветский Шинтан обомлел от новости, что вечный бретёр и повеса Клайдий Сарамага ударился в арионнитство, переселившись в один из храмов в пригороде. Некоторое время в это отказывались верить, пока на очередном празднике Благодарных Даров¹¹ не разглядели Клая в толпе паломников, нёсших эти самые дары.

¹¹ Праздник Благодарных Даров – один из праздников, отмечаемых арионнитами в начале осени, когда люди благодарят Белого бога за посланный урожай, отдавая ему небольшую часть от этого урожая.

Новоиспечённый послушник заметно изменился – обстриг свои щегольские волосы, сбрил дерзкие усы с небольшой бородкой, переделся в светло-коричневые одежды. В таком виде его было трудно узнать, но всё же все, кто знал его когда-то, со вздохами подтвердили, что это – именно он, Клайдий Сарамага, собственной персоной.

Новое чудачество Клая обсуждалось гораздо дольше его былых походов, но и оно со временем забылось. Было решено, что бедняге, видимо, дорого далось его ранение, и, вполне вероятно, из-за этого он слегка повредился в рассудке. Что ж, высшее общество Шинтана вполне способно было породить новых Клаев, так что в какой-то момент времени об экстравагантном отшельнике позабыли, переключившись на куда более интересные и важные события.

И вот спустя почти два года, когда о его существовании все, включая, наверное, и бывшего закадычного друга Тейнона, уже благополучно забыли, Клайдий вдруг вновь объявился в свете. Это был опять тот же франт в платье по последней моде, с тщательно уложенными и надушенными волосами, и всё с теми же бесовскими искорками в глазах.

Возвращение Клая из мёртвых вряд ли произвело бы большой фурор в обществе, чем его возвращение из арионнитского монастыря. Клай снова быстро сошёлся с Тейноном, заверяя последнего, что изучил у святых отцов абсолютно новые грани манипулирования *возмущением*, и что теперь он по праву может называться одним из величайших магов. Правда, он ничем не подтвердил голословность своих заявлений, но поскольку Тейнону требовался скорее собутыльник, наперсник и секундант, нежели хороший маг, то большего, чем простые заверения, от Клая никто и не требовал.

Светская жизнь подхватила и понесла Клайдия прямо в объятия того рока, который и привёл его в имение сеньора Шейнвила. Путь этот был не слишком быстр и довольно извилист, но совершенно неуклонен.

Всё началось с того, что на одном из приёмов Клай свёл знакомство с совсем ещё юной дамой, которая поразила его изяществом и красотой. С горьким удивлением он узнал, что эта девушка, несмотря на то что ей ещё не исполнилось и шестнадцати, уже была замужем за одним из самых влиятельных членов гильдии торговцев шёлком – весьма богатым, и почти столь же безобразным купцом вдвое старше самого Клайдия.

Конечно, в союзе этом не было и толики любви – красоту и юную свежесть в очередной раз обвенчали с деньгами и связями, что было весьма выгодно родителям госпожи Сайли, которые приобрели необходимый вес в обществе, и выгодно господину Шатсли, который приобрёл по весьма сходной цене что-то вроде домашней зверюшки, которой так приятно было кичиться перед столь же старыми и уродливыми друзьями.

Сайли, потихоньку хиревшая в унылом обществе мужа, конечно же, не осталась равнодушна к чарам молодого красавца с хорошо подвешенным языком и безупречными манерами. Не прошло и получаса, как она уже весело болтала с новым знакомым – излишне весело, чтобы оставаться в рамках приличия, по мнению Шатсли. В общем, старик, сварливо поздоровавшись с молодым хлыщом, так некстати увивавшимся вокруг его юной жены, тут же увёз последнюю в свой тёмный скучный дом.

Клай никогда не был обделён женским вниманием, но здесь он неожиданно почувствовал нечто новое. Сайли манила его, но то была не обычная похоть. Кажется, он едва ли не впервые в своей жизни был влюблён. И он решил действовать, поскольку готов был поклясться, что и девушка испытывала к нему сходные чувства.

Конечно, набиваться в друзья к угрюмому мужу было бессмысленно, поэтому Клай стал буквально охотиться за молодой госпожой Шатсли. Он подкупил нескольких слуг из дома купца, чтобы всегда знать, на какие приёмы и празднества собирается их хозяйка. И каждый раз, встречаясь с ней взглядом на очередном приеме, он млел от счастья, видя, как загораются её глаза.

Однако видел это и муж, который вдруг стал проявлять совершенно неуместную в его случае ревность. Как только он замечал в толпе посетителей надоедливого Сарамату, то тут же начинал хмуриться и уже не отходил от жены ни на шаг, хотя это поведение и не отличалось изысканностью с точки зрения тогдашних нравов. В общем, Клаю едва удавалось обменяться со своей возлюбленной парой слов приветствия, и только. Конечно, они куда активнее обменивались горячими взглядами, но Шатсли это весьма быстро надоедало, и он покидал приём в самом его разгаре, увозя своё сокровище домой.

Клай пытался встречаться с Сайли во время её прогулок, но и здесь несносный ревнивец весьма быстро поставил непреодолимый заслон в виде трёх здоровенных молодцов весьма неприветливой наружности, что теперь неизменно сопровождали госпожу во время прогулок, якобы заботясь о её безопасности.

И тогда, как азартный игрок, Клайдий решил пойти ва-банк. В один из прекрасных весенних вечеров он, легко перемахнув через декоративный забор, ограждавший особняк Шатсли, оказался в его саду, откуда довольно быстро добрался до дома. От купленных слуг он точно знал, где расположено окно его возлюбленной. По счастью, дом купца был отделан в весьма помпезном стиле со множеством барельефов и горельефов, декоративных выступов и желобов, которые являли собой едва ли не готовую лестницу, по которой взобраться на второй этаж для ловкого молодого человека не представляло никакой проблемы.

Прекрасная Сайли уже готовилась ко сну и была в пеньюаре. Она легонько вскрикнула, услышав стук в окошко и увидев там лицо мужчины. Однако, разглядев это лицо, она зажала рот обеими ладошками, чтобы сдержать крик радости и не всполошить слуг. Подбежав, она открыла окно, впустив нежданного, но такого желанного гостя. В данной ситуации жеманничать и разыгрывать невинность было опасно и неуместно, поэтому, не говоря лишних слов, девушка сразу же сдалась на милость своему победителю.

Так продолжалось всю весну, лето и осень. На руку влюблённым играло то, что господин Шатсли совершенно не интересовался своей женой, так что вечерами она была предоставлена сама себе. Служанка, довольно быстро разобравшаяся что к чему, хранила язык за зубами и вообще была необычайно счастлива за свою госпожу, которой словно удалось вырваться из склепа, куда её замуровали заживо алчные до богатств родители.

Чтобы не вызывать излишнего раздражения мужа-рогоносца, Клай и Сайли перестали видаться в людных местах. Даже если им случалось оказаться на одном приёме, они словно и не замечали друг друга, компенсируя эту видимую холодность жаркими ночами. Во всяком случае, для душевного спокойствия Шатсли этого было более чем достаточно.

Конец красивой сказке положила зима, ранняя и снежная в этих широтах. Снег, выпавший уже в постремии¹², стал непреодолимым препятствием для Клая, который никогда ещё так не сожалел об отсутствии у него крыльев и, к сожалению, был недостаточно могущественным магом, чтобы уметь левитировать.

Как ни осторожен был герой-любовник, он всё же не мог передвигаться, совсем не оставляя следов. Оставалось уповать лишь на то, что в этой части сада никому не захочется лазать по сугробам, а потому следы останутся незамеченными.

Увы, как мы знаем, Чёрному Ассу было угодно, чтобы Клайдий оказался в том самом имении своего кузена и встретил там будущего Каладиуса. Однажды вечером невесть откуда взявшийся слуга, проходя по коридору первого этажа без свечи, ибо каждый уголок дома был ему знаком, увидел тень за окном, хорошо различимую на фоне белого снега. Другой бы, может, решил, что ему это почудилось, но, к несчастью, этот человек был не из таковых.

¹² Постремий – последний месяц осени, соответствующий нашему ноябрю. Название является адаптированным переводом наименования данного месяца в древнейшей империи. Там это название происходило от слова «последний». Как язык древнейшей империи являлся мёртвым языком в описываемые времена, так и в нашем мире таковым языком является латынь. Поэтому для адаптации названия было использовано латинское слово «postremus» – «последний».

Он осторожно выглянул в окошко и увидел, что некто медленно и осторожно крадётся к дому, то и дело совершая какие-то невысказанные прыжки, словно перепрыгивая невидимые препятствия. Клай действительно перепрыгивал на уже хорошо знакомые ему места так, чтобы не образовывать цепочки следов. Он надеялся, что если даже кто-то и заметит странные отметины на снегу, то не свяжет их с человеческими следами.

Слуга был толковым и сообразительным. Он не стал шуметь и поднимать тревогу, а быстро отправился за подмогой. Когда Клай доскакал наконец до заветной стены, нежно глядя на мягко освещённое окошко второго этажа, он меньше всего ожидал того, что находящееся под тем милым окошком окно вдруг распахнётся, и из него выскочат сразу несколько молодцев, которые, конечно же, приняли его за вора.

Клай не брал с собой оружия на свидания – шпага или даже кинжал были лишь помехой в его стенолазании. Поэтому, когда его облапил здоровый мужик, пытаясь заломать и повалить, он мог отбиваться лишь врукопашную. Конечно же, поднялся страшный шум, на который из верхнего окна выглянула испуганная Сайли. Конечно же, она закричала слугам, чтобы они не трогали этого человека, тем самым выдавая себя с головой. И, конечно же, слуги не послушались.

И тогда Клаю не осталось ничего иного, кроме как применить магию. Мощным воздушным толчком он отбросил от себя нападавших. Кажется, несчастным пришлось несладко – двое из них с влажным хрустом стукнулись о стену, да и двое других чувствовали себя немногим лучше. А Клай, недолго думая, бросился бежать прочь, пока не подросли другие слуги.

Конечно же, разразился страшный скандал. Конечно же, одураченный Шатсли сразу понял, кто был его обидчиком, и поскольку он был человеком весьма влиятельным, имеющим как множество денег, так и множество связей, то прилюдно поклялся отомстить обидчику. Понятное дело, о дуэли речь даже не шла – старый торговец если и держал в руках шпагу когда-нибудь, то было это очень и очень давно. Да и воспользоваться услугами какого-нибудь профессионального бретёра он тоже не мог.

Что конкретно он собирается сделать с мальчишкой Сарамогой, когда его схватят, Шатсли не уточнял, но Клай был достаточно умён, чтобы понять, что жизнь его при подобных обстоятельствах закончится весьма быстро и весьма трагически. И стало ясно, что из Шинтана нужно бежать как можно скорее и как можно дальше. Опозоренный муж имел возможность нанять множество ищеек, начиная с простой городской шпаны и заканчивая охотниками за головами Гильдии Теней, которая и здесь, вдали от Латиона, имела немалое влияние.

Отсидеться где-нибудь в закоулках Шинтана не представлялось возможным. Здесь его достанут из-под земли, и ни семья, ни друзья не смогут его защитить. К слову о друзьях: его закадычный приятель Тейнон стал недоступен тотчас же, как прознал о случившемся. Дворецкий отказывался впустить Клая в дом, говоря, что хозяин в отъезде, не принимал записку, которую молодой маг трясущимися руками пытался всунуть в его сухие морщинистые руки. В конце концов, Клай ушёл ни с чем.

Сперва Клай решил уехать в Латион, но, поразмыслив, передумал. На границе было неспокойно, да и в Латионе его скорее могла бы отыскать вездесущая Гильдия Теней. Он долго ломал голову, и уже решил было рвануть в Пунт, справедливо полагая, что в Загорье его искать не станут, как вдруг вспомнил об одном своём дальнем родственнике по материнской линии.

Он очень мало знал про ветвь Шейнвиллов, разве что то, что это была одна из самых захиревших ветвей древа. До сего момента он даже и не задумывался об их существовании. Однако теперь собственная генеалогия внезапно весьма заинтересовала любознательного юношу – ему до смерти захотелось поближе познакомиться с далёкими родственниками, живущими в глухой провинции, и погостить у них полгода, а может быть – и целый год, пока не улягутся страсти в столице.

Так и вышло, что Клай, собрав все деньги, какие только сумел отыскать в столь короткий срок, инкогнито покинул родной город, тревожно оборачиваясь и шарахаясь от каждой тени. Он проклинал себя за глупую романтическую невоздержанность, которая стала причиной сложившимся обстоятельствам. Любовь как-то сама собою затухла, уступив место лишь досаде и разочарованию. Казалось, он уезжает из царства живых в царство мёртвых, и холодная заснеженная дорога выделась ему тем самым пресловутым Белым Путём, о котором он так много услышал, будучи в арионнитском монастыре.

Проплутав в дороге добрых три недели, он добрался наконец до имения своего далёкого родственника. К счастью, тот настолько одичал в своей глуши, что был бесконечно счастлив появлению столичного кузена и выделил ему лучшие комнаты, сразу объявив, что лелеет надежду на то, что дорогой гость пробудет здесь как можно дольше.

Горестно вздохнув, Клайдий Сарاماга окунулся в затхлую провинциальную жизнь, иной раз даже сомневаясь – не было бы лучшей долей попасться в мстительные лапы Шатсли и покончить со своей никчёмной жизнью куда более коротким и гуманным способом, ибо временами он чувствовал, что просто умирает здесь от отупения и скуки. Казалось, этой добровольной ссылке не будет конца.

Глава 4. Новая жизнь

– Вы имеете в виду, что я могу стать волшебником, сударь? – у Олни было стойкое ощущение, что его разыгрывают. – Могу научиться ворожить?

– Ты уже это умеешь, – усмехнулся Клайдий. – Ведь именно так ты защитился от боли сегодня во время порки. Но пока это лишь пародия на волшебство. Точно так же, как если дать малышу кисть и краски, он сможет что-то намалевать. Но лишь обучившись этому мастерству, можно стать художником.

– Вы хотите сказать, что я – колдун? – испуганно переспросил юноша.

– Скажешь тоже! – фыркнул Клай. – Из тебя такой же колдун, как из меня – повариха. Но тебе очень повезло встретить на своём пути мага. Если ты захочешь, я обучу тебя основам волшебства, и тогда ты действительно сможешь стать *колдуном*, – с усмешкой произнёс он просторечное словечко.

– Но меня же сожгут... – побелевшими от ужаса губами пробормотал Олни, непроизвольно натягивая на себя грязную рогожу, словно пытаюсь укрыться за ней.

– Твоя мама рассказывала тебе слишком много сказок! – вновь расхохотался Клай. – Колдунов не жгут на кострах, если только они не сходят с ума и не убивают всех подряд. Маги – очень уважаемые и почитаемые люди в королевстве. Ты сможешь иметь хорошую работу, много денег, власть...

– Но тогда почему вы сбежали из города? – подозрительно прищурившись, спросил Олни.

Похоже, простодушный малый решил, что этот странный человек пришёл сюда, чтобы искушать его, дабы затем вновь обвинить в чём-то страшном, от чего уже не отделаться двумя дюжинами ударов розгами.

– А это уже не твоего ума дела, малец! – беззлобно, но решительно осёк паренька Клайдий. – Хорошо, я вижу, что у тебя сейчас каша в голове. Я приду ещё раз завтра и ещё раз спрошу то же самое. Если ты согласишься – я стану тебя учить, если откажешься – больше ты меня не увидишь.

Клай блефовал. Ни за что на свете он не отказался бы сейчас от этого паренька, который внезапно сделался его спасением от смертельной провинциальной скуки. Однако у этого деревенщины в голове был полный бардак, и нужно было встряхнуть его как следует. Конечно, Клайдий очень опасался, что парень окажется попросту дурачком, что было вовсе неудивительно в деревне. Но даже если и так – что с того? Ведь в данном случае для него был важен отнюдь не результат, а сам процесс. Наверное, не повстречай он Олни, то со скуки вполне взялся бы за дрессировку собаки или медвежонка.

Маг действительно направился к двери, чтобы уйти, но его остановил голос Олни:

– Я согласен!

Улыбнувшись тайком, Клай вновь вернул себе таинственную и суровую физиономию и, обернувшись к избитому парнишке, проговорил:

– Что ж, хорошо, я возьмусь обучать тебя. Но учти, что будет либо по-моему, либо никак. Если вздумаешь перечить мне, или окажешься непроходимо туп, отправишься обратно пасти своих коз.

– Я буду делать всё, что вы скажете, сударь.

– Отныне называй меня мессиром.

– Хорошо, мессир, – покорно повторил Олни и, помявшись немного, всё же решился спросить. – Мессир, а вы не могли бы исцелить мою спину?

– Вот тебе первый урок, парень: маги не всемогущи. Может быть, в твоих сказках они способны на всё, но в реальности тебе придётся много учиться и трудиться, чтобы постичь хотя бы самые основы. Бывают маги-целители, но я – не один из них и исцелить тебя не могу. Тебе

придётся смириться с тем, что шкура твоя будет заживать долго, как и предписали ей боги. Но поскольку ты теперь мой ученик, то не можешь больше оставаться в этом сарае. Вставай, пойдём, я найду тебе комнату в доме.

Не вполне ещё веря своему счастью, Олни послушно поднялся, морщась от боли в пояснице, где немедленно взвыли потревоженные рубцы, едва взявшиеся кровяной коркой. Не вполне осознавая, он машинально ухватил конец рогожи, словно собираясь тащить её с собой в своё новое обиталище. Увидев это, Клай вновь рассмеялся.

– Оставь это гнильё здесь, парень! Воистину, боюсь, мне никогда не удастся выбить эту деревенщину из твоей головы! Каким ты был вороватым пастушком, таким и останешься, в какие бы наряды потом не рядился.

Наверное, никогда ещё в своей жизни Клайдий Сарамата так не ошибался. Не дожив до расцвета могущества великого мага Каладиуса, он так и не сумел с полным удовлетворением и даже благоговением поглядеть на дело рук своих. Конечно, будущий Каладиус довольно быстро покажет своему учителю, что тот не зря избрал его в ученики, но – увы! – за свою жизнь Клай до конца так и не постигнет масштаба явления, которое он сотворил.

Будущая же легенда между тем послушно отбросила рогожу и поплелась за своим благодетелем, постанывая от боли, которую до конца не смог убрать даже настой дурной травы.

– Есть хочешь? – поинтересовался Клай, когда слуга показал им ту комнату, что теперь должна была стать комнатой Олни.

Несмотря на все тревожения и побои, юношеский организм брал своё, кроме того, парень совсем ничего не ел в течение этого дня, поэтому Олни лишь закивал головой, поскольку рот его тут же наполнился слюной настолько, что он опасался, как бы она не потекла наружу, стоит ему разжать зубы.

По распоряжению Клайдия, которому, к слову, слуги подчинялись даже охотнее и расторопней чем своему прямому хозяину, для паренька тут же был накрыт стол. Глаза Олни поползли из орбит, когда он увидел всё это великолепие, хотя по меркам менее невзыскательных людей это был бы вполне себе обычный ужин – два-три блюда, хлеб и молоко.

– А где моя мама? – шикарная еда напомнила юноше о том, что Дарфа так и не вернулась, хотя маг обещал обратное. Ему так хотелось поделиться этим с нею, чтобы увидеть, как она улыбнётся своему сыну, который вдруг сделался таким важным человеком.

– Я отправил её домой, – просто ответил Клай. – Не волнуйся, её покормили, и я велел дать ей продуктов с собой. Но здесь она нам ни к чему.

– Но мне можно будет навещать её? – Олни со стыдом ощутил, что плачет – так болезненно оказалась тоска от расставания с матерью.

– Нечасто. Я не вижу в этом нужды. Теперь ты – ученик мага, и если ты как можно скорее не порвёшь со своим прошлым, оно неизбежно будет тянуть тебя обратно. И ладно бы, если бы ты был барчуком, чьё детство было безоблачно, а будущая жизнь полна перспектив. Но я не хочу, чтобы эта зловонная деревня держала твой разум в своём плену.

– А можно тогда позволить моей маме жить здесь? – набравшись храбрости, спросил Олни. – В этой комнате места навалом...

– Твоя мама останется в прошлом, – жёстко отрезал Клай, которого, похоже, начало раздражать это нытьё. – А в твоём настоящем теперь буду я, иначе будущее твоё будет весьма плачевно. Чем быстрее ты смиришься с этим, тем тебе же будет проще. А если тебя это не устраивает – возвращайся в свой хлев!

Первой мыслью расстроенного и порядком ещё напуганного Олни было вскочить и поскорее убраться отсюда. Догнать маму, которая вряд ли далеко ушла по дороге, ведущей к их родной деревне, к их дому... И до конца своих дней жить привычной жизнью... Жизнью, в которой всегда будет одна вонючая комнатка на двоих с матерью, где ему придётся то и дело ночами слушать сиплое тяжёлое дыхание посторонних мужиков... Жизнью, в которой всякое

завтра будет неотличимым от вчера, где на столе будет лишь засохший сыр да вяленая говядина, где самыми яркими впечатлениями будут весенние хороводы на Ночь лесных огней¹³... И он понял, что если он выберет эту жизнь, будет ненавидеть себя до конца своих дней. А потому, шумно выдохнув, он остался сидеть.

– Молодец, – похвалил Клай, наблюдавший с некоторой насмешкой эту внутреннюю борьбу. – Ты сделал верный выбор. А теперь давай, ешь!

Это была как раз одна из тех команд, которые Олни всегда выполнял без необходимости их повторять. Правда, он оказался слегка озадачен тем, что ему принесли вилку, которую ему никогда ранее не доводилось держать в руках, однако, взглянув на насмешливо-изучающее лицо своего наставника, он решительно ухватил кусок мяса с блюда руками и забросил в рот.

– Ты молодец, что не испугался показать своё невежество, – кивнул Клай. – Но если завтра к вечеру ты не будешь сносно пользоваться вилок, я велю оставить тебя без ужина.

Однако Олни, похоже, даже не услышал того, что ему сказали. В его рту взорвался целый фейерверк вкуса, который он не испытывал никогда прежде. До сего момента ему и в голову не приходило, что еда может быть *такой* вкусной! По большому счёту, это было обычное жаркое, немногим лучше тех, что подавались в придорожных трактирах среднего пошиба, но на его фоне любая стряпня Дарфы Стайк была не аппетитнее сухой коровьей лепёшки.

– Что это? – кое-как проглотив кусок, выдохнул он.

– Жаркое, – пожал плечами Клай, не совсем понимая, что имеет в виду парень. – Телятина.

Неожиданно именно этот момент стал главной поворотной точкой в мозгу Олни, кристально ясно ответившей на его дилемму «мама или мессир». Он понял, что в жизни не сможет больше есть ту, *другую* телятину, которую он так ненавидел, даже не зная, *какой* она может быть. Для него этот кусок мяса стал символом новой жизни, которая уже ожидала его впереди, и теперь ни за что на свете он не готов был променять эту нежную, таящую во рту телятину на те мерзкие жилистые куски, воняющие дымом и тухлятиной.

Уже насытившись, Олни продолжал есть, покуда не съел всё до последнего кусочка, словно опасался, что эта трапеза может стать последней, и что этот странный человек, который просил называть его мессиром, вот-вот рассмеётся и прогонит нелепого пастушка взащей. От этой приятной тяжести в желудке страшно захотелось спать, но боль в истерзанной спине становилась всё явственнее.

– Можно мне ещё вашего настоя, мессир? – попросил он молча сидевшего рядом Клая. – Боль возвращается.

– Извини парень, но сегодня был первый и последний раз, когда ты употреблял дурную траву, – строго произнёс Клайдий. – Она сожрёт твои мозги быстрее болотного слизня. Учись терпеть боль, дружок, тем более, боль заслуженную. Это станет для тебя отличным уроком. Ложись спать. Сон – лучшее обезболивающее. А с завтрашнего дня мы начнём наши занятия.

Как и было обещано, на следующий день Клай взялся за обучение своего воспитанника со всей рьяностью умирающего со скуки человека. Ни о какой магии, *возмущении* и прочем речи пока даже не шло.

– Перво-наперво ты должен освоить куда более важные вещи, – наставительным тоном увещевал Клайдий парня, который вновь лежал на кровати и мучился от тянущей боли в пояснице. – Тебе нужно научиться читать, писать и считать. Ты должен познакомиться с мыслями

¹³ Ночь лесных огней – праздник, отмечающийся селянами Палатия, Латюна и некоторых других регионов Паэтты в день весеннего равноденствия. В этот день, а точнее – вечер принято наряжаться лесными духами, устраивать пляски, забавы, розыгрыши, жечь огромные костры.

мудрых людей, живших до тебя. . . Хотя с этим будет большая проблема – библиотека моего разлюбезного кузена включает в себя ровно четыре книги, три из которых – арионнитские, а четвёртая – книжка любовных сонетов, которая для нас совершенно недоступна по причине того, что неотрывно пребывает на ночном столике хозяйки дома. Поэтому тебе придётся учиться на память, слушая то, что буду говорить я. И да, кстати! Я совсем не забыл, что к сегодняшнему вечеру ты должен уметь держать в руке вилку. В целом тебе нужно будет научиться приличным манерам. Ты должен будешь выбить из себя всю эту деревенскую пыль, так чтобы никто и никогда не заподозрил в тебе пастушьего сына. Истинный маг должен вести себя так, будто он был рождён на ступенях трона.

Как мы видим, Клай подошёл к обучению своего первого ученика со всей строгостью, кажущейся настоящим лицемерием, если вспомнить его собственные школярские годы. Хотя, с другой стороны, это вполне можно было бы объяснить тем, что человек, набивший шишек на своём пути и хорошо запомнивший эти места, теперь предостерегал от этого других.

Сказать, что учение давалось Олни тяжело – не сказать ничего. Сушим испытанием для него стала грамматика. Имперский язык имел небольшой алфавит – всего двадцать два знака, поэтому многие звуки при написании превращались в комбинации двух, а то и трёх знаков сразу. Память у парня оказалась очень хорошей, но вот понять логику фонетических шарад для него не всегда представлялось возможным. Сказалось и отсутствие подходящих книг – изучать чтение и письмо по богословским книгам, написанных путаным тёмным языком, было настоящим наказанием. Да и Клай, говоря откровенно, далеко не был эталоном преподавателя.

В письме были свои трудности – корявые мозолистые руки колона куда ловчее держали мотыгу или пастуший кнут, нежели гусиное перо, к тому же довольно скверно заточенное. Но Клай с маниакальным упорством заставлял Олни сотни раз выписывать один и тот же знак, добиваясь идеальности форм.

– Вся рунная магия построена на умении точно и правильно воспроизводить сигилы, – раз за разом пояснял волшебник едва не плачущему от досады мальчишке. – Если ты не постигнешь примитивного искусства написания алфавитных знаков – куда тебе соваться к начертанию рун?

И Олни рукой, которую уже сводило от напряжения, продолжал выводить один и тот же знак снова и снова, марая старые холстины, которые Клай, за неимением достаточного количества бумаги или пергамента, приспособил для обучения чистописанию. Надо сказать, что в далёком будущем он не раз мысленно поблагодарил своего наставника за это умение.

Что давалось парню легко и безо всяких проблем – так это счёт. Он и до того слыл мастером этого дела, довольно ловко считая руками¹⁴ (во всяком случае, ещё работая с Крайзом он уже мог сосчитать всех коров в стаде). Теперь же, узнав о существовании цифр, разрядов и арифметических действий, он сделался отменным счетоводом, быстро превзойдя в этом искусстве своего учителя.

Не забывал Клай и о манерах, и он не ограничивался при этом лишь одной пресловутой вилкой. Надо отметить, что первое время он весьма скептически наблюдал за неуклюжими попытками Олни есть вилкой, хотя свою угрозу лишиться его обеда ни разу так и не исполнил, вероятно, отмечая крайнее старание ученика. Но в перерывах между занятиями он частенько учил деревенского мальчишку правильно держать осанку, чётко контролировать мимику и жесты, следить за внешним видом, да и вообще – следить за собой, чтобы прямо посреди разговора не лезть пальцем в нос, не чесать в ушах, не чихать, забрызгивая всё вокруг слюной.

¹⁴ Счёт руками – весьма распространённый среди простолюдинов метод счёта, когда числа переводятся в количество рук и пальцев на них. Например, число двенадцать будет произноситься как «две руки, два пальца». Этот метод хорош, поскольку при нём, как правило, достаточно знать числа лишь в пределах десяти, что даёт возможность сосчитать предметы в количестве до пятидесяти штук. Чаше всего этого бывает более чем достаточно.

Он постоянно вёл с Олни беседы, запрещая тому отвечать односложно, заставляя строить правильные предложения и полноценно выражать свою мысль, хотя это было сущей пыткой для обоих, поскольку ученик не обладал достаточными навыками, а учитель – достаточным терпением. Тем, которые были бы общими для хорошо образованного столичного мага и деревенского невежды, было удручающе мало, но Клай продолжал своё трудное дело с упорством, вполне объяснимым для человека, вынужденного мучиться от безделья.

Не раз и не два у Олни возникало совершенно понятное желание всё бросить и убежать обратно к маме, которую он теперь видел не чаще раза в две-три недели, когда Клай смилился над тоскующим подростком и отпускал его на денёк в родную деревню. Но всякий раз, выплакавшись от бессильной злобы на себя, мессира, свои кривые пальцы и свой заостренный разум, он всё же понимал, что обратной дороги для него нет. Он не мог более вернуться от *этой* телятины к *той*.

Глава 5. Ученик мага

Вьюжная зима набросилась на Палатий, словно остервеневший от голода волк, вгрызающийся в замороженный труп околевшей дорогой лошади. Снегу навалило столько, что иные хибары замело по самые крыши. Хорошо хоть сильных морозов пока не случилось, но было ясно, что и их недолго ждать.

Комната Олни не имела собственного очага, довольствуясь тем, что через перегородку была кухня с огромной печью, вполне ощутимо нагревавшей стену, от которой шло ровное, хотя и не слишком сильное тепло. Но парень не жаловался – в его родном доме зимами было куда холоднее. А здесь он просто перетащил кровать к обогреваемой стене и чувствовал себя вполне замечательно.

Из-за постоянных метелей ставни на окне почти всегда были закрыты и в комнате царил вечная тьма. В углу аккуратной стопкой были сложены лучины, которые Олни по привычке ежедневно колот сам. Это позволяло ему хоть несколько минут отдохнуть от постоянной учёбы. Лучины были наколоты так аккуратно, что почти не отличались одна от другой, и ученик мага точно знал, что каждая из них будет гореть четверть часа и ещё минуту. Четыре лучины – час пролетел. За неимением дневного света это был единственный способ следить за временем.

Сказать по правде, Олни мало интересовали вьюги за окном, холод и вообще всё, что творилось вне этой комнаты. Он был поглощён учением. Теперь, когда он уже вполне сносно мог читать и писать, учиться стало куда как легче – он мог делать пометки, мог перечитывать неясные места. Дело в том, что примерно через месяц обучения мессир, видя успехи своего ученика, съездил в Токкей и привёз оттуда с полтора десятка книг, вероятно, отдав за них небольшое состояние.

Ничего особенно ценного в этих фолиантах не было ни по форме, ни по содержанию, но всё же это были книги не о религии и не о любви, что сразу же выгодно отличало их от уже имеющихся в наличии. Пара сочинений каких-то философов, несколько мемуаров каких-то деятелей, великолепный труд знаменитого путешественника Гунно, за четверть века исходившего Паэтту вдоль и поперёк, но главное – там был самый настоящий учебник грамматики, объёмистый и тяжёлый. По таким учебникам обычно обучали молодых барчуков, а теперь по такому же учебнику будет постигать азы грамотности простой деревенский мальчишка.

И Олни целиком отдался обучению. Парень, вопреки своему деревенскому происхождению, оказался обладателем весьма острого ума и отличной памяти. Как только он справился с первыми трудностями, вполне естественными для любого начинающего ученика, он начал делать вполне явные успехи во всём, приводя своего наставника в полный восторг.

Чтение захватило Олни. Он, за всю свою жизнь не отходивший от своей деревни дальше чем на три-четыре мили, внезапно узнал о существовании огромнейшего мира. Живое воображение легко строило полные красок картины в его восхищённом мозгу, когда он читал о путешествиях Гунно или о военных походах латионского полководца Гаррада. Учёба из труда превратилась в увлекательное приключение, так что Клаю совершенно не приходилось понукавать юного ученика.

Со временем понравилась юноше и каллиграфия, в которой он также постепенно добился замечательных успехов. Иногда он, откинувшись чуть назад, по нескольку минут любовался листами, исписанными его идеально ровным правильным почерком. Мессир не раз говорил, что с одним таким почерком Олни мог бы сделать головокружительную карьеру в каком-нибудь ведомстве Шинтана. Но, конечно, подобные перспективы уже нисколько не привлекали молодого человека, раз и навсегда решившего связать свою судьбу с магией.

Однако Клайдий не спешил начинать изучение основ волшебства. Всякий раз на нетерпеливые вопросы Олни он отвечал одно и то же:

– Это слишком ценное зерно, чтобы бросать его в неподготовленную почву. Рыхли, поливай, удобряй свой разум, и однажды ты будешь готов.

И Олни, вдохнув, продолжал рыхлить, продолжал поливать и удобрять. Уже до весны он прочёл все купленные для него книги и с не меньшим удовольствием принялся читать их по второму кругу. Кроме того, ежедневно они по несколько часов разговаривали с Клаем, который, несмотря на свою молодость, успел уже многое повидать, и хотя большая часть того, что он видел, не стоила того, чтобы о ней вспоминать, однако же он мог многому научить своего воспитанника особенно в том, как держать себя в обществе.

За время, что он находился в поместье, Олни успел слегка отъестся, лишившись своей болезненной худобы. И теперь, когда он больше не был похож на скелет, обтянутый кожей, он стал выглядеть гораздо старше, мужественнее и даже привлекательнее. Во всяком случае, на него теперь заглядывались все дворовые девки, каждая из которых была бы не прочь, чтобы на неё обратил внимание фаворит барина (вся дворня теперь величала баринком не только сеньора Шейнвила, но и Клая). Однако Олни был слишком занят учением, чтобы интересоваться чем-то ещё, тем более что благодаря бурному деревенскому отрочеству его здесь уже ничто не могло удивить.

Он нечасто бывал дома, но теперь почти не скучал по нему или маме. Всякий раз, навещая Дарфу, он видел, что ей теперь живётся куда лучше, нежели раньше. Зимой у неё всегда были дрова – и не хворост, который они раньше чуть ли не ежедневно таскали из лесу, а самые настоящие дрова, которые ей доставляли из имения. И с удовольствием всё было в порядке – по особому распоряжению Клайдия ей еженедельно доставлялись продукты.

Это было весьма кстати – годы брали своё, и Безотказка, которой было уже около тридцати пяти, заметно утратила свой шарм и своеобразное очарование. Тяжкий труд, плохая еда, стрессы сделали её грузной, одутловатой, болезненно жёлтой, так что мало кто мог теперь польститься на это тело.

Случись здесь лекарь, он бы сказал, что у Дарфы явно что-то неладно с почками и печенью, и что ей необходимо лечение и строгая диета. Наверное, увидь её даже Клай, его весьма поверхностных познаний в медицине вполне хватило бы для этого. Но этого не случилось, и скрытые болезни всё быстрее подтачивали организм матери Олни.

Увы, сам Олни это не слишком-то замечал. Даже в свои редкие визиты домой он мыслями оставался там, в своей комнате, со своими книгами. Мир, который он видел своими глазами, был настолько преснее мира, который открывали ему книги, что он научился абстрагироваться от него.

Однажды Олни приснилось, что он смог создать заклинание, благодаря которому залез в одну из любимейших своих книг – «Легионы на страже государства» Гинция Твирда, и очутился прямо на Гвидовом поле под стягами Увилла Великого среди лютой сечи с мятежными баронами¹⁵. Тогда он проснулся почти абсолютно счастливым человеком, лишь сожалея, что это был только сон.

Так, незаметно для Олни, пришло новое лето. Почти год прошёл с той памятной порки, и сейчас перед нами был совсем другой человек, и лишь побелевшие шрамы на спине ещё напоминали о прежнем деревенском воришке. Теперь уж ни у кого не повернулся бы язык назвать Олни мальчишкой. Это был молодой человек, который несомненно привлёк бы к себе

¹⁵ Битва на Гвидовом поле – решающее сражение между войсками короля Увилла Завоевателя (позже прозванного Великим) и так называемой Коалицией – крупными феодалами Латиона, не желающими терять свою самостоятельность. Несмотря на численное превосходство, войска Коалиции были разгромлены, а сами феодалы, которых обычно именовали баронами, хотя среди них были люди разных титулов, лишились суверенитета и были вынуждены присягнуть королю Увиллу, что послужило окончанием феодальной раздробленности, имевшей место после Смутных Дней, и образованию единого королевства Латион.

внимание и в высшем шинтанском обществе, причём не только своей эффектной смуглостью и природным изяществом фигуры, но и, главным образом, своим умением держаться, своими речами, своим умом.

Да, пока что в нём было слишком много Клая – он походил на него, хотя и не внешне, как младший брат походит на старшего, копируя манеру речи, повадки, даже мысли. Но в этом и не было ничего плохого – Клайдий Сарاماга был далеко не худшим примером для подражания, поскольку за внешним легкомыслием и фатовством у него скрывался весьма глубокий и нетривиальный ум.

Уже довольно долгое время Олни не заикался об изучении магии – он давно понял, что мессира всё равно не разжалобить и не переубедить, и что тот начнёт обучение лишь тогда, когда сам решит. Кроме того, то, что он получил, уже намного превосходило его чаяния, и даже если бы на этом всё и закончилось – парень вряд ли сильно огорчился бы, тем более что несмотря на достаточную просвещённость, которая теперь была ему свойственна, где-то глубоко внутри всё равно сидел некоторый суеверный страх перед магией.

Да, он прекрасно видел, что его учитель-мессир совсем не походит на тех замшелых колдунов со скрюченными ногтями и красными глазами, какими они обычно представляли в сказках, но, с другой стороны, он и не особенно ассоциировал Клая с этими колдунами, видя в нём блестящего барина и отменного учёного, но никак не мага. Дело в том, что Клай до сих пор, несмотря на неоднократные просьбы своего ученика, ни разу не демонстрировал своих способностей.

– Я тебе не фокусник-фигляр на ярмарочной площади, парень, – высокомерно отвечал он. – Ты всё увидишь и всё узнаешь, когда придёт время, а покамест у меня есть дела поважнее, чем развлекать деревенского пастушка!

И вот наконец этот день настал. С раннего утра, даже не позавтракав, Олни, как обычно, уже сидел над очередной книгой, с наслаждением перечитывая одну из глав. Губы его шевелились, издавая какие-то шипяще-свистящие звуки, а палец по-прежнему водил вдоль строк, хотя юноша теперь читал вполне бегло. Но он любил водить пальцем по шершавой бумаге, словно впитывая через него те смыслы, что ускользнули от глаз.

Когда в дверь постучали, он сперва решил, что это слуга принёс завтрак, и недовольно поморщившись оттого, что его отвлекли, хмуро буркнул:

– Входи!

Однако в дверь вошёл мессир, и это стало полной неожиданностью, поскольку до сих пор он ни разу не стучался прежде, чем войти.

– Мессир? – удивлённо проговорил Олни и удивился ещё более, заметив в руках у Клая поднос с миской. – Вы принесли мне завтрак?..

– Что же в этом удивительного? – усмехнувшись, пожал плечами Клай, бесцеремонно сдвигая краем подноса лежащую перед юношей книгу. – Разве я никогда прежде так не делал?

– Прежде – никогда, – Олни едва успел подхватить фолиант, прежде чем он упал с неширокого стола. – Что-то случилось? Что-то с мамой? – встревоженно спросил он.

– Всё с ней в порядке, – отмахнулся Клай. – Хотя, впрочем, почём мне знать? Я не видел её почти год!

– Что же тогда? – несколько успокоившись, поинтересовался Олни.

– Всё очень просто. Думаю, ты готов к тому, чтобы стать учеником мага, – как-то совсем буднично оповестил Клайдий.

– Правда? – со странной смесью радости и некоторого страха воскликнул Олни.

– Ну ты, разумеется, всё ещё неуч, но уж, во всяком случае, не больший неуч чем был я, когда стал обучаться магическому искусству. Думаю, ты вполне готов принять те знания, что я собираюсь передать тебе.

– О, благодарю, мессир! – воскликнул Олни. – Можем ли мы начать прямо сейчас?

– Я принёс тебе завтрак, – напомнил Клай.

– Я не голоден! – и действительно, от радостного возбуждения у Олни совсем пропал аппетит.

– Однако же я принёс тебе завтрак, – повторил Клайдий. – И ты не можешь его не съесть.

Поняв, что сопротивление бесполезно, Олни ухватил ложку и стал заталкивать в себя любимую овсяную кашу, в этот раз совершенно не ощущая вкуса. Набив полный рот, он едва не поперхнулся, однако мессир почему-то не принёс вместе с кашей обычного в этом случае молока, так что юноша бросился к кувшину с водой, стоящему у кровати и с помощью спасительной влаги кое-как протолкнул в себя вязкий комок. После этого он стал есть медленнее и осторожнее, искоса поглядывая на широко улыбающегося Клая.

Эта часть обучения оказалась самой трудной. Клайдий говорил о *возмущении*, о *сосредоточении*, о особенности мироустройства, которая позволяла некоторым людям творить чудеса. Несмотря на то, что Олни уже ощущал то, о чём рассказывал мессир, ему было весьма сложно постичь сам механизм данного процесса, ведь *сосредоточиться* – совсем не то же самое, что закрыть глаза, или выдохнуть, или ударить кулаком.

Клай учил Олни медитировать, смотреть вглубь себя, слушать себя, растворять себя в окружающем *возмущении* для того, чтобы стать им, почувствовать его. Это было самым сложным, поскольку здесь уже учитель мало чем мог помочь своему воспитаннику. Именно эти самые первые и самые сложные шаги Олни должен был сделать сам. Конечно, молодому самородку было, наверное, проще, чем большинству его будущих коллег, поскольку ощущение и манипуляции *возмущением* он пробудил в себе сам, но это не означало, что это давалось ему слишком уж легко.

Разумеется, Клай, как и, наверное, все преподаватели-маги во все времена, начал с азов стихийной магии, как наиболее простой в освоении и при этом весьма эффективной. Именно с подчинения своей воле неживой материи начинался путь всех величайших волшебников.

Удивительно, но Олни своим умом дошёл, и прежде самого Клая сформулировал основную идею стихийной магии: материя есть *возмущение*. Осознав это, любой начинающий маг уже мог создать свой первый огнешар, сжать воздух до плотности достаточной, чтобы проломить дощатое ограждение, поднять небольшую водяную бурю или песчаную плеть.

Нужно отметить, что Клайдий предпочитал, чтобы в имении никто не знал о его магических способностях. Сложно сказать – опасался ли он дремучего невежества черни, которая, чего доброго, вздумает обвинить его в очередном неурожае или падеже скота, или, напротив, не желал паломничества страждущих просителей, как и Олни, свято верящих во всемогущество магии.

Именно поэтому, когда начались практические занятия, ученик и учитель стали уходить из имения в лес, где отыскалась опушка, словно специально предназначенная для занятий стихийной магией, поскольку по ней пробегал ещё и небольшой ручеёк. И именно на этой опушке Олни впервые осознанно использовал магию, путив свой первый неловкий огнешар.

Но и здесь природные задатки юноши сыграли свою роль – прошло не более двух недель, а он уже свободно метал огнешары размером с голову ребёнка в ни в чём не повинные сосны, а также поднимал небольшие вихри бешено крутящихся сосновых иголок, веточек и земли.

Клай с удовольствием наблюдал за ростом своего ученика. Было понятно, что у того не просто отличные способности, а настоящий талант к волшебству. Олни очень тонко чувствовал *возмущение*, а кроме того, он с самого начала пытался пробиться дальше, в те области магии, в которые обычно неохотно заглядывали неопиты. И действительно, зачастую юные ученики, неплохо освоив работу со стихиями, считали, что больше им ничего не требуется, и поступали

на службу в армию, или же ещё куда-то, где их магические способности могли принести пользу другим и деньги самому магу.

Олни был не из таких. Он задавал множество вопросов, ответить на которые Клай, к сожалению, не мог, поскольку для него самого это было неизведанной территорией. Обладая от природы огромной магической силой, куда большей, чем была у мессира, Олни, тем не менее, с самого начала стал задавать вопросы по поводу всевозможных артефактов, справедливо полагая, что, используя их энергию, вполне можно добиться куда более впечатляющих результатов. Понимая, что у него нет денег, чтобы покупать подобные артефакты, юноша горел желанием постичь их свойства, их сущность, чтобы создавать самому. Увы, как мы уже говорили, в таких случаях Клайдий мог лишь разводиться руками.

Однако Олни не особенно отчаивался. С каждым днём ему казалось, что он всё глубже постигает это новое искусство, буквально сродняется с ним. Временами он искренне верил, что пройдёт ещё совсем немного времени, и в этом мире для него совсем не останется тайн. Много позже, уже будучи признанным всеми одним из величайших магов в истории, Каладиус будет посмеиваться, вспоминая свои наивные юношеские помыслы.

Мама слегла неожиданно и бесповоротно. Неожиданно потому, что Олни в последнее время так редко находил время навестить её, а навещая (обычно бывая дома час или два), был целиком поглощён своими мыслями, невпопад отвечая на робкие вопросы матери, которые теперь казались ему невероятно глупыми и смешными, а порою и раздражающими. Так и вышло, что, посетив маму четырьмя неделями раньше, он застал её ровно в том же состоянии здоровья, в котором она пребывала всё последнее время, а теперь, войдя в дом, сразу почувствовал запах болезни.

Мама слегла и уже не вставала. Она опорожнялась под себя, и отсюда был этот едкий запах надвигающейся смерти. Две деревенские старушки ухаживали за ней – кормили и поили, вливая жидкости прямо в горло через свиную кишку, обтирали, меняли бельё, выносили судно, если случалось чудо, и Дарфа могла сходить туда, а не в постель. Вероятно, таким образом они хотели выслужиться перед Олни, который теперь превратился для них в молодого барина, водящего шашни с сеньорами. Как бы то ни было, но ошарашенный внезапной бедой юноша действительно был им крайне благодарен, потому что без них мама давно уже умерла бы.

Дарфа лежала и остекленевшими глазами глядела в одну точку где-то на грубо оструганных досках потолка. Она, кажется, даже не заметила прихода сына. Даже когда он подошёл и поцеловал дряблый лоб, тут же оросившийся его слезами, она так и продолжала лежать, не шевельнув ни единой мышцей лица. Даже взгляд её не изменился.

Не помня себя от горя, Олни, оставив слегка озадаченных и расстроенных старушек, и не сказав им ни слова, опрометью бросился в усадьбу за мессиром. В этот момент он не думал больше ни о чём, да у него и не было с собой денег, чтобы одарить двух сиделок. Им оставалось надеяться на то, что позже, когда он придёт в себя, всё же вспомнит о них, а потому обе остались при кровати, ещё более рьяно утирая лицо и грудь больной мокрыми тряпицами.

Клай, узнав о беде, случившейся с его протезе, не смог отказать ему в просьбе, и оба они на наскоро заложенной коляске помчались в деревню, хотя Клайдий дорогой всячески готовил Олни к тому, что вряд ли чем-то сможет помочь его матери. Так и случилось – войдя в хижину, в которой он никогда прежде не был, и неосознанно скривившись не только от тяжёлого смрада, но и от общей обстановки запущенной нищеты, Клай лишь бегло взглянул на лежавшее в постели тело, и тут же вышел на воздух.

– У неё удар, – сжато и сухо сказал он прямо в горящие надеждой глаза Олни. – Судя по всему, повреждён мозг. Извини, парень, но тут никто ничем уже помочь не сможет.

– Но вы даже не посмотрели как следует! – слёзы катились градом, так что Олни почти ослеп. – Просто посмотрите!

Несмотря на то, что в этой просьбе была, казалось, собрана вся мольба, какая только есть в мире, Клай вновь лишь покачал головой.

– Прости, но мне не нужно ещё раз смотреть, чтобы распознать удар. Твоей маме уже не помочь. Мне жаль...

– Тогда я сам помогу! – ярость и страх перед неминуемым захлестнули Олни, и даже слёзы вдруг высохли. – Я – маг, и я могу её спасти!

– Делай как знаешь, парень, – сочувственно проговорил Клайдий и направился к коляске, стоящей на дороге.

Казалось, Олни близок к тому, чтобы бросить в спину уходящему мессиру огнешар, настолько его взбесило это нежелание помогать. Но он сдержался, лишь плюнув вслед магу. Поскольку рядом с домом Стайков собралось несколько селян, взволнованных вестью о странном барине, приехавшим к дому Дарфы, то этот жест был воспринят зрителями с почти благоговейным ужасом – они и помыслить не могли, чтобы кто-то, с кем они жили прежде на одной улице и кого тащили на порку в поместье, теперь может позволить себе *такое*. С тех пор авторитет Олни в деревне стал просто недостижимым.

Правда, Клай не обратил на произошедшее ровным счётом никакого внимания. Он спокойно сел в коляску, и ему даже не потребовалось давать знак кучеру – тот сразу же тронул лошадь с места. А Олни, резко повернувшись, стремительно бросился в тёмное зловонное нутро своего прежнего жилища.

Он вернулся в имение под вечер, осунувшийся и зарёванный. Прошёл в свою комнату и ничком упал на кровать.

– Ну что, что ты сделал? – Клай, как всегда, бесцеремонно зашёл в комнату своего ученика, не подумав постучать.

– Ничего, – глухо буркнул в подушку Олни. – Я ничего не мог сделать...

Было видно, что парню нужно выговориться, поэтому Клайдий присел на кровать рядом.

– Даже величайший из магов-целителей этого мира был бы бессилён здесь, парень, – тихонько, почти ласково проговорил он. – Есть вещи, которые человеку не под силу изменить.

– Для чего же тогда быть магом, если ты ничего не можешь сделать? – горестно спросил Олни, отрывая лицо от мокрой подушки.

– Я спущу тебе этот глупый вопрос, делая скидку на твоё состояние. Маг может то, чего не могут другие – вот и ответ на твой вопрос. Но мир устроен так, что есть многое из того, что не могут даже маги. Для того, чтобы лечить человека, нужно до мельчайших мелочей понимать, как он устроен. Даже целители могут чаще всего лишь самые простые вещи – останавливать кровь из открытой раны, вскрывать глубокие гнойники, охлаждать ожоги... В мире есть много болезней, и болеют ими все – от нищих до королей. Если бы в силах магов было излечить их – неужели ты думаешь, они позволили бы страдать и умирать по крайней мере коронованным особам? Множество магов умерло во время последней эпидемии синивицы в Латионе, и среди них были опытные и могучие волшебники. Пойми, парень, у всего есть границы, даже у самой Сферы¹⁶.

– Но я должен был что-то сделать... Я должен был быть рядом, когда это случилось... – разбередив старую рану, Олни вновь залился слезами.

– Ты будешь весьма глуп, если станешь всю жизнь винить себя за это. Ты дал своей матери так много, как редко какой сын может дать. Благодаря тебе последний год она прожила в достатке, не зная нужды ни в пище, ни в дровах, ни в одежде. Но главное – уверен, что она безмерно гордилась своим сыном, сумевшим выбиться в люди. Поверь, парень, моя мать имела

¹⁶ Клай имеет в виду Сферу Создания – вселенную, созданную Неведомым.

немного поводов хвастаться своим отпрыском – куда чаще, думаю, ей было стыдно за меня. Так что перестань себя казнить. Ты – маг, и тебе пристал более философский взгляд на подобные вещи.

Клай и сам понимал, что его утешения получаются так себе, а потому, опасаясь ещё больше обидеть парнишку, встал и вышел, тихонько притворив дверь.

Дарфа умерла поздней осенью, когда ледяной ветер уже гонял серебристую позёмку по белёсой мёрзлой земле. Олни стоял с непокрытой головой и тупо смотрел, как трое селян пытались заступами отбивать комья замёрзшего дёрна. Щёки, шелушащиеся от ветра и слёз, горели огнём, но он этого не ощущал. Весь мир его сейчас съёжился до одной точки – грязно-коричневого пятна на поседевшей земле.

Вскочивнув верхний слой, один из колонов протянул заступ Олни – здесь земля была ещё довольно мягкой, а по обычаю сын должен сам похоронить мать. Юноша отупело подошёл и взял заступ. Он начал методично бить по земле в такт с двумя другими мужиками, и эта монотонность внезапно несколько успокоила его. На какое-то время мир вновь наполнился смыслом – есть яма, которую нужно выкопать. Дальше этого мысли Олни не шли, словно отскакивая от невидимой стены.

Когда яма была готова, землекопы вернулись в хату. Здесь уже всё было готово к погребению – свежеструганный гроб, в котором, укрытое покрывалами, покоилось тело Дарфы, а также арионнитский служитель, приехавший из соседнего села, поскольку в деревне не было ни храма, ни даже небольшой часовенки. Нужно было спешить, покуда выброшенная на поверхность земля не возьмётся льдом и не превратится в один большущий ком, поэтому гроб тут же вскинули на плечи те самые землекопы вместе с Олни, и понесли к небольшому погосту позади деревушки, сопровождаемые заунывными бормотаниями жреца.

Дарфа Стайк прожила вполне долгую по местным меркам жизнь, и уж точно большинство сошлось бы на том, что она была вполне счастливой. Вся деревня вышла проводить её к Белому Пути, и не только потому, что селяне надеялись потом хорошенько набить животы на тризне, которая обещала быть богатой. Приехал даже Клайдий, чтобы поддержать своего ученика в столь тяжёлый час, и можно смело сказать, что никто из лежащих на этом погосте не удостоивался подобной чести.

Клай забрал Олни почти сразу после погребения – как только были соблюдены все положенные в таком случае обряды. Из кареты, в которой прибыл маг, слуги вытащили несколько баулов с провизией и два бочонка ячменного пива – целый пир для небогатых селян. Самого же Олни, совершенно потерянного и безучастного ко всему, он затолкал в карету, и они тут же умчались в усадьбу, даже не заботясь о том, что станет с незапертой хижиной Стайков.

Собственно, это было уже и неважно. Больше в родном селении ни Олни, ни Каладиус не побывают никогда.

Глава 6. Город

– Собирайся, мы уезжаем, – Клай, как всегда, без стука вошёл в комнату Олни.

С похорон мамы прошло четыре дня, и все эти дни парень страшно хандрил, почти ничего не ел и не вставал с кровати. Любимые книги лежали так, как он оставил их несколько дней назад. Возможно, Клай стал опасаться за здоровье своего подопечного.

– Куда? – с трудом выплывая из своего сомнамбулического тумана, вяло поинтересовался Олни.

– Поедем в Токкей. Тебе нужно развеяться, а мне уже до печёночных колик опостылело это имение.

– Надолго? – взгляд юноши наконец-то становился всё более осмысленным.

– Поглядим, – неопределённо пожал плечами Клай. – Может быть, до весны, а может и дольше.

– До весны? – теперь уже по-настоящему живо спросил Олни, изумлённый ответом. – Мы будем там жить?

– А что тебя удивляет? Думаю, мы оба не прогадаем от этого.

Честно сказать, Олни давно мечтал увидеть Токкей, и до последнего времени, покуда он не сделался учеником мага, считал эту мечту неосуществимой. Но теперь ему ничего не хотелось. Точнее, хотелось неосуществимого – чтобы мама была жива, чтобы всё было как раньше. Однако это было невозможно, а вот поездка в Токкей неожиданно стала реальностью.

– И когда мы уезжаем? – всё-таки какая-то жизнь стала возвращаться к Олни в виде порозовевших щёк, вновь заблестевших глаз, учатившегося дыхания. Перспектива поездки встряхнула его.

– Через полчаса. Карета уже готова.

– Через полчаса? – удивлённо воскликнул Олни. – Но я не готов...

– А что тебе нужно готовить? Разве тебе требуются сборы? Смахни книги в мешок, утри сопли – и готово!

– Хорошо, – впервые за минувшие четыре дня на губах юноши появилась бледная улыбка.

Он поднялся с постели и стал аккуратно укладывать книги в одну стопку, чтобы затем обвязать их бечёвкой. Но вдруг он замер, даже не донеся книгу до стола.

– Мне нужно побывать на могиле мамы... – это прозвучало не как просьба, а как вопрос – робкий и жалкий. Юноша словно надеялся, что ему откажут.

Клайдий легко уловил эти нотки. Он знал, что Олни сейчас больше всего боится вновь увидеть этот припорошённый снегом холмик с грубо выточенным из камня подобием единорожьего рога.

– Нечего тебе там делать, парень, – твёрдо сказал он. – Твоя мама уже на той стороне Белого Моста, где ей абсолютно неважно всё, что происходит в этом мире. Отбрось от себя эти ненужные условности! Это – всего лишь яма в земле с дощатым ящиком, в котором лежит что-то столь же неживое, как и окружающая этот ящик глина. Ты – маг, и за свою долгую жизнь похоронишь ещё очень многих. Если в каждой могиле ты станешь оставлять хотя бы по кусочку своей души – надолго её не хватит.

Наверное, это было совсем не то, что сейчас желал услышать Олни. Наверное, бляенье арионнитского священника, благостное и оупляющее, скорее сняло бы боль, изгнало бы её. Но Клай действовал жёстко и радикально – ему хотелось не спрятать боль, а излечить её. Кроме того, он ясно видел, что парню совсем не хочется возвращаться на старый погост, и решил помочь ему не чувствовать себя потом сволочью. Наверное, паренёк в этот миг ненавидит его, Клая, за столь резкие и ранящие слова, но главное – он не будет ненавидеть себя.

– Мои вещи уже собраны, – отвернувшись от обмякшего ученика, сухо проговорил Клай. – Я буду в карете. Не заставляй долго себя ждать.

И лишь выйдя из комнаты Клайдий, не удержавшись, изо всех сил стукнул себя кулаком по ладони – ему хотелось провалиться сквозь землю.

Несмотря ни на что, идея Клая оказалась просто отличной. Обиженный и несчастный Олни недолго сохранял безучастность, прислонившись лбом к холодному мутноватому стеклу кареты. Не прошло и часа, как он уже с неотрывным любопытством наблюдал пейзажи, пробежавшие снаружи, хотя по мнению Клайдия никакой разницы между ними и теми же пейзажами в окрестностях имения не было. Но Олни, всю свою жизнь проведший на одном месте, с неискушённым интересом глядел на другие, далёкие места, пусть пока что они отъехали всего на несколько миль.

Чтобы окончательно восстановить свои пошатнувшиеся позиции, Клай дважды приказывал кучеру останавливаться в придорожных трактирах, чтобы размять ноги и перекусить. Олни был в полном восторге, хотя у большинства путешественников эти чахлые трактирчики могли вызвать разве что жалость или брезгливость, ибо места тут не изобиловали путешественниками, и те немногие трактиры, что наперекор всему всё же возникали вдоль этих неезженных дорог, влачили довольно-таки жалкое существование.

В каждом из трактиров Олни заказывал полный набор предлагаемых блюд, хотя это и порядком задерживало их путешествие, ведь заказанную, например, «курицу под королевским соусом» необходимо было не только изжарить под этим самым королевским соусом, но для начала ещё и отловить, ощипать и выпотрошить. Однако Клайдий не выказывал никаких признаков недовольства или нетерпения.

Более того, он заказывал всё то же самое, хотя после с брезгливостью разглядывал тощую тушку курицы, которую по её размерам скорее можно было бы назвать цыплёнком, а по жёсткости кожи и мяса – сапогом. Пресловутый же «королевский соус» на поверку оказывался неопределённого вкуса баландой, напоминавшей воду с разведённой в ней овсяной мукой, льняным маслом и множеством соли с перцем, чем он, вероятнее всего, и являлся.

Наверное, для того чтобы сделать парня окончательно счастливым, нужно было бы остаться на ночёвку в одном из этих трактиров, но на такие жертвы Клай всё же был не готов, совершенно справедливо полагая, что если куры у них размером с клопов, то клопы вполне могут оказаться размером с кур. Однако же к концу их недолгого путешествия, а именно к позднему вечеру, когда небо уже было покрыто россыпью ярко блестящих на морозе звёзд, Олни совершенно излечился от своей хандры, хотя, конечно, до конца избыть грусть, вызванную смертью близкого человека, было невозможно.

По меркам южного Палатия Токкей был довольно крупным городом – в нём проживало, наверное, около пяти тысяч человек. Для столичного жителя он, наверное, показался бы излишне провинциальным, но на Олни он произвёл неизгладимое впечатление даже ночью. Крепостные стены не менее двадцати футов высотой, с помощью темноты неплохо скрывавшие свою запущенность, показались юноше просто громадными, а центральная улица, в отличие от большинства других замощённая булыжником и освещённая редкими масляными фонарями, заняла в его воображении место, приберегаемое для главных улиц Шинтана.

Несмотря на поздний час, на улицах кое-где попадались прохожие и гуляки, а из нескольких таверн и кабаков неслись весьма характерные звуки, свидетельствующие о том, что их посетители далеки ещё от того, чтобы ложиться спать. Для Олни, в чьей деревне люди обычно ложились вскоре после захода солнца, это было ещё одним признаком большого города, полного соблазнов. Он и страшил, и манил одновременно.

Наконец экипаж подъехал к довольно большому особняку, который выглядел вполне респектабельно, а Олни так и вовсе назвал бы его роскошным, да и то лишь потому, что не подобрал бы более превосходного слова. Оказалось, что именно в этом доме Клай снял две смежные комнаты во втором этаже. На какое-то время он должен был стать жилищем для мага и его ученика.

Едва зайдя в свою комнату, Олни остановился, потрясённо глядя на свою будущую обитель. Никогда прежде он не видел такой роскоши. До сих пор роскошным ему казался дом сеньора Шейнвила, но теперь же он понимал, насколько ошибался. Конечно же, на вкус того же Клайдия особняк был неплох, но не более того – вполне сносен для того, чтобы жить в нём, и уж куда лучше безвкусных деревенских хором провинциального кузена.

Надо отметить, что в комнате Олни (как, впрочем, и во всех других комнатах, которые предназначались для сдачи внаём) был достаточно большой камин с великолепной кованой решёткой, в котором ласково плескалось яркое оранжевое пламя. Уже одно это было бы способно привести деревенского мальчика в неопикуемый восторг. Но здесь кроме камина была ещё и кровать достаточно широкая для того, чтобы долговязый парень вполне мог бы спать и поперёк её.

Но главное – здесь был настоящий платяной шкаф. Даже в имении Шейнвила для хранения нарядов использовали громадные оббитые железом сундуки, а здесь был шкаф. Олни пожалел, что у него всего один комплект одежды, и ему пока просто нечего держать в этом великолепном лоснящемся предмете интерьера, таком огромном, что в нём можно было бы ночевать.

Пол был паркетным и до того начищенным, что Олни не смел и ступить по нему, боясь испортить своими кургузыми башмаками чистоту и невинность этого великолепия. Клай, стоя рядом, наслаждался тем впечатлением, которое комната произвела на его подопечного, и одновременно посмеивался над его деревенской неуклюжестью.

Да, Олни был счастлив. Правда, его восторг на некоторое время стушеввался перед воспоминаниями о недавно умершей маме, когда он представил, как была бы она горда и счастлива, увидев своего сына посреди всего этого великолепия. Но долго сохранять минорность в подобных условиях было невозможно, тем более что меньше чем через четверть часа в дверь постучал изящно одетый слуга с подносом в руках.

Отменно отужинав, Олни наскоро обмылся в специально отведённой для этого комнате, где стояла бадья, которую по требованию жильцов слуги наполняли горячей водой – он счёл кощунством немытым лечь на эти белоснежные простыни с тонким голубоватым узором из полевых цветов. И то верно – с пренебрегающего обычно гигиеной парня сошло столько грязей, что после несчастные служанки дважды надраивали лохань, чтобы отчистить её от коричневатого налёта.

– Завтра поутру отправимся к портному, – объявил Клай, заглянув перед сном к Олни. – Нужно одеть тебя во что-то приличное, не можешь же ты продолжать позорить меня своим видом! Постарайся забыть своё происхождение – отныне люди будут видеть тебя таким, каким ты им себя преподнесёшь. Заодно и поглядим, научил ли я тебя чему-нибудь...

Олни, хотя и не считал, что его внешний вид способен кого-то опозорить, возражать, разумеется, не стал. Он уже ест как барин, спит как барин. Если он ещё и одет будет как барин – он станет барином! Парень был достаточно самоуверен, чтобы быть уверенным в том, что в достаточной мере освоил уроки мессира.

Пока же он с блаженным стоном рухнул на свою безграничную постель, утонув в мягкой перине, словно в поляне одуванчиков. В камине весело потрескивали дрова, нагревая воздух и наполняя его приятным лёгким запахом дымка, так не похожим на тяжёлый чад от их домашнего очага. Мысли о домашнем очаге вновь вернули его воспоминания к маме, но он не успел даже как следует огорчиться, поскольку спустя несколько мгновений уже захрапел.

– Вполне неплохо, – оценивая оглядев принарядившегося Олни, одобрительно кивнул Клай. – С десяти шагов и не скажешь, что ты родился в хлеву!

Они стояли у мутного зеркала в платяной лавке, и Олни с трудом узнавал в неясном отражении себя. Никогда ещё он не выглядел даже вполвину так блистательно как теперь. Вот бы в таком виде появиться в его деревушке! Олни даже зажмурился от удовольствия, представляя себе эту сцену.

– Что ж, теперь можно отправляться к портному, – хлопнув парня по спине, объявил Клай.

– Для чего ещё портной? – приятно удивился Олни, искренне недоумевающий, что ещё могло не нравиться мессиру.

– Не можешь же ты появиться в обществе в *этом*, – скривился Клай. – Тебя примут за торговца лесом, или, в лучшем случае, за мелкопоместного дворянчика вроде моего кузена. Истинный дворянин никогда не купит себе наряд в лавке готового платья! Мы отыщем маэстро, который сошьёт такую одежду, которая подчеркнёт все твои достоинства и скроет многочисленные недостатки. Нам нужно спешить – я хочу, чтобы твой первый наряд был готов уже к этим выходным. Уверен, что даже в городишке вроде Токкея найдутся какие-нибудь развлечения для нас.

С Олни никогда не снимали мерку, и он понятия не имел, как это делается. Оказалось, что нужно почти три четверти часа стоять в самых нелепых позах, покуда мелкий седовласый старичок с беспокойными пальчиками ощупывал его повсюду, отмеряя что-то атласной лентой, на которой он ставил пометки.

Это была весьма неприятная и нудная процедура, однако же Олни её выдержал. Правда, потом ему очень долго (едва ли не два часа) пришлось ожидать Клая, который весьма требовательно подошёл к снятию мерки, и ещё дольше потом определялся с тканями и расцветками. Но всё же стоять в примерочной было куда легче, чем мотыжить землю, поэтому юноша не выказывал никакого нетерпения или недовольства.

Ну а затем для Олни началась светская жизнь. Клай довольно быстро оброс связями, став желанным гостем в лучших домах города. Несмотря на то, что он хранил инкогнито, местное дворянство своим безошибочным провинциальным чутьём сразу распознало в нём человека весьма знатного и, что важнее, явно столичного.

И это нежелание раскрыть себя не только не оскорбляло достойных горожан, но наоборот – приятно волновало их, добавляя пикантности. Они чувствовали, что за этим скрывается какая-то захватывающая история, и, не имея возможности узнать её, не могли отказать себе в удовольствии угадывать и представлять самые невероятные вещи. Клай нисколько не мешал этому, ведь всё это играло ему на руку.

Что касается Олни, то он вёл себя тише воды, ниже травы. Он беззвучной, едва заметной тенью следовал за наставником, оглушённый и ослепший от величия и сияния той среды, в которую попал. Он с удовольствием сидел бы в своей комнате, но мессир строго-настрого наказал ему всюду сопровождать его, и послушаться юноша не смел. Однако эта робость была воспринята знатью Токкея как скромность и благовоспитанность, а поскольку это были как раз те качества, которыми редко могла похвастать современная золотая молодёжь, то можно сказать, что Олни был принят с не меньшим радушием, чем его учитель.

Как мы видим, высший свет Токкея не распознал с первого взгляда в изящно одетом и изящно выглядящем юноше деревенского пастушка – Клайдий излучал такое количество столичного лоска, что его с лихвой хватало на двоих. Конечно, не обошлось без пересудов о том, кем приходился молодой человек этому великолепному вельможе.

Высказывались разные точки зрения – кто-то утверждал, что они братья, хотя, скорее всего, не единоутробные; другие склонны были подозревать, что молодой, вероятно, был незаконнорождённым сыном того, что постарше. Наиболее впечатлительные натуры и вовсе чувственным шёпотом намекали на то, что здесь имеют место чувства, далеко выходящие за рамки обычной мужской привязанности. Правда, Клай вскорости развеял эти нелепые подозрения своими любовными похождениями.

К чести нашего героя нужно отметить, что и в дальнейшем всё расширяющийся круг его знакомых так и не сумел разгадать загадку его происхождения. Во всём, что касается этикета, Клайдий оказался на удивление талантливым учителем, а поскольку и ученик попался ему под стать, то, немного освоившись, Олни всё больше входил в роль знатного и таинственного юноши, поразив немало сердец.

Здесь, в Токкее, Клай уже не считал нужным скрывать свои магические способности, полагая, что публика тут куда более просвещённая. И тот факт, что внезапно прибывшие в город незнакомцы оказались ещё и магами, ещё больше подогрел и без того горячий интерес к ним. Для Олни подобный интерес был скорее в тягость, поскольку он ощущал себя лжецом, похитившим чужие одеяния, чтобы выдать себя за кого-то другого. Он поминутно ждал разоблачения, и поэтому в обществе обычно бывал очень скован. Он неохотно отдалялся от Клая, предпочитая пребывать в его спасительной тени, а потому старался вежливо отвергать всевозможные предложения, которые так и сыпались со стороны его сверстников, горящих желанием поближе сойтись со столичным магом.

В первые недели Клай с пониманием относился к этому, не требуя от воспитанника невозможного. Однако спустя некоторое время он стал категорически настаивать на том, чтобы Олни как можно больше времени проводил в обществе молодых дворянских сынов (и дочерей тоже), вероятно, желая устроить своему протеже настоящий экзамен.

И нужно отметить, что бывший пастушок с честью выдержал это испытание. Недостаток врождённого благородства он с лихвой компенсировал знаниями, почерпнутыми из уроков мессира, а также из книг. Кроме того, Олни обладал весьма острым умом и, как выяснилось, невероятной внутренней чуткостью, помогавшей ему быстро приспосабливаться к новой среде так, что никто не мог заподозрить подвоха.

Правда, Олни неприятно поразила некая незрелость новых товарищей. Ему, которому благо учиться свалилось буквально с неба, было непонятно, как эти богатые сынки богатых родителей, имея возможность нанимать лучших учителей и покупать лучшие книги, предпочитали всему этому почти что детские проказы, пирушки и интрижки. Можно было смело сказать, что он, ещё год назад читавший едва по складам, сейчас был на голову выше любого образованного молодого хлыща Токкея.

В этом смысле отрадой для него стало знакомство, сведённое Клаем с местным магом по имени Доруман. Доруман был весьма обеспеченным человеком, состояние которого складывалось не только из дворянской ренты и наследства родителей, но и из жалования, которое он получал, имея официальную должность руководителя магической обороны города.

Вообще Токкей, несмотря на то что находился не так уж далеко от границ Латиона, за последние лет сорок не видел ни одного нашествия воинственного южного соседа. Дело тут было и в естественных препятствиях местности – она здесь изобиловала болотами, и в том, что Токкей не лежал на пути к Шинтану, и потому был не особенно интересен для латионских легионов в тех искусственных войнах, которые разыгрывались будто спектакли. И тем не менее, в городе существовал не только обычный военный гарнизон, но даже и подразделение магической защиты, насчитывающее, правда, кроме мессира Дорумана ещё всего лишь трёх магов средней руки. Должности были весьма необременительны, и приносили при этом неплохой доход.

Конечно, ожидать встретить сильных магов в подобной глуши было нечего – здесь оставались лишь те, кому недоставало либо способностей, либо амбиций, чтобы перебраться в столицу. Однако же, мессир Доруман оказался весьма интересным собеседником, с которым можно было поговорить о магических практиках, а главное – у него была весьма недурная библиотека томов на шестьсот. В глазах Олни это было истинное богатство, и он готов был бы поселиться в этой библиотеке насовсем, спать на соломенной подстилке рядом с этими драгоценными шкафами, покинув свою респектабельную комнату.

К счастью, подобных жертв от него никто и не требовал – добряк Доруман охотно предоставлял юному коллеге любые книги, которые тот просил, разрешая даже забирать их с собой. У Олни разбежались глаза – он не знал, за какой том хвататься, ему хотелось иметь дюжину голов с двумя дюжинами глаз, чтобы читать по несколько книг сразу. Не зная, сколь долго они проведут в Токкее, он страшно досадовал, что ему необходимо было тратить часть драгоценного времени на сон и светские выходы.

Среди бесценных фолиантов мессира Дорумана были и тома по магическим практикам – ничего особенного, совершенно стандартный набор. Однако же Олни с жадностью проглатывал их страница за страницей, с радостью находя подтверждения тем идеям, до которых он ранее додумался сам. Теперь ему как никогда хотелось больше времени проводить с мессиром, обсуждать новые знания, что он почерпнул из книг...

Однако Клай, вырвавшись наконец из мучительной провинциальной скуки, словно пытался компенсировать все свои потери. Он кутил напропалую, заводил интрижки с замужними и незамужними красотками, возвращался под утро с балов и приёмов. Нельзя сказать, что он совершенно потерял интерес к своему педагогическому эксперименту, но всё же характер брал своё. Он исправно уделял своему ученику время – минимум по часу каждый день, но именно сейчас Олни этого было мало как никогда. С горечью, но и некоторым приятным волнением юноша осознал, что теперь он должен будет стать сам себе учителем и наставником.

Глава 7. Каррис

В первое же утро их пребывания в Токкее Клай, едва появившись в комнате Олни, тут же заявил:

– С этого дня, парень, ты должен забыть своё имя. Придумай себе что-то более подходящее случаю.

– А что плохого в моём имени? – обиженно удивился юноша.

– Дворяне не дают своим детям имя Олни, – невозмутимо пояснил маг. – В лучшем случае они могут назвать так свою собаку. Ты начинаешь новую жизнь, и тебе потребуется новое имя. Мне, кстати, тоже. Что скажешь о имени Каладиус? Мессир Каладиус, – растянуто произнёс Клай, вслушиваясь в звучание.

– Мне нравится, – пожал плечами Олни, который всё равно не знал настоящего имени мессира.

Как мы видим, Клай добавил к своему имени окончание «ус», означавшее, что он принадлежит не просто к касте магов, но является магом, чьи заслуги уже известны и подтверждены Латионской академией высоких наук. Лишь выпускники этой академии, причём зарекомендовавшие себя с лучшей стороны, получали право трансформировать своё имя подобным образом. Однако Клайдий, очевидно, не слишком-то тяготился подобными формальностями, решив, что если начинать жизнь с чистого листа, так почему бы сразу не повысить свой статус.

Очевидно, что имя Каладиус было образовано от имени Клайдий. Почему предприимчивый авантюрист изменил звучание, а не назвался Клайдиусом, как, казалось бы, должен был? Трудно ответить на этот вопрос. Может быть, имя Каладиус показалось ему более звучным, а может быть, он всё ещё продолжал опасаться той истории с Шатсли, а потому хотел немного запутать следы. Но так или иначе, а именно в этот день, в одиннадцатый день месяца постремия 968 года Руны Кветь мир впервые услышал это имя, ставшее впоследствии столь великим и грозным, хотя прославит его совсем другой человек.

– Мне тоже нравится, – улыбаясь, кивнул Клай. – Теперь нужно придумать что-то подходящее для тебя. Как насчёт имени Каррис? Был у меня такой приятель в детстве.

– Нормальное имя, – снова пожал плечами Олни, в глубине души чувствуя, что ему не очень-то хочется быть Каррисом или кем-то иным.

– Ну значит так и будет, – удовлетворённо улыбнулся Клай. – Постарайся поскорее привыкнуть к новому имени – оно теперь твоё, как вторая кожа. И постарайся поставить себя так, чтобы тебя величали мессиром Каррисом.

Та лёгкость, с которой его учитель создавал новую реальность, казалась новоиспечённому Каррису головокружительной. Он тогда ещё не до конца осознал, что мессир решил полностью изменить его личность, и не слишком-то представлял – каково это будет изображать из себя кого-то другого. Однако мы уже знаем, что с этой задачей он справился блестяще, показав себя достойным учеником мессира Каладиуса.

Больше всего Олни нравилось, когда они с мессиром посещали Дорумана. Здесь не бывало приторно-бессмысленных светских бесед, не обсуждались кружева на корсаже какой-либо баронессы, не кичились своим невежеством. Конечно, мессир Доруман далеко не был образцом мудрости, но всё же книги, что стояли на полках его библиотеки, стояли там не зря. Кроме того, маг был прост в общении, не прибегая к хитросплетениям слов, предписанных этикетом. И с ним можно было говорить о магии.

Может быть, он не был столь даровит как Клайдий, но он прожил на свете вдвое дольше, и имел больше опыта, в том числе и боевого. Олни, или Каррису, как нам бы пора уже привык-

нужно называть нашего героя, было интересно всё, что относилось к боевой магии. Он со всепоглощающим интересом слушал о захватывающих магических битвах между магами Палатия и Латина во время той или иной войны, не замечая саркастической улыбки, что то и дело пробегала по губам Клая.

Да, добряк Доруман, очевидно, привирал, особенно когда рассказывал о собственных подвигах, но юноше не было до этого дела. Он то и дело перебивал рассказчика, прося более детально рассказать о том или ином приёме, применённом в бою. Несколько раз замявшись после таких просьб, Доруман стал несколько сдержаннее, отчего рассказ его, несомненно, проиграл в красочности, но зато выиграл в достоверности.

Тем не менее, пожилой маг отнёсся к приезжим с почти отческой теплотой и участием, особенно на первых порах, когда они ещё только обосновывались в городе.

– Не стеснены ли вы в средствах? – в одну из первых встреч поинтересовался он. – Если это так, я мог бы ссудить вам определённую сумму. Я живу один, и большая часть денег просто лежит у меня безо всякого дела. Прошу вас, не стесняйтесь, если вам что-либо нужно, в этом нет ничего зазорного. Я сам в своё время прибыл в этот город без гроша в кармане, так что в полной мере понимаю, какой обременительной может быть бедность.

– Благодарю вас, мессир, – учтиво отвечал Клай. – Но ежели что и обременяет меня, так это вес моего кошелька. Проклятая серебряная система – она словно нарочно придумана для того, чтобы искривить мой позвоночник¹⁷! Поверьте, наши семейства достаточно богаты, чтобы мы с мессиром Каррисом ни в чём не испытывали нужды.

Больше на эту тему разговор не заходил, да Доруман вскоре и сам смог убедиться, что его новые знакомцы просто набиты деньгами. Клай вознаграждал себя за вынужденный год воздержания от светской жизни, вскоре став главной звездой токкейского небосклона. Кажется, в нём проснулись былые повадки и жажда наслаждений. К счастью, Олни достиг уже того этапа, когда мог быть сам себе учителем, благо, к его услугам были библиотека мессира Дорумана вкупе с ним самим. Молодой мессир Каррис бросился в учёбу с тем же упоением, с каким его воспитатель мессир Каладиус бросился в пучину развлечений.

Зима в таком городе как Токкей совсем не то же самое, что зима в родной деревушке Олни. В разгар зимы домишко, в котором жили они с мамой, иной раз заносило до самой крыши, и ему приходилось буквально прорываться сквозь толщу снега, чтобы отыскать колодец. Здесь, во всяком случае в той части города, где находилось их жилище, снегу не давали слёживаться целые армии дворников. После каждого снегопада улицы тщательно вычищали, а снег вывозили на городские пустыри.

Читал Каррис теперь при свечах, а не в тусклом свете лучины; в камине всегда горели дрова, и ему даже не приходилось самостоятельно колоть их – каждое утро слуга заполнял до верху небольшую нишу рядом с камином. Четыре раза в день ему подавали пищу, и он, как бы ни был занят, обязательно воздавал ей должное. Спал он на мягкой постели, где бельё менялось каждые две недели, а не после того, как ноги начинали увязать в дырах.

Время проходило быстро и удивительно. Временами Каррис ловил себя на том, что очень боится проснуться, потому что всё это было слишком уж похоже на сон. Успокаивало лишь то, что мозг его вряд ли смог бы породить столь изощрённое и столь реалистичное сновидение.

¹⁷ Здесь речь идёт о том, что, в отличие от всех государств Паэтты, использующих биметаллическую валютную систему (золото и серебро), в Палатие для чеканки денег используется исключительно серебро, поэтому тоины (самая крупная денежная единица Палатия) действительно весят достаточно много – около двух унций. Не очень-то понятно, отчего в Палатие сложилась именно такая система – возможно, причина в том, что в стране есть довольно крупные залежи серебра, а вот золотые прииски и золотоносные жилы встречаются в центральной и южной частях Анурских гор. А может в этом просто была какая-то давно забытая прихоть кого-то из местных правителей во времена Смутных дней или же после них.

Всё время, каждый день молодой ученик мага продолжал постигать различные науки, львиную долю времени отдавая магии. Как-то он наткнулся на книжных полках мессира Дорумана на некий фолиант, который, судя по обилию пыли, скопившейся на нём, уже много лет не видел солнечного света. И, прочитав название, Каррис выдохнул от восхищённого изумления.

Это был знаменитый «Магия граней» – труд, написанный ещё во времена империи великим магом Реввиусом. Олни уже слышал об этом сочинении, встречал его название на страницах других книг, но не думал, что сможет когда-либо подержать его в руках. Дело в том, что мессир Реввиус очень подробно занимался созданием магических артефактов на основе кристаллов, а тема эта давно уже интересовала юношу, который мечтал научиться многократно усиливать свою природную мощь.

– О, вы истинный ценитель, мессир Каррис, – с лёгкой усмешкой протянул Доруман, когда Олни появился с ценной книгой в руках. – Но не слишком ли сложный трактат вы выбрали на сей раз?

– Я хотел бы попытаться разобраться в нём, мессир, – с просительными нотками в голосе произнёс Каррис. – Эта тема всегда была мне интересна.

– А насколько вы знакомы с геометрией, друг мой? – поинтересовался Доруман. – Я в своё время наткнулся на эту любопытнейшую книгу и отдал за неё небольшое состояние, но, вынужден признать, так и не осилил её содержания. Здесь нужно быть, по меньшей мере, учёным академиком.

– Если позволите мне взять её, я попытаюсь понять, мессир. Увы, я не знаком с геометрией, но мой учитель всегда отмечал мои большие способности к математике. Быть может, это поможет мне.

– Что ж, друг мой, берите эту книгу, – улыбнулся Доруман. – Оставьте её себе на память о старом провинциальном маге, с которым вас на время свела судьба. Надеюсь, когда-нибудь вы помянете меня добрым словом. Я вижу в вас огромный потенциал, юноша, и он заключён отнюдь не в величине ваших магических способностей, которые, тем не менее, весьма велики. Но вы открыты знаниям, вы впитываете их подобно губке. Человек с вашей головой может достичь до головокружительных высот. Не потеряйте этот дар.

В далёком будущем великий маг Каладиус действительно не раз вспомнит этого добродушного старика, который оказался в некотором смысле настоящим пророком.

И вот теперь долгими зимними вечерами Каррис упорно штудировал полученную книгу, продираясь сквозь непроходимые дебри одновременно и теоретической магии, и математики. Временами хотелось просто бросить всё это, бросить в прямом смысле слова – наотмашь, о стену, чтоб разлетелись аккуратно сшитые пергаменные листы. Но через какое-то время что-то заставляло юношу вновь возвращаться к книге и к своим многочисленным записям.

Дошло до того, что он видел эту книгу во сне. Однажды Каррису приснилось, что мессир вместе с сеньором Шейнвиллом вдвоём втолковывают ему какое-то непонятное место из «Граней», смеются над его тупостью и даже злятся. В какой-то момент сеньор Шейнвилл, выведенный из себя, отдаёт приказ пороть неспособного ученика. Юноша проснулся в холодном поту, чувствуя, как ноют рубцы на пояснице. Однако же он внезапно осознал, что понял то самое место в книге, над которым бился последние дни.

К сожалению, если Олни действительно с каждым днём всё больше превращался в мессира Карриса, то вот вновь наречённый мессир Каладиус своими повадками всё больше напоминал былого Клайдия Сарамату. Как ни презрительно относился он к провинции, но сладость светской жизни Токкея, пусть и пресноватая в сравнении со столичной, вскружила ему голову после долгого сидения в деревне. Причём случилось это неожиданно даже для него самого – Клай долгое время самоуверенно считал, что излечился от былых грехов.

Каррис, конечно, был весьма огорчён подобными переменами. Он настолько привык к постоянному обществу мессира, что теперь чувствовал себя покинутым. Богемная жизнь

совершенно не прельщала, и даже пугала бывшего деревенского мальчишку. Он изо всех сил тянулся к знаниям, и пусть сейчас уже уроки его покровителя были не столь важны, поскольку он вполне способен был учиться самостоятельно, но какая-то почти детская зависимость всё же сохранялась. Кроме того, Каррису больно было видеть, как мессир, имея столь светлую голову и великие способности, растрчивает всё это на пустую светскую суету.

Вероятно, единственным человеком во всём городе, исключая самого Каррису, который был недоволен тем, как складывались дела, был мессир Доруман. Старый отшельник даже в молодости чурался развлечений, считая это недостойным занятием для тех, кто дерзает называть себя магами. Вот и сейчас он с плохо скрываемым неодобрением отмечал всё более частые случаи отсутствия Каладиуса, тогда как его ученик, напротив, не упускал случая, чтобы навестить начальника магической обороны.

– Как долго вы собираетесь пробыть в Токкее? – однажды, не сдержавшись, спросил Доруман во время одного из визитов, когда Каррис в очередной раз пришёл один.

– Ещё какое-то время, – с кривой ухмылкой ответил юноша.

Дело в том, что он буквально накануне задал тот же вопрос мессире, и теперь мог дословно процитировать его ответ.

– Я не могу не признаться, что меня тревожит поведение мессира Каладиуса, – озабоченно продолжил старый маг. – Он растрчивает себя на какую-то пустоту, на пену... Это прискорбно, учитывая его потенциал. Будь я даже вполтину так же силен как он, я бы обязательно пробовал себя в Латионской академии, и сделал бы куда более блестящую карьеру, нежели теперь...

– Думаю, он контролирует ситуацию, – неуверенно ответил Каррис.

– Возможно он тоже так думает. Но что если это не так? Он всегда был таким?

– Мы знакомы не так давно, – осторожно проговорил юноша, боясь попасть впросак. – Но всё это время он был полностью сосредоточен на моём обучении.

– И он преуспел в этом! Но сейчас вам нужно нечто большее. Молодой человек, я хотя и не могу похвастаться великими способностями, но достаточно опытен для того, чтобы сказать: вы – совершенно необычайны. Ваши способности к обучению просто потрясают, и доказательством тому служит то, как просто вы разобрались в «Магии граней». Кроме того, я ощущаю в вас могучий потенциал, гораздо превосходящий даже потенциал мессира Каладиуса. Вы должны развивать его! Будет преступлением пойти стопами вашего учителя и тратить себя на светскую жизнь. Подобно мотыльку, вы сожжёте свои крылья в огне лампы. О, я вижу, что вы – серьёзный молодой человек! – торопливо воскликнул Доруман, видя, что Каррис хочет ему возразить. – Но самообучение при всей его ценности обладает одним существенным недостатком – ограниченностью. Вам нужны достойные учителя, которые поднимут вас на принципиально иной уровень.

– Ваша библиотека, мессир, это бесценный кладёз знаний, который мне ещё не скоро исчерпать.

– Это произойдёт скорее, чем вы думаете, друг мой, – покачал головой старый маг. – Вот что я скажу вам. Вы должны как можно скорее отправляться в Латион. Сейчас зима, и война затихла до поры. А быть может, с благословения Арионна, она и вовсе закончится, как это обыкновенно бывает. Отправляйтесь в Академию, там вас примут с распростёртыми объятиями! Заручитесь рекомендацией мессира Каладиуса – рекомендация выпускника Академии дорогого стоит!

Каррис лишь кивнул в ответ. Признаться, он очень сомневался, что его учитель, несмотря на гордое окончание его имени, действительно обучался в Латионской академии. Но, конечно же, он и виду не подал о своих сомнениях.

– Я слишком многим обязан мессире Каладиусу, чтобы покинуть его теперь. Может быть позже мы отправимся вместе, может быть однажды он сочтёт, что я готов к самостоятельному

пути, но пока что я чувствую, что должен остаться рядом с ним. Ваш совет хорош, и он исходит от доброго сердца, но я не могу принять его.

– Что ж, это достойный ответ, – уважительно кивнул Доруман. – Приятно видеть такую преданность в столь молодом человеке. Могу лишь сказать, что отчасти я даже рад этому, поскольку ваше общество является для меня необычайно приятным и разнообразит мою одинокую жизнь. Не держите зла на старика, если мои советы показались вам неуместными или бестактными. Всё это оттого, что меня крайне волнует ваша судьба.

– Благодарю вас, мессир, за это от всего сердца. Уверен, что вскоре всё образуется. Мессир Каладиус – умный и ответственный человек. Ему нужно просто дать время.

Увы, но знай юноша получше историю Клайдия Сарамати, он вряд ли спешил бы с подобными заверениями. Мессира Каладиуса всё больше затягивало в круговорот богемной жизни. Он всё чаще возвращался домой уже под утро, чтобы потом проспять большую часть дня. Бывало так, что Каррис вообще не видел учителя целый день.

Это не могло продолжаться долго – рано или поздно что-то должно было случиться. Каладиус, которого так и хочется назвать Клаем, столь сильно он был похож на себя-прежнего, вновь ходил по грани, заводя интрижки с замужними дамами, играя в карты по-крупному, водя знакомства с сомнительными личностями. Хвала богам, он хотя бы не посещал притоны и бордели, но и то главным образом потому, что их уровень был гораздо ниже столичного.

Зима медленно уходила, во всяком случае, если верить календарю, но погода пока ещё продолжала быть суровой и снежной. За всё то время, что они провели в Токкее, Каррис так и не обзавёлся друзьями, если не считать мессира Дорумана. С какого-то времени он вовсе перестал бывать в свете и сопровождать своего наставника. И именно поэтому он никак не мог повлиять на него, остановить от неверного шага.

Однажды ночью, когда Каррис, по обыкновению, спал, накрытый книгой, с которой он уснул, в дверь его без стука ворвался Каладиус. Свеча, горевшая на столике у кровати, ещё не оплыла окончательно – вероятно, был час или два после полуночи. Мгновенно проснувшийся юноша с тревогой взгляделся в белое лицо вошедшего, понимая уже, что случилась беда.

– Мы должны уезжать, – без предисловий и обиняков объявил Каладиус.

– Что стряслось? – спросил Каррис, понимая, что ответ ему не понравится.

– Я убил человека, – просто ответил маг, утирая пот со лба.

– Как? – ужаснулся юноша.

– Всё было честно. Это была дуэль между двумя благородными дворянами. Он сам вызвал меня.

– Но если это была дуэль...

Дуэли в Палатие, как, впрочем, и везде, были под официальным запретом, но запрет этот был скорее формальностью, поскольку дворяне дрались несмотря ни на что, и правила чести здесь были важнее королевских законов. Время от времени власти устраивали показательные суды над дуэлянтами, но они, как правило, носили совершенно декоративный характер – обвиняемые отделялись штрафами, а народная молва возносила их едва ли не в ранг героев.

– Она случилась без свидетелей, – коротко ответил Каладиус. – Ради всех богов, парень, вылезай уже из-под одеяла! Я велел заложить экипаж.

– Как это – без свидетелей? – озадаченно спросил Каррис, пытаясь попасть ногой в штанину. – Где же были секунданты?

– Какие секунданты, чудак? – нервно фыркнул бретёр. – Этот олух застал меня в спальне с его женой. Какие там секунданты – счастье ещё, что я успел схватить шпагу, потому что этот невежа, кажется, просто собирался проткнуть меня, словно какого-нибудь рябчика! Клянусь честью, я дрался с ним совершенно голым! Уверен, что со стороны это выглядело презабавно!

Каладиус разразился смехом, столь же нервным и даже отчасти истерическим, однако у Карриса не было ни малейшего желания вторить ему. Он продолжал лихорадочно натягивать одежду. Закончив, он принялся собирать самое ценное – книги, которых теперь было несколько больше, чем вначале, поскольку он смог прикупить с полдесятка в местной лавке.

– Но разве не поверят вашему честному слову? – юноше отчаянно не хотелось уезжать вот так вот, среди ночи, не попрощавшись даже с мессиром Доруманом.

– О, боги, да что же ты такой чудной, парень? – простонал Каладиус. – Ладно, коли тебе так хочется всё знать, то так и быть. Знаешь кем был этот недотёпа? Это бургомистр Коддолн, собственной персоной!

Да, это была проблема. Убийство королевского чиновника, да ещё и такого ранга!.. Самое меньшее, что ждало за такое – десять лет казематов, и то если очень повезёт. Теперь Каррис больше уже ни о чём не спрашивал – он быстро собирал остатки своих пожиток, кое-как запихивая всё в дорожные мешки и саквояж.

– Но жена бургомистра не вызвала стражу?

– Она обещала мне дать два часа на сборы. Желательно, чтобы за это время мы были уже за пределами города, так что я очень надеюсь, что мы отъедем не позднее чем через полчаса. Женщины непостоянны, и глупо полагаться на их слово, но у меня не было выбора. Кроме того, боюсь, чтобы выгородить себя, она может наплести бог весть что.

– Но если свидетелей драки не было – почему бы не списать всё на ограбление?

– Сразу видно, парень, что в тебе нет дворянской крови! – фыркнул Каладиус. – То, о чём ты говоришь, недостойно дворянина. И потом – что это за грабители, которые вооружены шпагой?

Наконец вещи были более или менее упакованы, и оба мага быстро спустились вниз. Разбуженный слуга снёс багаж и примотал его к санному экипажу, уже поджидавшему у входа. Каладиус щедро расплатился за постой, и вскоре пара лошадей понесла их по тёмному спящему городу.

– Мы возвращаемся обратно? – уныло спросил Каррис, которому до смерти не хотелось вновь превращаться в Олни.

– Забодай меня Асс, если я ещё хоть раз окажусь в том месте, где останавливается время! – возразил Каладиус. – Мы отправляемся в Тавер.

Глава 8. Тавер

Экипаж выехал из города через южные ворота, но на первой же развилке свернул влево и отправился вокруг Токкея, чтобы выбраться на шинтанское направление. Каладиус пытался запутать следы возможной погони. Если всё пойдёт так, как он надеялся, недавно ставшая вдовой жена бургомистра сообщит, что убийца направился в Латион. Тем не менее, понимая, что не всяких сыщиков можно так легко сбить со следа, маг велел кучеру мчать во весь опор.

Лошади были хороши, тракт был хорошо укатан, так что к утру, когда уже рассвело, Токкей остался в четырёх лигах южнее. Однако лошади уже очень устали, с их трепещущих губ срывались хлопья пены, а дыхание становилось всё более хриплым. Добравшись до первого приличного трактира, Каладиус, не торгуясь, сменил лошадей, которые, конечно, были не столь хороши, как его собственные, но зато были свежими, а это в данном случае являлось немалым преимуществом.

Кучер, получивший весьма щедрый задаток, безо всякого недовольства, едва сменили лошадей, стеганул кнутом и погнал экипаж дальше к северу, не жалуясь ни на холод, ни на усталость. Оба мага же, которые смогли размять ноги лишь в течение тех двадцати минут, что меняли лошадей, вновь были вынуждены терпеть эту бесконечную дорогу.

На сей раз Каррис, слишком поглощённый мрачными мыслями, куда меньше внимания уделял тому, что происходило за окном. Каладиус же с каждой милей, что отдаляла его от Токкея, становился всё спокойнее, постепенно возвращая себе свой насмешливо-расслабленный вид.

– Извини, что втянул тебя во всё это, парень, – наконец произнёс он. – Но что мне было делать? Ждать, пока этот болван проткнёт меня своей шпагой?

У Карриса было сразу несколько вариантов того, что мог бы сделать мессир, главным из которых было предложение не спать с замужними женщинами, но в данном случае помочь словами делу было уже нельзя, поэтому он просто промолчал. Жизнь в Токкее несколько изменила их отношения. Каррис больше уже не был пастушком Олни, с благоговейным восторгом взирающим на таинственного мессира. Он, конечно, не чувствовал ещё себя ровней своему учителю, но ощущал, что дистанция между ними уменьшается.

– Всё равно я собирался весною покинуть Токкей, – будто извиняясь, продолжал Каладиус. – Гиблое место, немногим лучшее, чем имение моего кузена. Таким людям, как мы с тобой, тесно в подобных городишках.

– Да уж, настолько тесно, что вы даже не смогли поделить с бургомистром его жену... – буркнул Каррис, которого неожиданно для него самого тронули эти неуклюжие извинения.

– Это точно, – хохотнул Каладиус, обрадованный, что юноша включился в разговор.

– Что же теперь? – спросил Каррис. – Мы теперь – преступники? Нас будут искать, а если найдут – запрут в одиночных камерах?

– Ну ты-то тут вовсе не причём, – заверил маг. – Даже если мы попадёмся, чего я надеюсь избежать, то не думаю, что у правосудия будут к тебе претензии. Но вообще-то я очень рассчитываю, что мы окажемся не по зубам королевским сыщикам, а вскоре и вовсе мы покинем эту страну.

– И куда же мы направимся? В Латион? Тогда зачем было делать этот крик?

– Потому что мы отправимся не в Латион. Как только откроется навигация, мы на всех парусах помчимся в Кидую.

– Почему в Кидую? – удивился и, признаться, слегка разочаровался Каррис, в душе которого отпечатались слова Дорумана об Академии.

– Потому что Кидуа – это горнило, плавильный котёл, в котором создаётся самая гремучая смесь. Там встречаются представители самых разных народов, взглядов, вер. Туда тянет

самых отъявленных авантюристов и самых непонятых учёных. Там воздух свободы, который пьянит пуще вина. Я скажу тебе так, мессир Каррис: если тебе нужен вчерашний день – отправляйся в Шинтан; ежели день сегодняшней – то в Латион; но если ты хочешь заглянуть прямоком в завтра – тебе одна дорога в Кинай!

Возразить на столь красноречивую тираду было нечего, да и, по большому счёту, Каррису было всё равно куда ехать. В Кидуе, по крайней мере, он будет подальше от королевских сыщиков. Так что если он о чём-то и жалел, так это о том, что нельзя отправиться в Кинай немедленно. Но приходилось мириться с неизбежностью – весна наступала ещё через восемь дней, но судоходство на Сером море возобновиться не раньше, чем полтора-два месяца. Лишь тогда плавающие льды окончательно истают, или, быть может, уплывут куда-то на север до следующей зимы – этого юноша толком не знал.

Дорога до Тавера заняла как раз восемь дней, так что они оказались в главном порте страны аккурат в первый день месяца весны¹⁸. Хотя спустя какое-то время Каладиус снизил темпы передвижения, они всё равно домчались на другой конец страны довольно быстро. Добравшись до Шинтана на исходе шестого дня, они, не заезжая в сам город, обогнули его и выбрались на всё ещё крепко замёрзший Труон. Этот ледовый путь здорово облегчал и ускорял дорогу, так что оставшийся путь до Тавера оказался самым приятным.

Тем не менее, оба мага были страшно утомлены этой гонкой, а также – чего греха таить? – опасениями внезапной поимки. Даже кучер, казавшийся вылитым из стали, к концу путешествия заметно осунулся. Правда, он-то точно остался не в накладе, заработав за эти несколько дней больше, чем, вероятнее всего, сможет заработать за весь оставшийся год. Это обстоятельство, кстати, сделало его абсолютно глухим, слепым и, как хотелось надеяться Каладиусу, немым. Впрочем, он вполне доверял этому славному малому, будучи уверенным, что тот ни за что не выдаст столь щедрого нанимателя. Хотелось бы Каррису разделять подобную уверенность!..

В любом случае то, что они благополучно добрались до Тавера, уже вселяло определённую уверенность. Ну а там, если мессир вновь не наделает глупостей, можно было надеяться, что у них получится затеряться в большом городе.

Тавер действительно был большим городом, по праву нося титул второго города Палатия. Морские ворота Шинтана, главный торговый порт, являющийся таковым даже вопреки своему не слишком-то удачному местоположению. И действительно, негостеприимное, вечно бурное Серое море, по нескольку месяцев в году покрытое льдами, а также соседство с Келлийскими островами, жители которых не брезговали разбойничьими набегами, должны были бы дать неоспоримую фору Шайтре – порту, расположившемуся на самой оконечности полуострова Дарна и купающемуся одновременно в водах Загадочного океана и Залива Дракона. Однако же Шайтра, второй по значимости морской порт Палатия, заметно уступал северному конкуренту, поскольку тот был вскормлен великим Дороном – артерией, что веками соединяла север и юг Паэтты.

Тавер потряс Карриса. Видя Шинтан лишь издали, он мог пока что сравнивать портовый город лишь с Токкеем, и, конечно, сравнение не могло быть в пользу последнего. Теперь даже он, деревенский пастушок, понимал, что имел в виду мессир, употребляя презрительное слово «провинция». Казалось бы, и тут и там были улицы, многоэтажные дома, множество людей, но с первого взгляда становилось ясно, что Тавер – не провинция.

То ли из страсти к удобствам, то ли не желая без нужды маячить на глазах многочисленных постояльцев гостиниц, но Каладиус вновь поступил так же, как ранее в Токкее, сняв пару

¹⁸ Месяц весны – первый весенний месяц календаря Паэтты. Соответствует нашему марту.

комнат в богатом особняке весьма зажиточного купца. Заплатив двойную цену, он добился того, что хозяин резко потерял интерес к их именам, став при этом ещё предупредительнее, чем прежде.

Особый восторг Карриса вызвал тот факт, что из его окна открывался вид на море, пусть и полузакрытый крышами домов. Юноша никогда раньше не видел моря и лишь представлял – какое оно, читая книги о путешествиях. Конечно, Серое море выглядело довольно непрезентабельно – оно и летом-то частенько оправдывало своё название, а уж тем более сейчас, когда ещё только-только взломало ледяной панцирь, укрывавший его больше двух месяцев, и было полно плавающими льдинами. Однако этот вид бескрайней стихии, этот солёно-горьковатый запах весьма взволновали юного волшебника.

Какое-то время Каррис опасался, что мессир, оказавшись в столь великолепном городе, вновь примется за старое, но тот сидел тише воды, ниже травы. Вероятно, Каладиус всё же скрывал под напускным насмешливым равнодушием страх перед возможной поимкой. Ну а читатель, зная и ту часть истории Клайдия Сарамачи, которая была неизвестна нашему главному герою, наверняка понимает, что и относительная близость Шинтана добавляла незадачливому дуэлянту и ловеласу осторожности.

Это не означало, что оба молодых человека безвылазно сидели дома. Каррис, у которого не было особенных причин прятаться от взглядов людей, частенько выходил в город, чтобы просто пройтись и поглазеть. Разумеется, он делал это с дозволения мессира, а иногда даже и сам Каладиус сопровождал его. И всякий раз пастушок Олни ликовал внутри сдержанного внешне мессира Карриса, наслаждаясь вечно царящей вокруг суетой и буйством звуков, красок и запахов.

Но самый большой восторг юноши вызывали книжные лавки. Здесь их было несколько, и от обилия предлагаемых в них книг кружилась голова. Всякий раз, находясь рядом с лавкой, Каррис почти трясся от желания заглянуть туда хоть на минутку, а оказавшись внутри, разве что не истекал слюной, пробегая глазами по манящим корешкам. Он был похож на нюхальщика кашаха, изголодавшегося по очередной дозе.

Каладиус смеялся над своим подопечным, но испытывал настоящее удовольствие от созерцания подобной жажды знаний. Он по-прежнему не ощущал недостатка в деньгах, вероятно, пользуясь семейным счётом в одном из банков, поэтому Каррис после подобных посещений почти всегда уходил, прижимая к груди новую вожаделенную книгу.

Вскоре все книжные торговцы знали мессира Карриса в лицо и, едва заметив его в дальнем конце улицы, опрометью бросались навстречу, болтая о тысяче разных вещей, а между делом упоминая новинки, которые им удалось доставить аж из самого Латиона.

Казалось бы, при таких объёмах и такой скорости поглощения книг у Карриса в голове должна была получиться настоящая каша, но этого не случилось. Его мозг совершенно феноменальным образом запоминал, обрабатывал и раскладывал по полочкам львиную долю полученной информации, приводя его учителя в полный восторг.

Именно здесь, в одной из купленных им книг, Каррис узнал о существовании так называемой лиррийской магии. Впервые о лиррах он прочёл ещё в имени Шейнвила, и очень удивился, что никогда ранее не слышал ничего об этом народе. Действительно, если гномы ещё фигурировали в фольклоре южного Палатия, обычно представая в образе богатых скопидомов и коварных повелителей многочисленных пещер под Анурскими горами, то лиррийское племя совершенно игнорировалось местными легендами.

Но только сейчас Каррис вдруг прочёл, что магия лирр совершенно особенная и куда более эффективная, чем у людей.

– Мне нужны книги по лиррийской магии! – тут же заявил он своему учителю.

– Зачем они тебе? – поинтересовался Каладиус, даже не упоминая о том, что людям подобных книг достать практически невозможно.

– Я хочу постичь эту магию, коль уж она лучше нашей.

– Ты можешь попросить рыбу научить тебя нырять, но даже она не научит тебя дышать под водой. Лиррийская магия совсем иная, чем наша. Думаю, об этом написано в твоей книге. И постичь её могут лишь лирры, потому что они *могут дышать под водой*, если ты понимаешь, о чём я. Поверь, люди даже близко не добрались до горизонтов собственной магии, так что тебе есть ещё что постигать и даже первооткрывать.

Каррис выслушал эту речь, одновременно разочаровывающую и вдохновляющую, со смелым чувством. С какого-то момента времени он всё чаще ловил себя на мысли о том, что вскорости может перерасти своего учителя, да и сейчас уже во многих вопросах позиции юного мага выглядели выигрышнее позиций Каладиуса. Сейчас Каррис был в той поре своего роста, когда ему казалось, что ничего невозможного не существует, подобно ростку, который сумел пробиться сквозь толщу земли, и теперь, не встречая более перед собой такой мучительной преграды, убеждён, что уж дальше-то нет пределов его стремлению ввысь.

Именно здесь, в Тавере, он впервые попросил мессира купить какой-нибудь кристалл, чтобы попытаться на практике применить те знания, что он почерпнул из «Магии граней». Каладиус не стал спорить и приобрёл в одной из ювелирных лавок четыре огранённых кристалла горного хрусталя – не самый удачный выбор с точки зрения зачарования, но для начала вполне подходящий.

Каррис с энтузиазмом принялся за дело. Однако оказалось, что книга, да к тому же понятая не до конца, не давала необходимых знаний. Или же мессир Реввиус утаил нечто в своём труде, или, что вернее, ему достался весьма неподготовленный читатель. В общем, как ни старался Каррис, но ничего не вышло – *возмущение* упорно отказывалось завязываться на кристалл и подчиняться его структуре. В конце концов все четыре кристалла просто лопнули, не выдержав экспериментов.

Однако Каррис и не думал отчаиваться. Он понимал причину своих неудач, а главное – у него сейчас были все возможности устранить её. В итоге в одной из книжных лавок он прикупил книгу о геометрии, пугающую уже одним своим видом. Но, как мы знаем, Каррис был не из пугливых, тем более что у него уже был некоторый запас знаний по этой науке, почерпнутый из «Магии граней», так что теперь, изучая всё последовательно и с самого начала, он хотя и медленно, но вполне успешно продирался через это скопление чертежей и знаков.

По мере параллельного штудирования книги о геометрии и «Магии граней» Каррис пришёл к выводу, что для овладения искусством зачарования кристаллов ему придётся овладеть ещё и искусствами гранильщика и шлифовальщика, по сути, сделавшись едва ли не ювелиром. Да и редкому ювелиру требовалась такая филигранная точность огранки, какая была необходима для магических артефактов.

В общем, на какое-то время Каррису пришлось оставить практику, сосредоточившись на теории. Он надеялся, что однажды придёт то время, когда он не будет стеснён ни во времени, ни в средствах. А уж в свои способности он теперь верил безоговорочно.

Тем временем месяц весны умчался куда-то за хмурую гряду Келлийских островов, и на смену ему с юга пришёл импирий¹⁹. Однако пока ещё за пределами городских стен лежал снег, покрытый ледяной коркой, а в море всё ещё господствовали плавучие льды. Но весна уже чувствовалась повсюду, и даже здесь, на самом северном краю света, под боком ледяного Тайтана, она уверенно заявляла о своих правах.

Прошло всего две или три недели, и солнце растопило остатки снега. Несмотря на то, что с центральных улиц снег убирали, весенние ручьи всё равно бежали по мостовым, превращая булыжники в сверкающие слитки. На деревьях, кое-где растущих даже в Тавере, стали

¹⁹ Импирий – один из месяцев календаря Паэтты. Соответствует нашему апрелю. Назван так в честь древнейшей империи Содрейн, существовавшей ещё до Кидуанской империи.

появляться почки, которые в самое ближайшее время должны были лопнуть от усилий стремящихся наружу листочков. Плавающие льдины исчезли, и даже волны Серого моря выглядели теперь не такими серыми.

В самом скором времени должна была открыться навигация. Рыбацкие лодки уже давно бесстрашно уходили в беспокойное море, чтобы ловить отоцавшую за зиму рыбу, но пройдёт ещё неделя или две, прерывистые шквалы над Серым морем станут спокойнее и слабее, и тогда настанет черед торговых судов.

Каррис испытывал смешанные чувства. Ему нравилось в Тавере – он привык к этой вечной суете, к этому суровому морю, к прогулкам по книжным лавкам. Но какой-то зуд пробегал по его спине при мыслях о Кинае. То, что мессир рассказывал об этом городе, будоражило кровь. Юноше совершенно не хотелось застревать во вчерашнем дне. Нет, для него существует лишь завтра! И поэтому, как бы ему ни нравилось здесь, он с нетерпением ждал дня отъезда.

Временами Каррису казалось, что он – герой какой-то чудной сказки, на которую не достало бы фантазии не то что у его мамы, но и у старухи Кенги – признанной сказительницы деревни. Многие из того, о чём он недавно и мечтать не смел, происходило с ним с завидной регулярностью. И вот пришла пора очередного чуда.

В первый же день навигации Каладиус, которому земля Палатия, похоже, всё-таки припекала пятки, купил два места на одной из шхун, направляющихся в Кинай. И вот Каррис, которому судьба, казалось бы, уготовила участь всю свою жизнь прожить вдали от моря, ступил на покачивающуюся палубу. В этот момент его так распирало от счастья, что он, вполне возможно, мог бы идти по самому морю, не промолив ног.

Признаться, путешествие изрядно подпортила вечная качка, вызывавшая тошноту, а также порывы холодного ветра со стороны Тайтана. Однако Каррис и тут оказался счастливым – морская болезнь щадила его, и если один из трёх пассажиров, которые также путешествовали с ними, первые дни практически не отрывался от фальшборта, страдая от спазмов в желудке, то юноша смог слегка перекусить уже на следующий день. И хоть его почти сразу же вычистило за борт, однако вскоре желудок практически привык к болтанке.

Мессир Каладиусу пришлось чуть хуже, но и он в конце концов приноровился к качке. Через три-четыре дня оба уже блаженствовали на палубе, пригреваемые солнцем и любующиеся видами, открывающимися с борта корабля. Хотя, признаться, смотреть было особо не на что – мало на свете найдётся столь же унылых мест, как северо-западная оконечность Палатия. Но этот факт нимало не портил настроения обоим магам.

Путешествие оказалось довольно долгим – в это время года и Серое море, и северная часть Загадочного океана всё ещё ощущали на себе дыхание ушедшей зимы, поэтому ветры зачастую вели себя довольно непредсказуемо, а море почти всегда было беспокойным. Однако же прошло это путешествие безо всяких происшествий – судно не потревожили ни серьёзные штормы, ни келлийские драккары. Последних, впрочем, наши путешественники не особенно и опасались – наличие на борту двух неплохих магов служило достаточной гарантией безопасности.

Наконец, когда уже вовсю цвёл месяц арионна²⁰, такой ласковый в широтах Залива Дракона, шхуна, что несла на своём борту наших героев, бросила якорь в огромном порту Киная.

²⁰ Месяц арионн – последний месяц весны, соответствует нашему маю. Назван в честь бога Арионна.

Глава 9. Кинай

Путешественники словно привезли с собой в Залив Дракона погоду с берегов Серого моря. Когда они ступили на дощатые причалы Киная, те были мокрыми и скользкими не от солёных брызг волн, а от непрекращающегося сеющего дождика, затянувшего серой пеленой всё вокруг. Было прохладно даже по меркам привычных северян-шинтанцев, так что теряющийся в дымке дождя город выглядел совсем неуютным и негостеприимным. Даже лазурные обычно волны Загадочного океана сейчас были свинцовыми, словно родные сёстры волн Серого моря.

Несмотря на непогоду, в порту всегда без проблем можно было найти людей, готовых за мелкую монету оказать множество самых разных услуг. Каладиус лишь поднял руку, как вокруг него тут же возникло около полудюжины стучащих зубами, но готовых подработать парней. Наугад ткнув на трёх из них, маг знаком велел нести их багаж, который был бы не слишком обременительным, кабы не книги, которые, как главные сокровища, волок с собой Каррис.

Каладиус не желал изменять своим привычкам, но погода совершенно не располагала к поискам подходящего жилья, ведь ему был нужен не просто доходный дом, а особняк, в котором живёт одна семья, готовая сдать пару комнат. Поэтому он велел носильщикам вести их в лучшую портовую гостиницу. Кинайские портовые рабочие, ежедневно общаясь с представителями самых разных народов, были настоящими полиглотами, зная по десятку-два самых употребительных слов на любом языке мира, разве что исключая тондронский, если эти отродья вообще говорили на каком-то своём наречии.

Когда маги подошли к дверям гостиницы, их плащи уже намокли, а с широкополых шляп капала вода. Каладиус дал каждому из носильщиков по стегу²¹, благо что Кинай был одним из немногих городов Паэтты, где свободно обращались самые разные монеты. Услужливый дворецкий, ловко подхватив свой стег, гостеприимно распахнул двери, из которых пахло благословенным теплом и приятным запахом ароматического свечного воска.

Это действительно была одна из лучших, если не лучшая гостиница в районе порта, и кто-либо другой на месте Каладиуса с удовольствием бы оставил свои искания, удовлетворившись отличными номерами, предупредительными слугами и весьма приличным столом. Однако же привередливый маг договорился о посуточной оплате, хотя она обходилась ему втридорога в сравнении с оплатой на более продолжительный срок. Он собирался въехать в новое жилище не позднее чем на следующий день.

Конечно же, самому утруждаться поисками Каладиусу было ни к чему. Поговорив с хозяином гостиницы, который собственной репутацией дорожил больше, чем сиюминутной выгодой, он разузнал всё что нужно. Один из гостиничных слуг был отправлен по указанным адресам и вскоре вернулся, сообщив, что обоих мессиров с величайшей радостью ждут в одном весьма респектабельном особняке недалеко от площади Примирения, то есть почти в самом центре города. Однако оба мага порядком устали от путешествия и теперь, с радостью ощущая, что пол не ходит у них под ногами, наскоро поев, завалились спать.

Непогода продержалась ещё три дня, так что всё это время мессеры Каладиус и Каррис провели в своих новых фешенебельных комнатах, наслаждаясь покоем и всеми радостями, что казались ещё прекрасней после почти четырёхнедельного путешествия в скромных каютах.

Наконец выглянуло солнце и напомнило, что вообще-то лето уже не за горами. Сразу делалось жарко, ярко и весело. Каррис, которому не терпелось поглядеть на древний город, стоявший уже тогда, когда на месте Шинтана пучились комариные болота, тормошил Каладиуса, который будто нарочно весьма медленно поёдал великолепный завтрак. Впрочем, очевидно,

²¹ Стег – мелкая серебряная монета Палатия. Двести стегов образуют верент, а двести верентов – тоин.

что он делал это именно нарочно. Но в конце концов маг сжалился над изнывающим приятелем (ибо теперь они уже почти не походили на учителя и ученика) и отставил блюдо в сторону.

Хозяин особняка любезно предложил в качестве проводника одного из слуг, так что заблудиться волшебники не боялись. Выйдя на умытые, залитые солнцем улицы Киная, они тут же попали в невероятную толчею, будто бы все жители города, попрятавшиеся от холода и дождя, теперь дружно вывалили из домов, чтобы наверстать упущенные дела.

Каррис ощущал древность города каждой порой кожи. Смутные дни, уничтожив столицу империи Кидую, странным образом пощадили этот портовый город, так что здесь было множество зданий, простоявших целые эпохи. По этим самым мостовым ходили прославленные императоры древней империи, эти камни воочию видели людей, о которых юноша мог лишь прочесть в книгах.

И одно из первых прикосновений к истории ждало его буквально в паре сотен шагов от крыльца. Они вышли на площадь Примирения, и Каладиус, бегло окинув её взглядом, тут же целенаправленно направился туда, где, судя по всему, увидел то, что искал. Каррис поспешил следом и увидел, что учитель держит путь к величественному памятнику, изображающему человека, обвитого чёрными и белыми лентами.

Площадь Примирения была примечательна уже сама по себе – это было единственное место на всей Паэтте, где в пределах видимости друг друга стояли арионнитский и ассианский храмы, причём построены они были уже после Смутных дней. Но не это вызывало сюда паломничество сотен, если не тысяч людей.

С тех пор, как сорок два года назад тогдашний правитель Кидуйи Эйнин II объявил протокреаторианство официальной религией наравне с двумя ортодоксальными верами, на площади Примирения стоит этот памятник великому философу и богослову Ирвину Кинайскому – человеку, который был убит в этом самом месте в двенадцатый день месяца жаркого²² 698 года Руны Кветь, проповедуя единство Асса и Арионна.

Каррис, как и подавляющее большинство жителей глубокой провинции хоть в Палатие, хоть в Латионе, никогда не слышал о протокреаторианстве. Даже величайший путешественник Гунно, рассказывая о нравах жителей Паэтты, ни разу не упомянул об этой вере. Правда, тогда это действительно была ещё лишь небольшая секта, гонимая всеми, так что он, вполне возможно, мог и не знать о ней, либо же побоялся вставлять данные упоминания в свой труд.

Но даже сейчас, несмотря на то что почти полвека назад вера в Первосоздателя была официально признана в Кидуе, и не так уж намного отстали от герцогства Латион и Палатий, положение протокреаторианцев продолжало оставаться довольно шатким. Об их вере мало кто знал, а потому их повсюду встречали недоверчиво и даже враждебно, особенно вдали от больших городов. Потому так и вышло, что большинство последователей Ирвина Кинайского гнездились в Кинае, а также в городах подобных Латиону или Шинтану. Отдельно нужно выделить Варс – город на юго-западе Латиона, вокруг которого селилось много лирр. Там протокреаторианство процветало буйным цветом.

В общем, для Карриса существование ещё одной религии стало настоящим откровением. К сожалению, мессир сам почти ничего не знал ни о вере, ни об Ирвине, но это досадное недоразумение разрешилось довольно быстро в первой же крупной книжной лавке. Где как не в Кинае можно было ещё отыскать протокреаторианские книги! Каррис уплатил за них задаток, боясь, что кто-то может купить их, но сразу забирать не стал, дабы не обременять себя во время прогулки объёмными и тяжёлыми фолиантами.

Дальнейшая экскурсия по городу заняла большую часть дня. Кинай был настолько крупным городом, что Тавер, не говоря уж о Токкее, казались на его фоне жалкими деревушками. Конечно же, обойти его не вышло бы ни за день, ни за неделю. Один только порт напоминал

²² Жаркий – один из летних месяцев календаря Паэтты. Соответствует нашему июлю.

город в городе. Поэтому парочка магов смогла увидеть лишь самые основные достопримечательности, оставив дальнейшее знакомство на потом.

Но самое сильное впечатление, пожалуй, на Карриса оказали развалины древней Кидуи – столицы Кидуанской империи. Когда-то эти два города разделяло между собой расстояние более чем в милю, однако в последние десятилетия Кинай активно рос, и сейчас древние развалины начинались уже в пяти-шести сотнях ярдов от крепостных стен. Более того, по обилию посадов, активно расстраивающихся за пределами города, было ясно, что в скором времени новая столица небольшого герцогства полностью поглотит собой былую столицу огромной империи.

– Весьма поучительное зрелище, – произнёс Каладиус, разглядывая руины.

И действительно, этот вид навевал самые философские мысли. Когда-то здесь стоял один из величайших городов мира за всю его историю. Судьбы целых народов и государств решались здесь. Отсюда во все стороны ползли медные змеи имперских легионов, поглощая всё вокруг. Наверное, в те времена жителям города казалось, что так будет вечно...

А теперь... Каррис с невольной жалостью смотрел на раскинувшиеся перед ним осколки прошлого. Крепостных стен не было – их разрушили штурмующие армии во времена Смутных дней, а остатки растащили позднее строители Киная. Здания в большинстве своём тоже были сильно разрушены – чаще всего от них оставалось лишь что-то вроде фундамента, возвышающееся над землёй не больше чем на пять футов.

Стройность улиц уже нельзя было угадать в этом хаосе мёртвых камней. Скорее было похоже, что это прибрежные скалы, в беспорядке торчащие из колышущихся зелёных волн сорной травы. Ни одного целого здания, ни одной мостовой не уцелело здесь. Конечно же, дело тут было не только и не столько в пресловутом штурме Кидуи, когда армии многих народов, в первую очередь – предков нынешних палатийцев и жителей восточного Латиона в течение нескольких месяцев осаждали, а затем всё-таки взломали оборону города.

Разумеется, столица очень пострадала от этого штурма и от той разрухи, что устроили тут победители, но главным фактором всё же здесь стала близость Киная. Город, который оказался взят всего за одну ночь грандиозным объединённым флотом палатийцев и келлийцев, о котором до последнего дня в столице ничего не знали, практически не пострадал, но всё же ему требовались ресурсы для восстановления, и лежащая в руинах Кидуа оказалась отличным, практически неисчерпаемым источником камня. А поскольку значительная часть населения города была мертва, то в конце концов решили, что восстановление Кидуи в её прежнем виде – дело, изначально обречённое на неудачу. Так что смело можно сказать, что значительная часть каменных зданий, увиденных сегодня Каррисом, в том числе и великолепные городские стены – всё это было сделано из кидуанского камня.

Каладиус и Каррис постояли чуть поодаль от мёртвого города, так и не решившись войти и побродить по нему, как люди обычно не любят гулять на кладбищах. Наверняка эти останки прошлого вскоре исчезнут. Пройдёт лет сто, а может быть чуть меньше или больше, и последние каменные остовы растаут, превратившись в жилища для живых людей, а не для призраков ушедшего мира. А потом само это место будет поглощено распухающим Кинаем, демонстрируя извечное торжество жизни над смертью.

В таком вот задумчиво-меланхоличном настроении оба мага вернулись к себе. Каррис тут же засел за книгу об Ирвине Кинайском, купленную на обратном пути, благо есть совершенно не хотелось – они замечательно отобедали в одной из лучших рестораций города, где люди с тугими кошельками могли вкушать все лучшие дары, которые давали воды залива и океана, приготовленные настоящими артистами своего ремесла. Так закончился этот замечательный день.

Чем больше Каррис углублялся в чтение протокреаторианских книг, тем больше поражался простоте и ясности доводов Ирвина Кинайского. По его мнению, основные положения этого учения прямо вытекали из самой сущности Неведомого. Ведь, как учили общепринятые религии, Неведомый стал искрой движения в бесконечности Покоя, и именно таким образом породил Сферу Создания, вбирая в своё движение всё новые и новые участки вечного Покоя.

И тогда Ирвин задавал главный, и самый убийственный вопрос – *как же Неведомый мог после вновь раствориться в Покое, сам уже не будучи Покоем?* Соприкоснувшись с недвижимым, движение создаёт новое движение, так и Неназываемый, попытавшись раствориться в окружающем Покое, просто возбудил бы новые области движения, тем самым ещё больше расширив бы Сферу.

И вслед за этим пониманием новая мысль внезапно осенила юношу. Но ведь Сфера – сама по себе уже есть движение, а это значит, что, соприкасаясь с Покоем, она должна создавать новые эманации в нём, то есть словно расширяться ежемоментно. Значит, Сфера не может быть неподвижна в Покое, как учат богословы. А это значит, что ни о каких Запечатывающих Рунах речи не идёт!..

Каррис испуганно оглянулся, словно опасался, что его мысли будут услышаны. Это был, наверное, первый раз, когда могучий разум будущего великого мага Каладиуса шагнул за пределы дозволенного. Наверняка он был не первым, кому в голову пришла эта идея, но даже Ирвин Кинайский не заходил так далеко в своих рассуждениях, по крайней мере, не публично. И юноша, которому исполнилось лишь семнадцать, постарался затолкать эту нечаянно возникшую мысль обратно в голову, в самые дальние и потаённые уголки сознания, пока она не довела его до того же логичного финала, что и великого философа.

Однако же, он не мог не признать, что учение Ирвина очень живо откликнулось в его душе. Он понятия не имел, какого вероисповедания придерживается его учитель – до недавнего времени у него и вопроса такого возникнуть не могло. Но сам Каррис внезапно понял, что теперь и он является одним из тех немногих, кто называют себя протокреаторианцами.

Теперь каждый день, встречаясь с мессиром, он только и говорил, что об Ирвине Кинайском и его учении. Всё это так потрясло юношу, так запало ему в душу, что он не мог говорить больше ни о чём. Каладиус даже полушутя-полусерьёзно поинтересовался, не решил ли мессир Каррис удариться в священство. Но всё же он вполне охотно вступал в эти разговоры, словно чувствуя, что и его разуму необходима разминка.

– Но почему протокреаторианство подвергается таким гонениям? – недоумевал Каррис. – Ведь оно, по сути, не противоречит ничему из того, что говорят арионниты и ассианцы, лишь дополняя их учения и делая более целостными.

– Наивный юноша, – усмехнулся Каладиус. – Да кому какое дело до учений и целостности? Разве ты не понимаешь, что здесь вопрос лежит совсем не в плоскости веры. Испокон веков существовали две могущественные организации, худо-бедно поделившие между собой сферы влияния. Кому же захочется впустить на свою поляну ещё одного собирателя ягод?

– Но, мне кажется, если люди больше узнают об учении Ирвина...

– Ничего не изменится, друг мой, – перебил ученика Каладиус. – Люди своим умишкой с горошину с трудом понимают концепцию двоебожия, а ты хочешь обременить их новыми знаниями о некоем триединстве. Как постичь такое дремучему разуму? Да любому селянину проще в выходной сходить в арионнитскую часовенку и запалить лампадку во исполнение молитв, нежели пытаться вдолбить всю эту заумь в голову, подходящую лишь для ношения шапки.

– Но ведь учение о Первосоздателе ничем не сложнее учения о Неведомом, – не сдавался юноша. – Достаточно жизни одного-двух поколений, и протокреаторианство станет господствующей религией.

– Молоденькое деревце никогда не вырастет в тени двух огромных деревьев. Оно так и останется чахлым и небольшим. А уж если ветви великанов источают яд, каплями отравляю-

щий почву под ними, то у молодого деревца и вовсе нет шансов. Помяни моё слово, мессир Каррис, на нашем с тобой веку протокреаторианство так и не станет господствующей религией, или хотя бы даже просто равной двум другим. Даже если ты проживёшь тысячу лет.

– Я постараюсь сделать всё возможное, чтобы ваше предсказание не сбылось! – с чисто юношеским пылом воскликнул Каррис.

– Старайся, – пожал плечами Каладиус. – Только сделай одолжение, не кончи так же, как этот Ирвин.

И Каррис против воли закусил губу, понимая, что в данной ситуации цинизм мессира позволяет видеть мир в куда более реальном свете, чем его юношеский максимализм. Это был ценный урок, который весьма пригодится ему в дальнейшем.

Так прошло некоторое время. Каррис наслаждался своей жизнью, ему казалось, что он был изначально создан именно для неё, и что боги (или бог) весьма вовремя исправили свою ошибку, послав ему мессира. Страшно представить, что было бы, если бы он так и остался в деревне, особенно теперь, когда умерла мама!

Каррис следовал порядкам, заведённым ещё в Тавере. Он с удовольствием гулял по летнему Кинаю, хотя на его вкус тут было всё же излишне жарковато. Вскоре у него появились любимые местечки, любимые лавки (естественно, главным образом – книжные), любимые таверны. Особенно он обожал наблюдать за жизнью порта, взбираясь на городскую стену и с высоты обозревая бесконечные причалы с великим множеством судов, которые казались чайками, облепившими утёсы. Эта деловитая суэта странным образом очищала его мысли, делала их более упорядоченными и стройными.

Довольно часто его в прогулках сопровождал мессир, хотя в целом он вдруг сделался настоящим домоседом – вероятно, уроки прошлого не прошли даром. И Карриса это обстоятельство не могло не радовать. Более того, у Каладиуса, который, как казалось юноше, любил поучать, но не слишком-то стремился учиться сам, внезапно появился интерес к тем книгам, что покупал Каррис.

Наверное, тут следует сделать небольшое пояснение. Мы говорим «покупал Каррис», хотя совершенно очевидно, что молодой человек пользовался исключительно средствами своего учителя. Однако делал он это без малейшего зазрения совести, полагая, что творец ответственен за своё творение, а потому мессир должен обеспечивать его, коль уж он пока не может обеспечить себя сам. Кроме того, ведь основная часть этих расходов уходила на книги, то есть на помощь Каладиусу в обучении своего воспитанника.

О том, сколько будет продолжаться такое положение дел, Каррис, признаться, пока даже не задумывался. Ясно, что рано или поздно он должен будет отправиться в самостоятельный путь, но с истинно простонародным прагматизмом пытался выжать максимум из сложившейся ситуации.

Однако с недавнего времени мессир вновь стал вести себя довольно подозрительно. Он реже предлагал Каррису прогуляться, реже навещал его, да и вообще стал всё чаще куда-то отлучаться, что не могло не настораживать. К сожалению, Каррис был не в том положении, чтобы потребовать объяснений от своего учителя, а на все расспросы издали Каладиус отвечал лишь какими-то размытыми фразами и загадочным видом, который он на себя напускал.

Каррис склонен был ожидать худшего. Единственное, что давало пока ещё смутную надежду на то, что мессир не пустился вновь во все тяжкие, это то, что отсутствовал он обычно днём, иногда даже утром, и совсем никогда – ночью. Такой график был абсолютно нетипичен для его прежних проделок, так что какое-то время юноша утешал себя, что у исчезновений Каладиуса есть какая-то иная причина. Ему ужасно не хотелось в одну из ночей вновь бежать из города, опасаясь преследования за очередную дуэль или альковные похождения своего спут-

ника. Кроме того, такими темпами в мире вскоре могли бы кончиться города, где мессир ещё не успел отличиться.

Каладиус продержал воспитанника в неведении около двух недель, а затем сам начал разговор.

– Полагаю, моё поведение в последнее время могло показаться тебе странным, не так ли? – утром Каладиус появился на пороге комнаты Карриса с подносом в руках, на котором был его завтрак.

– Неужели вы решили поговорить об этом, мессир? – едко и с лёгкой обидой поинтересовался юноша, который также уплетал принесённые ему прислужгой яства.

Тем не менее, он подвинул свои тарелки, освобождая место для мессира. Тот, довольно улыбнувшись, тут же расположился рядом и с удовольствием принялся за еду.

– Я не хотел ничего говорить до тех пор, пока сам до конца не буду уверен в успехе, – объявил он. – Не хотелось бы, знаешь ли, прослыть пустозвоном. Но теперь, когда всё идёт как нужно, я хочу посвятить тебя в свои планы, коль скоро они касаются также и тебя.

– Надеюсь, эти планы не вынудят нас вновь сбегать из Киная? – проворчал Каррис.

– Для начала, мы ещё никогда не сбегали из Киная, – наставительно поднял палец Каладиус. – Учись излагать мысли правильно, мессир Каррис! Это одно из отличий человека великого от обычных посредственностей. А во-вторых – да, нам придётся на какое-то время выбраться из города. Более того, мы совершим морское путешествие, а может статься, что и не одно.

Глава 10. Метаморфозы

– Я решил, что пришла пора для нас превратиться из скрывающихся безвестных личностей в уважаемых членов общества, – начал Каладиус. – Я хочу, чтобы ко мне обращались согласно моему статусу, пусть и выдуманному мною же. Коль уж я ношу имя, заканчивающееся на «ус», мне нужны все доказательства того, что я имею на это право!

– Не понимаю, к чему вы клоните? Вы хотите подделать бумаги Академии?

– Это было бы слишком грубо и опасно. Сообщество магов слишком ревностно относится к подобным мелочам, и вздумай я предъявить фальшивый диплом – мне придётся довольно солоно. Мой план сложнее, дольше, но безопаснее. Это столь изящная и неожиданная многоходовка, что в итоге, я надеюсь, никому не придёт в голову слишком глубоко копать.

– Надеюсь, что ради этого не придётся нарушать закон... – проворчал Каррис, внутри которого шевелился неприятный комок дурных предчувствий.

– Разумеется придётся! Выдавать себя за члена Академии – уже нарушение закона. Но если ты говоришь о каких-то более скользких делишках, то спешу тебя успокоить: убивать никого не придётся.

– Что ж, не томите больше, мессир, – взмолился Каррис. – Что же это за план?

– Знаешь ли ты, что судовладельцы в Кинае иногда нанимают магов для охраны судов? Кстати, это довольно неплохой способ подзаработать и набраться опыта, если, конечно, тебя не мучит морская болезнь. Ну а мы с тобой, мессир Каррис, весьма сносно переносим качку, не так ли?

– К чему вы клоните? – недоуменно спросил юноша. – Вы хотите, чтобы мы устроились на судно?

– Именно! Но не просто так, в частном порядке, а официально, через портовый комиссариат.

– Я ровным счётом ничего не понимаю... Как это поможет вам получить диплом Академии?

– Никак. Но это поможет значительно приблизиться к этой вожеленной бумаге! И тебе, мессир Каррис, также отведена пусть небольшая, но роль в моём плане. Так что слушай внимательно, и постарайся понять всё, что я скажу.

Портовый комиссар непонимающе глядел на двух магов, заявившихся в его унылую конторку. Тот, что моложе, скромно, но с достоинством стоял у входа; тот же, что старше, недолго думая, фамильярно плюхнулся на скрипучий стул. Надо сказать, что, едва сев, Каладиус тут же пожалел об этом – наверное, сидеть на шатающейся от ветра ветке было бы и то удобнее – однако же не встал, дабы не портить эффект.

– Ещё раз повторите, милорд, что вам угодно? – переспросил он.

– Пожалуйста, обращайтесь ко мне «мессир», – с вполне явно обозначенной строгостью в голосе ответил Каладиус. – А угодно мне и моему ученику устроиться на какое-нибудь судно.

– Но при чём здесь комиссариат? – недоуменно спросил клерк. – Вам было бы проще напрямую обратиться к судовладельцам...

– Всё это так, любезный, – перебил его маг. – Но видите ли, какая штука... Так уж вышло, что наши документы утрачены, включая и мой диплом Латионской Академии Высоких Наук. Согласитесь, не всякий судовладелец станет говорить с какими-то проходимцами.

– Но я всё же не совсем понимаю, чем я могу быть полезен вам, мессир? – комиссар, судя по всему, опешил от подобной развязности.

Вообще портовые комиссары Киная не привыкли говорить с подобных позиций. Обычно это они использовали подобный высокомерно-снисходительный тон, именно они глядели сверху вниз, ведь чаще всего им приходилось иметь дело с капитанами судов и контрабандистами, которые чаще всего были суть одно и то же. Всем было что скрывать, поэтому каждый из них более или менее заискивал перед комиссарами, олицетворяющими власть здесь, в порту. Но этот маг вёл себя как большой вельможа, как человек, которому дозволено почти всё – он вёл себя как человек, снизошедший до разговора, как человек, делающий одолжение одним своим обращением.

– Вы, любезный комиссар... простите, как вас по имени?.. Так вот, вы, любезный комиссар Дерне, можете быть весьма полезны мне, коли потрудитесь подтвердить наши личности.

– Но я впервые имею честь видеть вас, мессир... – комиссар окончательно потерялся, всё более становясь похожим на рыбу, выброшенную на сушу. – Каким образом я могу подтвердить ваши личности?

– Разумеется, благодаря свидетелям, коих я предоставлю, – Каладиус даже пожал плечами, словно давая понять, как сильно он удивлён и даже расстроен тупостью чиновника.

– Но я не совсем уверен, что это входит в число моих компетенций...

– А в чьи же ещё! Вы – комиссар порта, и обязаны разрешать все вопросы, связанные с его функционированием. Я обратился к вам, поскольку испытываю затруднения с трудоустройством в вашем, прошу это отметить, порту. Так к кому же мне ещё обращаться?

– Вы могли бы обратиться в магистрат... – возразил клерк. – Мне думается, что это скорее находится в их компетенции.

– Любезный комиссар... простите, запомнил ваше имя... Я же не просто так ввалился сюда с какими-то невообразимыми требованиями. Я вам логически обосновал, почему я пришёл именно к вам. Кроме того, я ведь явился не с пустыми руками! Я знаю порядок!

И на стол комиссара опустился достаточно внушительный мешочек, глухо звякнувший при соприкосновении со столешницей. Чиновник, воровато стрельнув глазами по сторонам, мгновенно убрал кошелек в ящик стола. Вероятно, это было уже на уровне рефлекса, и в следующий момент мастер Дерне горько пожалел о своей неконтролируемой жадности, но дело было уже сделано – не вынимать же кошелек обратно! Теперь он был на крючке у этого заносчивого мага.

– Что же вы хотите? – окончательно поникнув, спросил комиссар.

– Напишите подтверждение наших личностей, – терпеливо повторил Каладиус. – Бумагу, из которой будет явно следовать, что мы – это мы. Укажите, что эту бумагу вы пишете взамен утраченных нами документов.

– И каковы же обстоятельства утраты? – уныло поинтересовался чиновник.

– Прошлой осенью мы с мессиром Каррисом служили на судне «Тригорон». Нас наняли в таверском порту для сопровождения указанного судна в Золотой Шатёр. Однако в районе залива Алиенти мы попали в сильный шторм, в результате которого в трюме открылась течь. Пока мы с мессиром Каррисом сдерживали воду, капитан пытался править судно к берегу, но ветер был противным, так что в конце концов мы выбились из сил, а корабль всё же затонул. Большая часть экипажа спаслась, но мы в суматохе не озаботились спасти наши документы, так что они ушли на дно вместе с «Тригороном» и теперь, должно быть, их с превеликим интересом читают тритоны...

– Почему бы вам не обратиться к владельцу судна за подтверждением личности?

– Его владелец, а точнее – бывший владелец находится в Найре. Мы бы и рады туда попасть, но чтобы это сделать, нам нужны документы.

– И вы говорите, что у вас есть свидетели? – вздохнув, спросил комиссар.

– Да, матрос с нашего корабля. Мы оставили его снаружи, потому что, сказать по правде, от него несёт как от козла. Мессир Каррис, пригласите его.

В кабинет, комкая в руках засаленную матросскую шапку, вошёл парень средних лет. Пахло от него и впрямь так, что воздух вскоре сделался едким и плотным, словно смола. Это был типичный завсегдатай самых гнуснейших портовых кабачков, из тех, кто вечно пьёт в кредит и спит прямо под лавкой. Каррис, отвернув лицо, деликатно прикрыл его кулаком, словно потирая нос, Каладиус достал из кармана надушенный платок, который приложил к лицу, комиссар же лишь брезгливо скривился.

– Так ты, приятель, действительно матрос с «Тригорона»?

– Точно так, сударь, – робко ответил моряк, весьма робея в присутствии портового комиссара.

– И твой корабль затонул? – голос клерка становился всё более сдавленным из-за спёртого воздуха.

– Как есть, затонул.

– Судя по запаху, ты затонул вместе с ним и всю зиму гнил на дне морском! – не справился наконец с раздражением комиссар.

Кроме того, чиновник, чья гордость была заметно попорчена не в меру вальяжным посетителем, наконец-то несколько воспрял духом, встретив кого-то, с кем он мог говорить свысока. Так что голос его всё больше наливался металлом, что было довольно сложно при такой нехватке свежего воздуха.

– Можешь ли ты подтвердить, что действительно был матросом с «Тригорона»?

– Извольте, сударь, – моряк залез рукой под кушак, немного повозился там и извлёк замызганный истёртый листок бумаги, который осторожно положил на стол.

Комиссар брезгливо развернул листок, который, судя по виду, также всю зиму пролежал на дне океана, и взгляделся в полурасплывшиеся записи.

– Да, всё верно, – нехотя подтвердил он. – Но если документы этого забулдыги при нём, как так получилось, что вы лишились своих? – со вновь закравшимся подозрением спросил чиновник.

– Матросы не берут документы на борт. Они хранятся у хозяина судна, либо же, как в данном случае, в комиссариате вашего порта, ибо этот малый нанимался на судно именно здесь. Это обычная практика, и я думал, что вам это известно, любезный, – процедил из-под своего платка Каладиус.

Комиссар вспыхнул. Это действительно была обычная практика, и он хорошо о ней знал. Всё происходящее выбивало его из колеи – этот валяющий с ног запах, эта почти неприкрытая наглость проклятого чародея...

– Ты подтверждаешь личность этих господ, лишенец? – окончательно теряя хладнокровие, раздражённо спросил он потупившегося моряка.

– Точно так, сударь, – охотно кивнул матрос. – Это – мессеры с нашего несчастного «Тригорона». Кабы не они – кормить бы нам всем рыб.

– И ты можешь подтвердить их имена?

– Что вы, сударь! Разве ж простому матросу докладывают имена мессиров? – махнул рукой моряк.

– Что ж, всё понятно. Забирай свою писульку и ступай отсюда, пока я не отравился твоим зловонием! Да не затворяй дверь! – рявкнул комиссар, когда матрос уже вышел из кабинета.

– Не открыть ли окно? – с насмешливым участием поинтересовался Каладиус, когда матрос вышел, оставив дверь открытой.

– Я бы рад, да рамы заколочены, – с досадой ответил комиссар. – Ничего, скоро в коридор вытянет. Что ж, мы подтвердили тот факт, что вы действительно были на «Тригороне», но это, к сожалению, не подтверждает ваших имён. Простите, мессеры, – спохватился он, по гневному движению Каладиуса понявший, что подобрал неверный тон и неверные слова. –

Клянусь, я нисколько не сомневаюсь в правдивости ваших слов, но я – простой чиновник. Для меня существуют не люди, а лишь бумаги.

– Как вам, должно быть, печально жить, – скривился под платком Каладиус. – Что ж, у нас нет бумаг, которые способны подтвердить наши имена, иначе нас бы тут не было. Но у нас есть человек, который способен подтвердить правоту моих слов.

– Он может подтвердить, что вы – это вы? – переспросил клерк. – Отчего же вы не привели сюда его вместо этого забулдыги?

– Поверьте, любезный, есть люди, которых можно приводить в кабинет комиссара порта, и есть те, которых нельзя.

– Это высокопоставленный человек? – комиссар почувствовал, что история заходит на очередной круг, и ему вновь стало тоскливо.

– О, прошло уже много лет с тех пор, как его называли просто высокопоставленным человеком, – снисходительно усмехнулся Каладиус. – Я надеюсь, вы что-то слышали о мессире Трокариусе?

– Помощник дюка²³ Эйнина?.. – внезапно вспотел чиновник.

– И по совместительству мой однокашник, – мило улыбнулся Каладиус, убирая наконец платок от лица. – Точнее, он учился на два курса старше, но это не мешало нам быть добрыми друзьями.

– Но почему же вы сразу не обратились к мессире Трокариусу, вместо того чтобы идти ко мне? – недоуменно спросил комиссар. – Он ведь выправил бы вам любые бумаги.

– Как вы думаете, милейший комиссар, были ли у меня причины не обращаться к мессире Трокариусу, коль я этого не сделал? – пристально взглянув в бегающие глазки клерка, многозначительно произнёс Каладиус.

– Полагаю, что были, мессир... – пролепетал комиссар. – Но при всём моём уважении – как же мы получим подтверждение от вашего однокашника?

– Что ж, мне надоело ваше неверие, сударь, – вставая, надменно проговорил маг. – Вы требуете, – он намеренно надавил на слово «требуете», так что чиновник невольно побледнел. – Вы требуете, чтобы я предоставил вам доказательства. Признаюсь, я ожидал подобного развития событий. Отправьте запрос на имя мессира Трокариуса. Вот, я даже потрудился составить письмо, где напоминаю о себе – ведь прошло столько времени, и за всеми важными государственными делами он мог и позабыть обо мне. Сделайте милость, прочтите его, а затем отошлите мессире и будем ждать ответа. Читайте же вслух! – приказал он, всучив бумагу в мелко дрожащие руки комиссара.

– Приветствую вас, мессир, – начал читать несчастный. – Понимая, что со славных лет, проведённых в нашей Академии, утекло немало времени, сперва коротко напомню вам, кто я. Поройтесь в своей памяти, и вы наверняка вспомните скромного малого по имени Каллад, с которым вы не раз весело проводили вечера в доброй памяти трактирчике...

Тут комиссар словно подавился словами и, испуганно стрельнув глазами на обоих магов, пробежал ещё пару строчек глазами, а затем быстро протянул письмо Каладиусу.

– Отправьте это письмо адресату и, ручаюсь, этим же вечером вы получите ответ, – полным достоинства тоном проговорил маг, не делая ни движения, чтобы забрать лист.

Хитрый мошенник рассчитал всё очень чётко. Всё, что происходило в этом кабинете, было хорошо спланировано. Зная, каковы обычно бывают комиссары кинайского порта, Каладиус сразу же начал мощную психологическую атаку. В этом была доля риска – попадись ему кто-то иной, он мог просто выставить нахалов за дверь. Но пройдоха, похоже, хорошо знал,

²³ Дюк – титул правителей Кидуи. Равноценен титулу князя, так что за пределами княжества в отношении дюков чаще всего используют именно это, более привычное слово. Кстати, здесь комиссар упоминает, естественно, не дюка Эйнина II Корского, признавшего протокреаторианство, а его внука Эйнина IV.

к кому следует обратиться. Немалую роль сыграл и кошелек, значительно сбив спесь и гонор с чиновника.

Комиссар, совершенно не привыкший к такому напору, совсем опешил, потеряв способность здраво рассуждать. Именно сейчас Каладиус подошёл к самому тонкому месту в своём плане. Господину Дерне достаточно было бы потребовать, чтобы настырный маг сам принёс ему подписанное и заверенное соответствующим образом письмо, чтобы всё рухнуло. Но ошарашенному высокомерностью волшебника и вонью матроса клерку это не пришло в голову. Он был ослеплён именем того, кому адресовалось послание, а также, судя по всему, немало смущён тем, что успел прочесть, поэтому воспринял требование мага как должное. Каладиус мог праздновать победу – его план вполне удался, и комиссар был полностью в его власти.

– Полагаю, не стоит беспокоить столь важного человека из-за такой безделицы, – хрипло пробормотал несчастный канцелярист. – Извольте, я выпишу вам необходимое удостоверение.

И комиссар действительно вынул из ящика стола два гербовых бланка и, взяв хорошее перо, откинул крышку чернильницы.

– Пишите, – Каладиус склонился над столом, нависая над чиновником, словно туча. – Удостоверение. О, да у вас великолепнейший почерк, милейший. Пожалуй, лишь мессир Каррис смог бы переплюнуть вас по части этого искусства! Итак, удостоверение. Сей бумагою подтверждается, что мессир Каладиус, рождённый в девятьсот первом году руны Кветь, действительно служил на торговом судне «Тригорон» и в результате кораблекрушения утратил все документы, подтверждающие его личность. Что ж, теперь этот образец искусства каллиграфии осталось лишь увенчать вашей подписью, ручаюсь, столь же великолепной, а также установить дату. Прекрасно! Припишите, пожалуй, и расшифровку: комиссар кинайского порта... клянусь, проклятая память совсем меня подводит! Впишите своё имя сами, ведь вы же его не забыли! Ну а теперь, прошу, не пожалейте того великолепного зелёного сургуча, который известен на всю Паэтту!

Комиссар достал сургучницу, в которой действительно находился зелёный сургуч, используемый всеми комиссарами Киная, и который, как говорят, практически нельзя подделывать. Сургуч был уже растоплен, так что чиновник зачерпнул его специальным черпачком, аккуратно вылил на лист и припечатал металлическим штампом, хранящимся в ящике стола. Великолепные чернила к тому времени высохли и безо всякого песка.

– А теперь потрудитесь написать второе удостоверение для моего ученика.

Комиссар покорно выполнил и это. На сей раз Каладиус не погрешил против истины, указав верный возраст Карриса. Впрочем, мы уже стали забывать, что само имя нашего героя было вымышленным, так что непогрешимость против истины была довольно-таки условной.

– Как видите, мы не попросили у вас ничего, что могло бы идти вразрез с вашей совестью, любезный комиссар, – почти промурлыкал Каладиус, бережно складывая оба листка пополам. – Поверьте, вам никогда не придётся упрекать себя за то, что вы помогли двум честным людям восстановить свои имена. Ну а теперь мы оставим вас и позволим дальше заниматься вашей нелёгкой деятельностью.

Изящно поклонившись, оба мага вышли, прикрыв за собой дверь, и тогда лишь комиссар Дерне позволил себе облегчённо выдохнуть. Затем же он, не забыв запереть дверь, вынул из ящика вожделенный мешочек и с удовольствием пересчитал содержащиеся в нём серебряные веренты²⁴.

²⁴ Верент – серебряная монета Палатия. Двести верентов образуют один тоин. В свою очередь, верент состоит из двухсот стегов.

– Ну что, мессир Каррис, вот мы и стали с тобой вполне легальными магами с государственными бумагами! – весело произнёс Каладиус, хлопнув себя по внутреннему карману, где лежали сложенные документы.

Каррис лишь сейчас позволил себе расслабиться и выдохнуть. Несмотря на внешнее спокойствие, внутри он трепетал и скрежетал зубами всё то время, пока они находились в кабине комиссара. Почему-то он был убеждён, что план мессира будет раскрыт на раз, так же, как и его накладная борода и седовласый парик. Да, ранее мы не упомянули эту деталь, однако теперь стоит отметить, что Каладиус, которому необходимо было сойти за почти семидесятилетнего старика, прибёг к нехитрому гриму.

Читатель может спросить – для чего ему это понадобилось? Ответ очевиден – Каладиусу было нужно найти «свидетеля» достаточно влиятельного, чтобы одно его имя припечатывало к стулу даже наиболее заносчивых чиновников. И так уж вышло, что наиболее подходящей для этого кандидатуре было уже как раз слегка за семьдесят. Так наш аферист ещё и приписал себе лишний возраст, из тридцатипятилетнего став семидесятилетним.

Когда Каррис обеспокоился о том, что теперь мессире всегда придётся ходить с накладной бородой, тот лишь насмешливо отмахнулся в ответ:

– Неужели ты полагаешь, что на корабле кто-то осмелится спрашивать магов о возрасте, или ставить под сомнение хоть один факт их биографии? Да даже если я явлюсь с рыбьим хвостом, приклеенным к заднице, уверен, что все они старательно будут делать вид, будто верят, что я – морской царь!

В целом всё сложилось даже более удачно – в мире магии возраст и опыт играют немаловажную роль, и в этом смысле семьдесят были куда лучше, чем тридцать пять.

Теперь, когда всё столь благополучно разрешилось, можно рассказать весь план Каладиуса. Очевидно, что отсутствия мессира, столь тревожащие Карриса, объяснялись именно подготовкой к столь изящно проведённой операции.

Каладиус действительно мыкался по кабакам, но делал это не с целью покутить. Он отыскивал матроса, спасшегося с тонущего корабля. В порту всегда можно отыскать таких, так что это было не проблемой. Важно было, чтобы затонувший корабль был приписан не к Кинаю, и чтобы затонул он, по возможности, не так давно.

Наконец его поиски увенчались успехом. В одном из портовых кабачков он отыскал нужного человека. Всего нескольких слов, подкреплённых звоном россыпи серебряных монет, хватило, чтобы малый уловил всё, что от него требуется. Он подробно рассказал о кораблекрушении, назвав поимённо всех, кто выбрался на берег и о том, куда они подались дальше. Затем он молча слушал, как ловко Каладиус встраивал в его историю ещё два действующих лица.

Надо сказать, Каладиусу достался настоящий самородок. Он схватывал всё буквально на лету, а в конце концов и сам стал подсказывать магу какие-то подробности, делавшие историю ещё более правдоподобной. Затем он повторил её дважды, пока, по его собственному выражению, сам не поверил в свой рассказ так, что теперь видел всё это будто наяву.

По особой просьбе богатого нанимателя матрос пообещал, что ко дню, когда он потребуется, от него будет вонять хуже, чем из выгребной ямы. Как мы знаем, он выполнил это весьма точно. Если о чём и сожалел достойный малый впоследствии, так это о том, что его история так и не пригодилась, но можно быть уверенным, что если бы комиссар потребовал, он рассказал бы её без запинки.

Одновременно с поисками матроса Каладиус занимался главными поисками свидетеля-мага. Выбор на мессира Трокариуса пал практически сразу же, причём талантливого авантюриста, как мы уже говорили, несколько не смутил его возраст, а даже скорее наоборот.

Для сбора нужной информации о столь влиятельном человеке пришлось подключить особые ресурсы. Лишь в одном источнике он мог получить исчерпывающую информацию, помноженную на полнейшую конфиденциальность. Каладиус обратился в Гильдию Теней. Это сто-

ило очень дорого, зато уже через несколько дней маг знал всё, что ему нужно – от года, когда Трокариус закончил Академию, до списка всех его однокурсников, который, правда, состоял всего из шести имён.

Это было ещё одно слабое место плана – ежегодно Академия выпускала совсем немного своих воспитанников, так что выпускники её часто могли назвать по памяти всех, кто учился с ними в одно и то же время, даже на разных курсах. Но Каладиус справедливо полагал, что такие тонкости вряд ли будут известны портовому чиновнику, а решать проблемы он предпочитал по мере их возникновения.

Понятно, что те писульки, которые он выторговал у комиссара, не имели особой силы. Он не мог явиться с ними в тот же Коллегиум и затребовать себе диплом мага. Это было почти ничто, но даже такая ничтожная малость в руках умного человека могла принести плоды, подобно тому, как даже перочинный ножик в руках мастера может принести смерть. Во всяком случае, эти бумаги были абсолютно подлинными, и в этом было их несомненное преимущество. Конечно, кто-то менее умный, чем наш аферист, мог бы приобрести поддельные дипломы, но, скорее всего, он погорел бы на этом довольно быстро.

Так или иначе, но теперь наш старый знакомый Олни Стайк окончательно превратился в мессира Карриса, а непутёвый гуляка Клайдий Сарамага и вовсе сделался мессиром Каладиусом, выпускником Латинской Академии Высоких Наук. И, что самое важное, метаморфозу эту официально признало герцогство Кидуа, а значит и весь мир, за исключением, разве что, самой Академии, некоторой части Шинтана, а также безвестной деревушки на юге Палатия.

Глава 11. На службе

– Что ж, мессир Каррис, теперь нам только лишь и нужно, что найти себе корабль пожирнее, да отправиться путешествовать за счёт нанимателя, да ещё и получать за это жалование! – весело произнёс Каладиус.

– Но для чего нам это нужно? – уныло поинтересовался Каррис. – Бумаги ведь уже у нас.

Надо сказать, что юноша был явно не в восторге от предстоящего плавания. Помнится, мессир обещал, что, попав в Кинай, они словно заглянут в завтрашний день, но пока ничего подобного не было и в помине. В своих наивных мечтаниях Каррис представлял, что, едва он окажется в столице Кидуи, как его тут же обступят самые разномастные маги, буквально борющиеся за право обучать столь талантливого ученика. Он видел в своих грёзах, как всего через несколько лет он превзойдёт своих учителей, объединяя в себе те знания, что разрозненно хранились в головах каждого из них.

В общем, Каррис ехал в Кинай учиться. Хотя, говоря откровенно, учёба была для него лишь средством, а не целью. Словно предчувствуя свою судьбу, юноша мечтал постичь все знания, доступные людям (а если получится – то и знания лирр и гномов), чтобы стать воистину великим магом, таким, чьё имя громом разнесётся над всем миром, заставляя трепетать от ужаса одних, и от благоговения других.

И вот теперь оказывалось, что им снова нужно куда-то срываться из этого города, который, как мы знаем, уже успел полюбить честолобивому ученику мага.

– Эти бумаги стоят не больше, чем лопухи в придорожной канаве, – презрительно фыркнул Каладиус. – Они – лишь первый шаг в моём плане, необходимый, но недостаточный. От них так же далеко до диплома Академии, как от твоей жалкой деревушки досюда. Теперь, благодаря этим удостоверениям, мы сможем, я надеюсь, устроиться на какой-нибудь корабль. И вот тогда нас зарегистрируют уже как мессира Каладиуса и мессира Карриса. Не как двух странных типов, утверждающих, что они – мессир Каладиус и мессир Каррис, прошу заметить!

– То есть нам выдадут какие-то новые удостоверения?

– Нас регистрируют в бортовом журнале, в журнале судовладельца, в куче других бумажек. И нигде не будет формулировки «люди, называющие себя такими-то». Везде будет чётко написано, что мы – это мы. И, прошу заметить, это снова будут вполне подлинные документы, на которые уже можно будет худо-бедно сослаться в случае чего. Ты вот хочешь поскорее влиться в сообщество местных магов. А как, позвошь спросить, ты намерен это сделать? Прийти к ним с бумажкой от портового комиссара?

Каррис, не зная, что сказать, лишь угрюмо пожал плечами.

– Не грусти, мессир Каррис! Рано или поздно все твои мечты сбудутся! То, что мы делаем сейчас – это задел на будущее. Всё нужно сделать добротнo, чтобы даже спустя десятилетия, когда ты будешь совсем этого не ожидать, тебя в спину не ударил такой вот «привет из прошлого».

– И сколько же нам придётся ожидать?

– Трудно сказать. Будем ждать подходящего случая, – пожал плечами Каладиус.

– Так мы будем просто уповать на удачу? – горько ухмыльнулся Каррис.

– Уповать на удачу тоже можно по-разному, парень, – строго возразил маг. – Один может всю жизнь просидеть на берегу реки, надеясь, что однажды ему прямо в руки из воды выскочит жирная рыба. А другой растянет сеть на всю ширину реки, а затем уж будет надеяться, что счастливый случай загонит туда добычу. Поверь, мы сделали всё, что пока можно сделать в нашем положении. Мы растянули свою сеть. Не волнуйся, мессир Каррис – если в этой реке есть хоть одна рыбёшка, рано или поздно она попадётся!

Каррису оставалось лишь тяжело вздохнуть и согласно кивнуть, признавая правоту учителя.

– Кроме того, никто не помешает тебе проводить время с толком, – смягчаясь, добавил Каладиус. – Во время плаванья тебе всё равно нечем будет заняться, так что сможешь начитаться всласть! Набери с собой столько книг, сколько сочтёшь нужным! Опять же – никогда не знаешь, где сможешь что-то обрести. Уверен, что и из наших путешествий ты сможешь извлечь для себя пользу!

Последний аргумент действительно заметно улучшил настроение Карриса. К чему хандрить – впереди у него ещё целая жизнь! Мессир прав – сейчас нужно заложить прочный фундамент для своей цитадели; настолько прочный, чтобы ни стихия, ни рок, ни чья-то злая воля не смогли пошатнуть благополучие его будущей судьбы.

– Вставай, пастух, пропел петух! – Каладиус так и не научился стучаться в дверь ученика, прежде чем войти.

Каррис хотел бы проворчать, что он давно уж не пастух, а петухи пропели уже часа три назад, и почти столько же сам он не спит, всё ещё с переменным успехом сражаясь с «Магией граней» Реввиуса. Однако все слова застряли в горле, когда он взглянул на вошедшего мага.

– Где ваши волосы, мессир? – ошарашенно спросил он.

Действительно, голова Каладиуса была лысой, словно колено. Более того, Каррис сразу не смог понять, что ещё изменилось, а затем вдруг до него дошло, что у мессира теперь нет ещё и бровей, что делало его лицо совершенно необычным. Каладиус же широко ухмылялся, довольный произведённым эффектом.

– Я избавился от них, мессир Каррис, – объявил он, с удовольствием поглаживая лысый череп. – Волосы – первое, что выдаёт наш возраст. Если хочешь соответствовать тому возрасту, что тебе приписан, приходится идти на жертвы. Впрочем, я и не слишком-то тоскую по своей шевелюре. Признаться, без неё даже удобнее, да и не так жарко. А уж в море это и вовсе будет важным преимуществом – никакая вошь не поселится на лысой голове! Подумай над этим!

– Мне не нужно выдавать себя за старика, – быстро возразил Каррис, опасаясь, что мессир решит остричь и его. – А вшей я не боюсь – дело привычное.

– Как знаешь, – пожал плечами Каладиус. – Ну а как я тебе?

Маг насупился, выпятил нижнюю губу, и теперь действительно выглядел куда старше. Особенно сбивало с толку отсутствие бровей – от этого лицо становилось совершенно неопределённым и казалось каким-то незаконченным эскизом.

– Да, теперь вам вполне можно дать семьдесят, – кивнул Каррис, против воли улыбаясь подобной метаморфозе.

– Вот и славно! – заключил Каладиус. – Сегодня же идём в порт. Пора продать наши услуги какому-нибудь предусмотрительному купчишке, отправляющему товары в Саррассу!

– Почему именно в Саррассу?

– Разве тебе не интересно своими глазами поглядеть на самую древнюю империю в мире? Кроме того, я уверен, что для завершения облика мне просто необходим южный загар. Ты-то и так – вылитый саррассанец, а вот моя благородная северная бледность совсем не вяжется с лысым черепом.

Слуга принёс завтрак, как всегда – отменный, и оба мага с удовольствием подкрепились, после чего отправились в порт. Там они стали ходить по судовладельческим конторам, спрашивая, не требуются ли маги для защиты судов от нападений. Маги, действительно, требовались, но, как правило, их нанимали для плаваний по Серому морю, где была вероятность столкнуться с келлийцами. А вот на южном направлении заказов было куда меньше, поскольку хоть у берегов Саррассы и промышляли корсары, но природная жадность заставляла судовла-

дельцев слишком тщательно взвешивать риски, и потому чаще всего они решали, что шансы успешного плавания слишком высоки, чтобы нести дополнительные расходы.

Однако Каладиус вбил себе в голову, что им нужно непременно в Саррассу, поэтому в первый день они вернулись ни с чем. Более того, было ясно, что в ближайшие дни их ждут все те же отказы – во всех конторах было сказано, что пока в подобных услугах они не нуждаются.

– Вот где они, эти лежебоки, когда так нужны? – ворчал Каладиус по возвращении домой, имея в виду, конечно же, саррассанских корсаров. – Что за презренный моряк станет ловить треску, когда можно промышлять благородным ремеслом разбойника!?

Каладиусу было трудно признавать, что его план дал трещину в самом неожиданном месте, поэтому поначалу он с преувеличенно уверенным видом убеждал ученика в том, что в самое ближайшее время кто-то отправит-таки в южную империю груз достаточно ценный, чтобы не поспуститься на хорошую охрану. Однако в таком вот томительном ожидании они пробыли до самого увиллия²⁵.

И вот наконец уже почти отчаявшиеся маги были вознаграждены за терпение. В особняк, в котором они квартировали, и чей адрес был давным-давно известен всем судовладельческим конторам, примчался мальчишка из порта, который принёс записку с просьбой прибыть на следующий день в одну из контор.

В конторе измученный клерк объявил волшебникам, что его хозяину требуется маг для сопровождения торговой шхуны, отправляющейся в Золотой Шатёр через три дня. Каладиус тут же объявил, что никуда не отправится без своего ученика, и что это ничего не будет стоить хозяину судна, поскольку положенная оплата пойдёт сразу им обоим. Это известие несколько прояснило довольно болезненное выражение лица клерка, и он пообещал, что вскорости передаст окончательное решение хозяина.

В ответ на это Каладиус, покровительственно положив ладонь на плечо собеседника, заявил, что людям его уровня негоже общаться с нанимателями через конторских служащих, и попросил адрес хозяина. В этом не было ничего особенного – клерк уже не раз встречал подобных болезненно гордых господ, поэтому он сделал даже больше – вызвал мальчишку-посыльного и приказал сопроводить мессиров магов к господину.

Приняли магов хорошо. Судовладелец – дородный седовласый мужчина приятной наружности – безо всяких возражений согласился на двух волшебников вместо одного, раз за это не нужно было доплачивать. Он посочувствовал утрате документов и согласился выписать нечто вроде подорожной – удостоверяющего листка, который маги могли бы предъявить при случае. Эти листки также были заверены личной подписью судовладельца – весьма влиятельного и уважаемого человека, а также его личной печатью, которая в большинстве мест стоила немногим меньше, чем печать кинайского комиссариата.

Единственное, что Каладиус позволил себе оговорить отдельно – это стол. Маг-сибарит опасался, что даже если будет питаться из офицерского котла, то совершенно расстроит свой нежный желудок. Поэтому он договорился, что для него будет отдельная кладовая, куда он поместит продукты. Правда, хозяин попытался напомнить о климате места, в которое они направляются, и о том, что большинство продуктов просто сгниют в самое ближайшее время, но Каладиус заверил его, что не затем становился волшебником, чтобы позволять какому-то климату портить его пищу. Надо отметить, что судовладельцу явно понравился этот ответ.

– Ну что, мессир Каррис, полюбуйся, – доставая бумаги, довольно произнёс Каладиус. – Мы с тобой всё больше и больше становимся подлинными личностями. С этой бумагой мы уже можем много куда сунуться, во всяком случае, в портах Кидуи и Саррассы.

²⁵ Увиллий – один из месяцев календаря Паэтты. Последний месяц лета, соответствует нашему августу. Был назван в честь короля Увилла Великого.

– Сия грамота выдана мессире Каладиусу в том, что он действительно нанят на судно «Прантон» в качестве мага для сопровождения одного судна из порта Кинай в порт Золотой Шатёр, – прочитал Каррис.

– И такая же точно написана для тебя! Мы уже – бесспорные мессеры Каладиус и Каррис, во всяком случае, для всех торговцев, таможенников и стражи. Я понимаю, что тебе не терпится говорить на равных с другими магами. погоди, и мы обязательно что-нибудь придумаем!

Великолепная трёхмачтовая шхуна «Прантон», которую владелец, как узнали наши герои, назвал в свою честь, являлась флагманом его немалого флота, состоящего более чем из дюжины судов различного тоннажа. Каладиус остался полностью довольным осмотром как самого судна, так и его собственной каюты. Более того, он сразу же озаботился познакомиться с коком, и тот оказался выше всяких похвал.

Как и было оговорено, в огромной кладовой, где хранились продукты, отвели отдельный огороженный угол для нужд мессиров. Туда поместили специально заказанные у портювых плотников ящики, имеющие странную особенность – они представляли собой как бы один ящик, вложенный в другой, так что между стенками оставалось пространство. Кроме того, внутренний ящик был ещё и оббит металлом, так что матросы изрядно попыхтели, пока втащили все эти конструкции на борт.

И затем Каладиус явил восхищённой команде своё могущество. Он приказал зачерпнуть несколько кожаных вёдер прямо из-за борта, а затем сделав несколько эффектных пассов, обратил эту воду в лёд, да так, что вёдра просто разорвало из-за внезапного расширения. С тех пор авторитет мессира на борту был непререкаем, так же, как и авторитет его ученика.

Надо сказать, что подобное волшебство среди сообщества магов стояло лишь немногим выше простых ярморочных фокусов, ибо стихийная магия – одна из простейших форм манипуляций *возмущением*, а изменение температуры воды и вовсе является самыми основами, но невзыскательной публике много было и не нужно. А Каладиус приказал заполнить пустоты между стенками своих ящиков колотым льдом, а затем укрыть сами ящики попонами. Так он надеялся сохранить в свежести те ингредиенты, которые местный кок должен был превратить в кулинарные чудеса.

Это было второе морское путешествие Карриса, и оно весьма выгодно отличалось от предыдущего. Размеры и комфортность судна, спокойные воды океана, яркое солнце – всё это придавало путешествию известное очарование, которое портила разве что жара, так непривычная северянам.

Команда, включая капитана, как мы уже говорили, прониклась невероятным почтением к обоим мессирам, стараясь по мере сил обеспечить им максимальный уют. Специально для них на корме обустроили навес из парусины, который давал хоть какую-то защиту от солнца, и когда маги выходили туда, чтобы отдохнуть, глядя на убегающие волны, матросы старались меньше шуметь, дабы не потревожить их отдых.

– Кажется, нас ожидает приятное путешествие, – проговорил Каррис. – Надеюсь, корсары нас не побеспокоят...

– А я, напротив, надеюсь, что побеспокоят, – возразил Каладиус, блаженно разглядывая берег, медленно проплывающий в полумиле от них.

– Вы соскучились по неприятностям, мессир? – колко поинтересовался юноша.

– Признаться, иногда мне кажется, что – да, – улыбнулся маг. – Но в данном случае дело не в этом. Просто кроме бумаг нам нужна ещё и соответствующая репутация. Не знаю как ты, мессир Каррис, а я хочу прогреметь своим именем на весь мир – от Загадочного до Великого океана! И коль скоро мне пока не светит прославиться как великому теоретику, я попытаюсь стяжать себе славу великолепного практика.

Уж чего-чего, а честолюбия Каррису было не занимать, об этом мы знаем совершенно точно, коль уж нам, благодаря особому дару автора и читателя, дано проникать даже в его мысли. Так что он намеревался прогrometer ещё громче своего учителя, и на меньшее был никак не согласен.

– Но шансы встретиться с корсарами, я полагаю, у нас совсем невелики? – предположил Каррис. – Вряд ли их так уж много у берегов империи!

– Шансы куда больше, чем тебе кажется, мессир Каррис, – возразил Каладиус. – У этих прохвостов в каждом порту целые армии осведомителей. И они часто быстрее тех же комиссаров прознают – куда пойдёт судно, и что повезёт. И уж если оно повезёт что-то вкусное, они будут тут как тут! А уж «Прантон», похоже, скрывает в своих трюмах что-то весьма лакомое, коль уж наш любезный хозяин решил разориться на магов!

Ни Каладиус, ни Каррис не знали, и даже не пытались предположить, какого рода груз скрывается в недрах корабля. Они справедливо полагали, что это – не их ума дело. Но, как и сказал Каладиус, было совершенно ясно, что это нечто весьма ценное – возможно, золото или даже мангил. И маг был совершенно прав, что такие суда тщательно отслеживались желающими поживиться за чужой счёт.

Именно поэтому кроме двух магов на борту было ещё полтора десятка лучников во главе с вечно хмурым сержантом. Однако команда относилась к ним не в пример холоднее. Конечно, в открытую никто из матросов не смел задеть солдат даже насмешливым взглядом, но между собой они пересмеивались над ними, называя бесполезными пассажирами.

Более дальновидный и общительный Каладиус, напротив, почти сразу же постарался наладить мосты с сержантом, который оказался тронут вниманием столь важной персоны, и хотя собеседником он был никудышным, маг всё же время от времени перебрасывался с ним словечком, понимая, что в какой-то момент и его жизнь может зависеть от этих молчаливых и сосредоточенных ребят.

Уже на следующий день после выхода из порта, Каладиус объявил о необходимости тренировок. И действительно, если в теории и сам мессир, и его ученик были неподобны, то отсутствие практических занятий могло сыграть с ними злую шутку в самый неподходящий момент.

Каррис был совершенно не против – наоборот, он был счастлив возможности беспрепятственно заниматься практической магией. И вот теперь каждый день они метали огнешары, взметали вверх плотные водяные струи – настоящие жидкие копья, а также вздымали над морской гладью небольшие гейзеры пара.

Очень скоро это превратилось в соревнования – кто пустит самый большой огнешар, кто направит его точнее или дальше, кто поднимет самое большое облако пара. Матросы были в восторге – они с удовольствием следили за этими магическими баталиями, радуясь не только самому зрелищу, но и тому, что их защитой занимаются столь выдающиеся маги. Они просто-душно вопили от радости всякий раз, когда в небо взмывал очередной шар, или когда длинная водяная змея тяжёлой плетью рассекала гладь моря.

Иногда матросы с позволения капитана бросали за корму прохуdivшуюся бочку или ещё какой-либо мусор, и тогда оба мага устраивали настоящую дуэль. Главный минус стихийной магии в том, что, создав некий магический объект, им весьма сложно управлять. Те же огнешары довольно часто летели совсем не туда, куда их посылали неопытные маги.

О наших мессирах подобного, конечно же, сказать было нельзя – свою неопытность они с лихвой компенсировали талантом. И теперь, позволив бочке отдалиться на сотню футов, они начинали по очереди пытаться поразить её огнешаром. Особую остроту этому соревнованию придавал тот факт, что с каждой секундой корабль всё дальше удалялся от мишени, что делало в конечном итоге попадание невозможным. Но ни команду, ни самих магов это не слишком-то расстраивало. Зато если кому-то из соревнующейся парочки всё-таки удавалось попасть в цель,

это вызывало настоящий шквал восторженных криков. Если бы в подобные минуты шхуну кто-нибудь наблюдал с берега, то, вероятно, зрелище могло быть весьма впечатляющим.

Но здешнее побережье было не слишком-то густо заселено. Скалистые берега, резкими пятидесятифутовыми обрывами уходящие прямо в пенистую воду, не слишком-то располагали к прибрежному строительству. Зато эти скалы густо поросли древними хвойными лесами и этим выгодно отличались от унылых берегов залива Алиенти.

Загадочный океан в это время года был совершенно спокоен, ветры дули довольно слабые, так что «Прантон», как и положено шхуне такого класса, не спеша, даже вальяжно следовала своим курсом, распахнув почти все паруса на всех трёх своих мачтах, пытаясь поймать максимум того ветра, что нехотя тревожил прозрачный лазоревый воздух. Впереди было ещё не менее двух недель плавания.

Глава 12. Дервинские шхеры

Западное побережье Паэтты разительно отличается от восточного, равно как и от южного, и северного. Начиная от залива Алиенти, оно словно вспучивается по мере продвижения к югу, будто из земли всё сильнее вылезают гранитные зубы. И если к северу от Залива Дракона побережье скорее холмистое, то к югу оно уже скалистое, словно ещё один горный хребет, мертворождённый брат Анурского. Особенно высок этот хребет в районе границы Кидуи и Саррассы, а затем постепенно сходит на нет, в районе Золотого Шатра вновь превращаясь в едва выпирающие из земли холмы.

Бесчисленные годы морская стихия сражалась здесь со стихией земли. Морские волны обрушивались на скалы, и как бы ни крепок казался коричневатый гранит, но вода и время делали своё дело. Побережье южнее Киная было всё изрезано фьордами и заливами, усеяно множеством скал. С одной стороны, это стало причиной того, что здесь не возникли другие крупные портовые города, подобные столице Кидуи. С другой – эти запутанные лабиринты среди скал, грозящие гибелью всякому судну, рискующему проникнуть в них, служили отличным прибежищем для всех тех, кто по разным причинам не мог швартовать свои корабли в портах.

Одно из таких мест называлось Дервинскими шхерами и пользовалось самой дурной славой. Здесь, в каменной сети множества заливов и россыпи больших скал и маленьких островков, нашли пристанище те, кого обычно именовали корсарами или пиратами. Ни военный флот Кидуи, ни имперский флот Саррассы, под чьей формальной юрисдикцией находились эти территории, не рисковали соваться в эти шхеры, которые словно были вырыты морскими дьяволами специально для того, чтобы потопить как можно больше кораблей. Лишь отъявленные безумцы или же отчаянные храбрецы могли проводить суда так, что борта иной раз едва не царапались о гранитные зубы.

Кроме того, многие из этих отчаянных парней в военное время служили каперами, становясь под знамёна Саррассанской империи, чтобы грабить и топить суда северян, или же под знамёна дюка Кидуи, чтобы тревожить южного соседа. Так и выходило, что население Дервинских шхер, мешая всем, одновременно бывало и полезно, а потому ни Кидуа, ни Саррасса не делали особенных попыток, чтобы сжечь дотла это осиное гнездо.

Дабы у читателя не сложилось превратное мнение, будто бы в Дервинских шхерах сложилась настоящая пиратская республика, сразу оговоримся, что ничего подобного, конечно, не было. Это были не те люди, что стремились делегировать кому бы то ни было право управлять собой. Хаос был в их крови, и они не терпели государства ни в каком виде, даже в самом примитивном. Они были терпимы друг к другу – и только. Дела, которые проворачивали обитатели Дервинских шхер, не любили многолюдности и огласки. «Живи сам и не мешай другим» – вот, пожалуй, единственное правило, которое более или менее свято соблюдалось здесь.

Будь по-иному, и здесь, пожалуй, возникла бы весьма серьёзная угроза для экономик всех государств Паэтты, потому что так называемые саррассанские корсары способны были бы полностью парализовать многочисленные морские пути, тянущиеся вдоль западного побережья. И тогда, естественно, эту проблему пришлось бы решать кардинально. Совокупная мощь морских и сухопутных армий не оставила бы от пиратской вольницы камня на камне, так что такое вот легкомыслие и анархия среди корсаров неожиданно становились жизненно важными факторами самого их существования.

Таким образом, обычно плаванье вдоль этой вотчины пиратов не представляло особенной опасности. Корсары были слишком заняты своими делишками, которые, главным образом, крутились вокруг контрабанды – это приносило более стабильный доход и не было сопряжено

с таким серьёзным риском. Однако же и Каладиус был прав, говоря, что у корсаров были осведомители в портах, и что порой они готовы были рискнуть ради крупной добычи.

Шёл седьмой день путешествия, но на море стоял почти полный штиль, так что от парусов проку почти не было. Шхуна двигалась настолько медленно, что иной раз казалось, будто она вовсе стоит на месте, словно муха, влипшая в мёд. До Дервинских шхер оставалось около сорока миль, но было совершенно неясно – как скоро удастся преодолеть такое расстояние. Единственное, в чём можно было быть уверенным, так это в том, что пока на море штиль, нападения ждать не стоит. Корсары любят добрый ветер, который зачастую является едва ли не единственным их пособником.

Стояла просто одуряющая жара. Солнце пекло так, что на досках палубы выступила смола. Оба мага в компании капитана судна и сержанта стрелков сидели под парусиновым навесом. Вокруг них лежали глыбы льда, но их холодного дыхания не хватало, чтобы разогнать жаркое марево. Во всём этом можно было найти едва ли не единственный плюс – столь интенсивные солнечные ванны очень быстро обожгли светлую кожу Каладиуса, так что теперь она вся была в проплешинах слезающей кожи, действительно старя мага на несколько десятков лет. Правда, на голове вновь отрастала тёмная щетина – обгоревшая на солнце кожа болела, и не хотелось ещё больше раздражать её бритвой.

Эйфория первых дней плавания спала. Оба мага были несчастными и раздражёнными. Они уже больше не помышляли о магических дуэлях, ведь для этого нужно было выбраться на солнце. И спрятаться от светила в каюте не представлялось возможным – это было бы равносильно тому, чтобы сидеть в жерле печи. Даже ночами они не спускались вниз, предпочитая спать на медленно остывающей палубе.

Затея с чудо-сундуками для провизии также потерпела полное и сокрушительное фиаско. Несмотря на то, что ящики укрывали попонами в два-три слоя, лёд таял слишком быстро, очень плохо сохраняя прохладу. В итоге уже на четвёртый день пути из открытого ящика пробивался вполне ощутимый душок, а кроме того вокруг него образовывалась лужа воды, также издававшая довольно неприятный запах.

В итоге уже на следующий день Каладиус, не сумев совладать с охватившим его раздражением, велел вышвырнуть ящики вместе с провизией за борт. Это оказалось делом весьма хлопотным и тяжёлым, но большинство матросов всё равно слонялись по кораблю безо всякой работы ввиду отсутствия ветра.

Так что нашим магам, уже успевшим избаловать свои желудки изысканной пищей, пришлось перейти на ту же солонину и сухари, которыми питались остальные обитатели судна. Корабельный кок, конечно, всю старался превратить эти жуткие вещи во что-то удобоваримое, но он, к сожалению, всё же был не волшебник. Даже Каррис, который в бытность свою Олни Стайком едал и не такое, сейчас тоже весьма меланхолично ковырял вилкой в содержимом своей миски.

Каладиус про себя уже в сотый раз клял своё роковое желание плыть именно в Саррасту, но вслух, конечно, ничего такого не говорил. Однако же одного вида на его растерянное, жалкое выражение лица было достаточно, чтобы понять его состояние.

К вечеру ветер стал сильнее и был попутным, так что шхуна наконец смогла набрать ход. Такими темпами они должны были проплывать в виду шхер где-то на рассвете. Однако капитан уже сейчас приказал отправить на вороньи гнёзда сразу двух вперёдсмотрящих, опасаясь возможного нападения, хотя ночи стояли тёмные и безлунные, так что было не очень-то понятно, какой в них может быть прок.

Однако утро не принесло ничего нового. Берег по левому борту был всё таким же скалистым, а все суда, которые то и дело встречались на этом оживлённом пути, оказывались мирными торговцами. Уже после завтрака, который маги употребили с величайшей неохотой,

капитан предложил им взглянуть на те самые пресловутые Дервинские шхеры, до которых было не более полумили.

По мнению Карриса в них не было ничего особенного. Те же скалистые бивни, вздымающиеся над волнами, те же прибрежные скалы, те же многочисленные заливчики, скрывающиеся за нагромождением островков размером с небольшую лачугу. И совсем ничего не указывало на то, что где-то там скрываются морские разбойники.

– Ну вот и всё? – со странным чувством разочарования, густо замешанного на облегчении, спросил Каррис. – Схватки не будет?

– Пока ещё рано расслабляться, – проговорил сержант, теперь не отлучающийся от магов, словно рыба-прилипала. – Как раз ублюдки чаще нападают южнее. Там довольно много отмелей, и торговым судам сложно маневрировать. Если в ближайшие два-три дня нас не атакуют – значит, на этот раз пронесло!

– А вы уже бывали в сражениях с пиратами, сержант? – поинтересовался Каррис.

– Дважды, – с небрежностью, от которой за версту разило самодовольством, ответил сержант. – И оба раза отбились без особых проблем. Так что, думаю, и в этот раз всё обойдётся.

– Вы тоже заметили их, мессир? – взглядываясь вдаль, спросил капитан у подошедшего к нему Каладиуса.

Вечерело, и солнце уже довольно низко висело над горизонтом, готовясь вскоре нарядиться в багрянец и раскрасить волны червлёным золотом.

– Может быть, обычные торговцы или рыбаки? – с деланой небрежностью поинтересовался Каладиус.

– Может и рыбаки... – с явным сомнением в голосе ответил капитан.

Сразу три судна, держась на некотором расстоянии друг от друга, распустив все паруса, двигались с севера. Судя по всему, они очень торопились и, кажется, медленно догоняли «Прантон». Пока что расстояние было больше мили, но, хотя пока заметить это было сложно, опытный глаз моряка уже определил, что они приближаются.

– Не подбавить ли парусов? – словно невзначай, проговорил Каладиус.

– Подбавить-то можно, но, боюсь, в скорости нам с ними не тягаться, – проворчал капитан, однако тут же подал команду ставить все паруса.

Из-за приближающейся ночи и весьма непредсказуемого рельефа дна это было довольно рискованно, так что пришлось дать право руля, чтобы отойти подальше от берега, где можно было бы не опасаться в ночной темноте налететь на подводный камень или отмель.

– Что за груз несёт «Прантон»? – любопытствовал Каладиус, надеясь, что те доверительные отношения, что сложились между ним и шкипером, сделают этот бестактный вопрос чуть менее бестактным.

– Клянусь, мне ничего об этом не известно! – горячо заверил капитан, которому льстило подобное внимание со стороны мага. – Я видел лишь ящики, зашитые в мешковину, и всё. Но даже из-за мер предосторожности можно уже судить, что груз весьма ценный.

– Складывается впечатление, что не для всех содержимое ваших трюмов является секретом, – усмехнулся Каладиус.

– Вы думаете, это пираты? – заподозрив неладное, к беседующим подошли сержант и Каррис.

– Сложно сказать, сержант, – пожал печами Каладиус. – Но на обычных торговцев они не очень-то похожи.

– Получится оторваться от них? – с невольной тревогой спросил Каррис.

– Вряд ли. В лучшем случае нам удастся протянуть до утра, чтобы не сражаться ночью. Хотя вряд ли эти шалопаи сами рискнут атаковать нас в темноте, – проговорил капитан.

– Что ж, тогда посмотрим, что принесёт нам утро, – демонстративно отвернувшись от таинственных кораблей, произнёс Каладиус.

Ночь прошла тревожно. Капитан приказал удвоить вахты, чтобы в случае внезапной опасности не пришлось терять драгоценные минуты. Вдоль бортов зажгли фонари, помещённые в вогнутые медные зеркала, чтобы светить вдаль, хотя они служили скорее для успокоения команды, ибо могли выхватить приближающийся корабль из мрака лишь тогда, когда он был бы в пятидесяти-шестидесяти футах от борта. Лучники предусмотрительно подготовили себе позиции для стрельбы, сложив там по четыре десятка стрел. Каррис и Каладиус остались ночевать на палубе, как, впрочем, и в предыдущие ночи.

Юноша почти не спал. Ожидание возможной схватки держало его внутренности в железном кулаке, так что он несколько раз бегал к фальшборту, чтобы помочиться. Несмотря на бравадные рассказы сержанта, несмотря на насмешки мессира, он всё же боялся того, что могло произойти. Ему, возможно, предстояло столкнуться с людьми, которые будут стараться его убить, и это не могло не тревожить.

Шхуна шла под всеми парусами, но ветер вновь ослабел, так что далеко продвинуться за ночь они не сумели. Конечно, тот же ветер дул и в паруса вероятных преследователей, так что и они не должны были особенно преуспеть в погоне. Однако «Прантон» создавался вовсе не для морских погонь, поэтому высокая скорость не была в числе его основных достоинств.

Едва лишь только рассвело, капитан вежливо растолкал мессиров, прикорнувших на палубе. Картина представилась вполне недвусмысленная и довольно безрадостная – за ночь все три судна сумели нагнать шхуну и теперь шли не далее как в четверти мили от неё, взяв в некое полукольцо. Увы, но их намерения теперь были совершенно очевидны. Было ясно, что они ждут лишь рассвета, чтобы начать атаку.

Корсары наверняка знали, что на борту находятся лучники и маги, а потому осторожничали. Некоторое время они просто шли параллельными со шхуну курсами, словно волчья стая, преследующая оленя. Но затем, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом, они внезапно изменили курс, начав сближение со своей жертвой.

– Ну вот и началось, – процедил капитан. – А ну, дармоеды, пошевеливайтесь! Что повисли на вантах, как сушёные яблоки?

Дальше он начал отдавать короткие отрывистые команды, которые для магов звучали как иноземный язык. Да они и не вслушивались – всё их внимание сейчас было сосредоточено на приближающихся вражеских кораблях.

– Ну что, мессир Каррис, вот и пришла пора проверить, чего мы стоим, – произнёс Каладиус, и Каррис заметил звенящие нотки тревоги в его голосе.

– Вы, наверное, очень рады, мессир, ведь всё идёт так, как вы задумали.

– Признаться, я не ожидал, что их будет сразу трое, – мрачно процедил маг. – Что же такое находится в нашем трюме, во имя Арионна? Это – явно спланированная операция. Они охотятся, и охотятся именно за нами...

Не прошло и часа, как все три судна оказались на расстоянии кабельтова²⁶ от шхуны. Теперь уж не было ни малейшего сомнения, что это – не простые честные торговцы. Все они шли без флага, да и сами суда были явно негрузовыми. Это были небольшие клиперы, как раз такие, какие давным-давно уже облюбовали пираты всего света.

– Нас собираются атаковать сразу с обеих сторон. Как только подойдут на приемлемое расстояние – используй огнешары. Постарайся сжечь паруса. Если они пойдут на abordаж – нам может прийти туго. На каждом судне может быть три-четыре десятка головорезов.

²⁶ Кабельтов – морская мера длины, равная приблизительно 185 метрам.

«Прантон» был на несколько футов выше над уровнем воды, нежели приближающиеся клиперы, но для ловких, словно кошки, пиратов это вряд ли стало бы серьёзным препятствием. Каладиус был прав – нельзя допустить, чтобы они догнали шхуну и зацепились за неё абордажными крюками.

– Надеюсь, у них нет лучников...

Едва Каладиус произнёс эти слова, как раздался вопль, и один из матросов, сорвавшись с вант, рухнул на палубу. Из спины его торчала стрела.

– А вот и ответ... – потемнев ещё больше, пробормотал маг. – Держи голову ниже, мессир Каррис, всё становится ещё веселее...

Расстояние между «Прантоном» и преследователями составляло более ста ярдов, так что было удивительно, как кто-то сумел попасть в матроса с такого расстояния. Лучники из защиты корабля ещё даже не наложили стрелы на тетиву – для них прицельное расстояние было вдвое меньше. Однако всё разъяснилось довольно скоро.

– Лиррийская стрела! – вскричал сержант, подбежавший к убитому.

В этот момент ещё один матрос с коротким вскриком слетел с мачты.

– Капитан, уберите ваших людей, или их перестреляют как рябчиков! – взревел Каладиус, невольно пригибаясь к самому фальшборту.

– Все вниз! – забывая свой птичий морской язык, заорал капитан.

Матросов не пришлось долго уговаривать – они буквально соскользнули на палубу. Теперь поменять оснастку уже не представлялось возможным, и с этим нужно было считаться.

Наличие лирр на борту пиратских кораблей создавало новые проблемы. Этот народ всегда славился мастерством стрельбы из лука, да и сами лиррийские луки были ту же человеческих и били мощнее и дальше. И уж конечно Каладиус не смог бы даже предположить, что тут окажутся лирры.

Тысячелетия прошли с того времени, как принц Драонн Доромионский покинул Паэтту, чтобы сделаться императором Тондрона²⁷, а лирры и люди так и не научились ладить. На данный момент между ними существовал худой мир, который, как известно, лучше доброй войны, но всё же обе расы старались избегать контактов. Лирры жили особняком, заселив лесистые территории на юге Кидуи и Латиона, и весьма неохотно покидали родные места, в которых могли чувствовать себя в относительной безопасности.

Но среди лирр, как и среди людей, были свои отщепенцы, которые плевать хотели на всяческие правила и нормы, преследуя лишь одну выгоду – свою собственную. И поскольку подобное тянется к подобному, то кое-кто из них вполне мог оказаться в Дервинских шхерах.

Для наших магов это становилось серьёзной проблемой. На палубе уже лежали два доказательства того, что лиррийские стрелы могут быть вполне смертоносными на расстоянии в несколько сотен футов, тогда как огнешары на таком расстоянии становились безобиднее зажжённой пакли. Стихийная магия может быть разрушительна и на больших расстояниях, но для этого нужно обладать огромной силой и, что куда важнее – огромным опытом.

Важным вопросом оставалось то, сколько всего лирр на пиратских судах. Пока, судя по плотности стрельбы, выходило, что их не так много, но это могло быть обманчивым умозаключением.

Прячущиеся за снастями матросы вновь издали вскрик – очередная стрела вонзилась в фальшборт. И почти следом за ней свистнула вторая, лишь чудом не пробив голову одного из моряков. Всё-таки качка вносила некоторые коррективы в стрельбу лиррийских лучников.

Теперь уже все три пиратских судна приблизились к «Прантону» примерно на триста футов. И тогда стало ясно, что лирр на их борту не один и не двое. Сразу с двух сторон полетели смертоносные стрелы, то и дело находя себе новую жертву. Уже не меньше полудюжины

²⁷ Здесь речь идёт о событиях, описанных в романе «Лиррийский принц».

матросов и один стрелок были либо мертвы, либо ранены, при том, что защитники шхуны были практически беспомощны.

Каладиус и Каррис, изредка высовываясь из своих укрытий, пустили несколько огнешаров, но они предсказуемо не дали никаких результатов. Лишь один из них достиг цели, ткнувшись в парус, но на таком расстоянии он потерял уже всю свою энергию, поэтому его действие и в самом деле было вполне сравнимо с тем, что на полотнище просто бросили скомканный кусок горящей ветоши. Пираты, зная, что им придётся столкнуться с магами, были начеку. Два ведра воды – и лениво стекающее по парусине пламя было погашено, оставив лишь чёрную подпалину на парусе и не сумев даже прожечь дыру.

Было ясно, что преследователи не собираются приближаться для абордажа, по крайней мере, в ближайшее время. Они, держась на почтительном от магов расстоянии, решили просто расстрелять как можно больше членов команды. Чтобы защитить капитана, на мостике были сделаны настоящие баррикады из всего, что только попадалось под руку – бухты канатов, бочки, ящики, тюки... Матросы частью прятались в трюме, частью укрывались на палубе.

– Скидывай с себя камзол, мессир Каррис! – приказал Каладиус, сам подавая пример ученику.

И действительно – на фоне матросов эти двое сразу бросались в глаза, так что всем сразу становилось ясно, что они и есть маги. Очевидно, что именно на них будет идти основная охота, так что нельзя было давать стрелкам лишние шансы.

– Что же нам делать, мессир? – в отчаянии воскликнул Каррис, ощущая себя абсолютно беспомощным. – Они не подойдут ближе!

– Нужно что-то посерьёзнее огнешаров...

– Паруса!.. – истошно закричал кто-то из матросов.

Обеим магам хватило мгновения, чтобы понять причину. С одного из судов к ним мчалась стрела с горящей паклей на наконечнике. Пираты использовали ту же тактику, что и маги – они решили поджечь паруса, чтобы остановить шхуну.

Конечно, такая стрела вряд ли могла причинить большой вред парусине – она пробила ткань насквозь, а ошмётки горящей пакли посыпались вниз. Они не сумели поджечь плотную влажную ткань, но это было вопросом времени. Рано или поздно где-то мог заняться огонь. Но пока что требовалось решить более важные задачи.

Ещё несколько огненных стрел помчалось к шхуне. Каладиус создал воздушный толчок, пытаясь сбить стрелы, но удар пришёлся мимо. Всё-таки ловкости и опыта нашим магам не хватало. Однако это действие натолкнуло Карриса на мысль.

– Можно попробовать ударить по ним льдом! – воскликнул он. – Я попытаюсь поднять брызги и заморозить их, а вы пошлёте их к ближайшему кораблю воздушной волной!

– План так себе, но другого всё равно нет, – кивнул Каладиус. – Но ты понимаешь, что нам придётся встать прямо на виду у этих ублюдков?

– Придётся рисковать, – ответил Каррис, сам удивляясь собственной смелости.

Его действительно охватила какая-то странная эйфория. Не то чтобы он вдруг ощутил себя неуязвимым, скорее ему вдруг страшно захотелось проверить – попадут ли в него. Это было почти непреодолимым желанием, к которому примешивалось внезапное желание боя. Он знал, что кое-что умеет, и ему хотелось применить все свои знания, чтобы нанести как можно больше урона врагу. Каррису захотелось пролить кровь, почувствовать себя хозяином жизней этих ничтожных тварей, что посмели поднять на него руку.

– Всё должно быть очень быстро! – прямо в лицо ему крикнул Каладиус. – Ты готов?

– Абсолютно! – залихватски ухмыльнувшись, крикнул Каррис в ответ. – Начали!

И, распрямившись в полный рост, он весь сосредоточился на море футах в двухстах от себя. Ему нужно было заставить воду взорваться тысячами брызг, а затем быстро заморозить их. По уровню сложности эта задача даже близко не была сопоставима со всем, что он делал до

этого. Каждую вещь по отдельности он мог проделать с достаточной точностью, но сейчас ему предстояло сделать их одновременно, и при этом не ошибиться. Однако же Каррис чувствовал, что он готов к этому. Тело налилось необычайной энергией, юноше казалось, что сейчас он способен перевернуть само море, чтобы утопить пиратские корабли.

Не делая лишних движений, которые чаще всего нужны лишь для того, чтобы произвести впечатление на окружающих, он непосредственно обратился к *возмущению* в той точке, которую выбрал для себя. Секунда – и на этом месте вырос целый фонтан. Материя подчинялась изменениям в *возмущении*, ведь оно было составной её частью.

Но вмиг вспотевшему Каррису было не до самолюбования. Теперь надлежало совершить нечто, что многие сочли бы из ряда вон выходящим. Нужно было резко снизить температуру в определённой области пространства, и вот это была задача, перед которой дрогнули бы и многие великие волшебники. Но в это мгновение юный маг не сомневался ни в чём.

Он сразу почувствовал, что всё получилось. Даже отсюда было заметно, как на солнце полыхнули взмывшие к небесам капли, внезапно обратившиеся в лёд. И тут же с глухим уханьем, вспенивая морские волны, над морем прошла мощная воздушная волна. Воздух, сжатый до осязаемой плотности, рванул от шхуны в направлении пиратского корабля. Он подхватил мириады льдинок, ещё не успевших растаять в жарком южном воздухе, и понёс их дальше, прямо к клиперу.

Раздались крики боли, хорошо слышимые на шхуне. Конечно, подобная атака не могла нанести слишком много урона, разве что льдинки попали бы прямо в глаза. Будь расстояние между судами раз в десять меньше, и этот удар мог бы стать смертельным для тех, кто находился на палубе пиратского судна, но сейчас он носил скорее устрашающий характер. Хотя пиратское судно ощутило качнуло воздушной волной.

Однако и этого оказалось достаточно, чтобы все три судна резко сменили курс, уходя чуть дальше от преследуемой жертвы, опасаясь её неожиданно острых зубов. Таким образом «Прантон» получил некоторую передышку от обстрела.

– Это было великолепно, мессир Каррис! – выдохнул тяжело дышавший Каладиус. – Если бы я не видел этого собственными глазами, ни за что бы не поверил!

– Мы лишь отпугнули их на время, – мотнул головой Каррис, ощущая металлический привкус во рту. – Нужно придумать что-то посерьёзнее этих фокусов. Мы должны уничтожить корабли.

Глава 13. Триумфаторы

– Мессир, но если вы способны создать ветер, то почему бы не направить его в наши паруса? – прокричал капитан с мостика. – Мы живо избавимся от этих бездельников!

– Я могу это сделать только если вы очень хотите лишиться разом всего такелажа, – крикнул в ответ Каладиус. – Создать ровный ветер куда сложнее, чем мощную воздушную волну.

– Но может быть, капитан прав? – спросил Каррис. – Я могу попробовать.

– Ты очень силён, мессир Каррис, – покачал головой маг. – Ты – настоящий самородок, какие рождаются раз в тысячелетие. Но уверен ли ты, что справишься с этой задачей? Ведь если что-то пойдёт не так, ты оставишь судно не только без парусов, но и, пожалуй, без мачт. Одно дело рывком поднять над собой тяжёлый двуручник и обрушить его на голову врага, и совсем другое – держа его пальцами одной руки, пытаться заточить гусиное перо. Может ты и способен на такое, но я не рискну проверять!

– Что ж, тогда нужно использовать другую магию, – сознавая, что учитель прав, решил Каррис. – Не стихийную.

– И что ты предлагаешь?

– Разять саму древесину борта. Прodelать брешь достаточную, чтобы они за минуту пошли на дно!

– Эка куда замахнулся! – усмехнулся Каладиус. – Разорвать связи материи – это тебе не огненные шары пускать!

– Я знаю! – отрезал Каррис. – Но я думаю, что у меня может получиться. Самое сложное – уловить именно то *возмущение*, что создаёт эти доски. Главное – сосредоточиться. Я практиковался в *сосредоточении* и медитациях. Думаю, у меня может получиться.

– Но тебе придётся какое-то время стоять прямо под стрелами!

– Вы создадите отталкивающую сферу. Прoderжите её хотя бы полминуты, этого должно хватить.

– Я прoderжу её столько, сколько потребуется! – заверил Каладиус, хотя он всё ещё тяжело дышал после создания воздушной волны.

– Хорошо, мне нужно несколько минут, чтобы прийти в себя.

Кажется, они оба ещё не заметили, как стали меняться их роли. Каладиус всё ещё обращался к Каррису на «ты» и продолжал называть своим учеником, но сейчас он сам вёл себя как подмастерье. Каррис всё ещё продолжал видеть в Каладиусе своего учителя, но уже вполне чувствовал, что превзошёл наставника на несколько голов. И в данный момент, перед лицом смертельной опасности, когда истирались наносные условности, это было особенно заметно.

Меж тем пираты, похоже, понемногу приходили в себя. Сложно было сказать, какой урон нанесли маги, но вряд ли он был достаточно велик, чтобы отпугнуть корсаров. Кроме того, возможно, что кто-то из вожаков разбойников имел некоторое представление о магии и знал, что после столь мощного удара волшебники должны быть достаточно измотаны. Так или иначе, но два из трёх кораблей вновь сменили курс, выходя на прицельную дальность. Судно, которому достался ледяной шквал, держалось более осторожно и не спешило сблизиться. Возможно, матросам на нём всё же довольно крепко досталось, хоть мелкие ледышки и потеряли значительную часть своей первоначальной скорости на таком расстоянии.

Через пару минут вновь полетели стрелы. Стало понятно, что время уходит – вот ещё один матрос забился на палубе, пронзённый стрелой.

– Готов? – коротко спросил Каладиус.

– Начали! – и, не ожидая больше ни секунды, Каррис распрямился на палубе, опершись на фальшборт.

Лёгкая судорога пробежала по ткани *возмущения* – это Каладиус окутал своего ученика сферой отталкивания. Теперь он временно был неуязвим даже для лиррийских стрел – они просто отскакивали от невидимого барьера.

Но у Карриса не было времени думать об этом. Ему предстояло сделать ещё один шаг вверх, к вершине магического искусства. Юноша представлял себе окружающую вселенную как ткань, сотканную из тончайших невидимых нитей *возмущения*. В каких-то местах они связывались в узелки, сплетались в узоры – и там возникали материальные объекты. Каррис знал, что всё вокруг него – воздух, вода, лиррийские стрелы, он сам – не более чем проявления *возмущения*, ставшего осязаемым.

По большому счёту всё, что ему было нужно – это отыскать и распустить нужные узелки, разъять связи, заставляющие материю оставаться материей. На словах всё это было настолько просто, что суть смог бы понять и абсолютно непросвещённый человек. Но на практике это было невероятно сложно – куда сложнее, чем услышать отдельный голос в гуле тысячи голосов. Для этого уже недостаточно было даже громадного опыта – тут нужен был настоящий талант. На это и рассчитывал Каррис.

Мир вокруг него будто бы потух и замедлился. Он словно оказался в полустёртой гравюре, где многие детали были помечены всего несколькими штрихами. Исчезли краски, звуки, запахи. Исчезли даже эмоции и сами ощущения. Каррис слушал, не слушая, и глядел, не смотря. Он пытался узреть структуру бытия.

Маги хорошо ощущают *возмущение*, они умеют манипулировать им, но чаще всего для этого не требуется видеть его составляющие, подобно тому, как матросам, тянущим канат, не требуется ощущать ладонями каждую нить, из которой он сплетён. Каррису же сейчас требовалось именно это.

Неизвестно, сколько секунд истекло сейчас в материальном мире – там, где пребывал разум Карриса, понятие времени совершенно меняло свой смысл, ибо время тоже состоит из *возмущения*. И вот во всех этих хитросплетениях требовалось найти сущую мелочь – то, что создавало доски борта вражеского корабля. Перед ним были словно рассыпаны тысячи мешков зерна, и среди этой громадной кучи нужно было отыскать одно единственное зёрнышко.

Нахождение в этом мире требовало колоссальных запасов сил. Пока что Каррис не ощущал ничего, но в материальном мире его тело сейчас испытывало огромные нагрузки. Вдулись жилы, полопались капилляры в глазных яблоках, пот градом катился по коже, ноги подкашивались, и если бы не упор на фальшборт, он давно рухнул бы на палубу. Позже, с опытом, это станет намного легче, но пока из юного неопытного мага вместе с силами словно выходила сама жизнь.

Однако Каладиус был прав – маги, подобные Каррису возникали в мире очень редко, возможно, даже реже, чем раз в тысячелетие. Сфокусировав свой разум словно тончайшую в Сфере иглу, он увидел то, что искал. Хрупкие, и при этом одновременно очень прочные связи – затейливое плетение нитей, что тоньше любой паутины. Ну а дальше всё было уже просто – потянувшись к этим нитям своим сознанием, он словно распорол стянутые небольшие узелки.

В материальном мире в это мгновение в борту пиратского судна образовалась дыра диаметром в несколько футов. Это сопровождалось громким шипящим звуком, словно ткань материи втянулась в какую-то пустоту. Дыра была как раз на уровне ватерлинии, так что в разверзшийся трюм тут же хлынули морские волны.

Клипер словно зарылся своим изящным носом в воду, резко накренился и стал тонуть. На палубе раздались крики ужаса, пираты метались, словно стая испуганных цыплят. Стали рубить канаты, удерживающие спасательные шлюпки, но в панике поспешили, и одна из шлюпок рухнула прямо на палубу. Вторую спустили на воду, но она могла вместить не более полутора десятка человек.

Корабль же довольно быстро заполнялся водой и всё больше проседал над морской гладью. Остальные два судна, увидев судьбу сообщников, спешно стали выкручивать рули так, чтобы как можно скорее оказаться подальше от «Прантона». Это уже был не ледяной буран, а нечто похуже. Пираты поняли, что на борту преследуемого судна находятся невероятно сильные маги, связываться с которыми никому не хотелось. Под ликующие крики команды шхуны оба оставшихся клипера поспешно ретировались, не желая продолжать бой.

Виновник же этого бесспорного торжества практически сполз на палубу по фальшборту, и первое время трудно было даже понять – остался ли он в сознании.

– Очнулся наконец? – раздался откуда-то издалека голос мессира.

Каррис кое-как разлепил глаза и поначалу совсем не понимал, где находится. Он отчётливо помнил бой и палубу, но сейчас он лежал где-то в незнакомой комнате.

– Где мы? – вяло спросил он.

– Это каюта капитана. Тебя было проще дотащить сюда. Ты жутко отъелся, мессир Каррис! Вспомни, каким ты был прежде! Как тростинка!..

За этим нарочито шутливым тоном чувствовалась недавно пережитая тревога.

– Мы победили?

– Ещё бы! Жаль ты не видел, как это корыто пошло ко дну! Но ещё смешнее было наблюдать, как этот сброд боролся за место в шлюпке! Ручаюсь, они перебьют друг друга прежде, чем доберутся до берега!

– А остальные корабли?

– Уходят. Ежели охота полюбоваться – выйди на палубу. Их ещё видно.

– Долго я был без сознания?

– Сложно сказать... Больше четверти часа, это уж точно.

Каррис попробовал приподняться, но его очень мутило, а руки и ноги были будто бы не его.

– Но я всё же это сделал... – даже в эту минуту осознание своего могущества было чертовски приятно.

– Ещё бы! Это было просто невероятно! Всё-таки сами боги распорядились так, чтобы я вытащил тебя из твоей глухой деревушки! Однажды ты станешь великим, парень!

– Мне кажется, я и сейчас уже неплох, – криво ухмыльнулся Каррис, поскольку на большее у него не было сил.

– Это правда! Признаю, ты уже переплюнул своего учителя, мессир Каррис. Говорю это как есть. Но всё же мне хотелось бы поговорить с тобой прежде, чем мы вновь окажемся на палубе.

– В чём дело? – неожиданные слова Каладиуса прозвучали как-то напряжённо, и юноша почувствовал неладное.

– Каковы твои ближайшие планы, парень? Что ты думаешь делать в ближайший год, может быть два? Собираешься ли ты дальше терпеть мою компанию, или же отправишься собственной дорогой?

– Я не думал об этом... Но, пожалуй, я не собирался покидать вас, мессир, если только вы сами меня не прогоните.

– И в мыслях такого не было, парень! Я сроднился с тобой, словно с младшим братом! Значит, решено – мы и дальше будем пытаться счастья вместе?

– Разумеется...

– Отлично! Я рад, что наши взгляды в этом совпали. А теперь главное. Понимаешь ли ты, что для нашего будущего благополучия важно развивать ту легенду, что мы создали? Ведь всё, что мы делали до сих пор, делалось именно для этого.

– Конечно, я это понимаю.

– Мы хотели сделать себе имя. Мессир Каладиус и мессир Каррис, учитель и ученик. То, что ты сделал сегодня, потрясает! Думаю, не так много магов в этом мире смогли бы повторить то же самое. Но...

Несмотря на то, что Каладиус замялся, Каррис уже понял, куда тот клонит. Было довольно удивительно видеть смущение на лице этого обычно нагловатого и самоуверенного человека. И сейчас юноше совсем не хотелось облегчать ему задачу, так что он просто лежал и ждал, пока мессир продолжит.

– То, что было сделано сегодня, должен был сделать Каладиус, а не Каррис, – произнёс наконец маг, глядя куда-то в сторону. – Я говорю это не из тщеславия, поверь. Просто так будет лучше для нашей легенды. Иначе сама связка учитель-ученик теряет смысл... Мы двое – как единое целое. Не ты Каррис, а я – Каладиус, а мы вместе – Каррис и Каладиус. Понимаешь?

– Понимаю.

Каррис действительно видел, что мессир говорит правду. В данный момент он совсем не желал приобщиться к чужой славе, да и прежде такового за ним не водилось. И в его словах действительно была логика. Однако самолюбие грызло юношу изнутри, обиженно кричало о собственной значимости.

Кроме того, он прекрасно понимал, что вся эта легенда о учителе и ученике работала исключительно на Каладиуса. Ведь это он присвоил себе несуществующие права на окончание своего имени, это он пытался выдавать себя за выпускника Академии. Сейчас для Карриса важно было решить – нужно ли ему и дальше тащить эту дурно пахнущую легенду, или же сделать собственное имя с нуля. Ведь пока что сам Каррис не сделал ничего плохого с точки зрения закона, и то, что он сменил своё имя, ни коим образом не компрометировало его. Его репутация была чиста. После того что случилось, он был уверен, что найдётся немало желающих магов принять его на обучение, а оттуда уже была прямая дорога в Академию.

Однако мессир сделал очень много для него – так много, что вряд ли хватит жизни, чтобы вернуть ему долг. Мог ли он бросить его сейчас – талантливого самозванца, вдохновенного афериста, но не самого выдающегося волшебника? Каладиус был прав – неожиданно именно Каррис стал основой для всего, и без него вся эта сложная конструкция, которую мессир возводил, становилась угрожающе шаткой.

Это было одно из самых тяжёлых и ответственных решений за всю жизнь Карриса. Каладиус прекрасно понимал это, а потому не давил на теперь уже явно бывшего ученика, понимая, как тяжело бывает в таком возрасте поступиться собственным самолюбием и гордыней. Он точно знал, что Клайдий Сарамата этого бы не смог сделать, и потому с трепетом ожидал ответа.

– Но команда видела, что это сделал именно я, – пытаюсь найти путь к отступлению, проговорил Каррис.

– Умоляю!.. – пренебрежительно фыркнул Каладиус. – Что эта матросня могла понять? И ты, и я оба были там. Никаких особенных движений мы не делали – стояли и потели...

– Но в обморок упал я...

– Потому что ты – всего лишь ученик, – маг тоном попытался скрасить обидность своих слов. – Не рассчитал сил, удерживая сферу – это бывает сплошь и рядом. Пойми, они поверят во всё, что мы им скажем. Именно поэтому я и хотел договориться с тобой заранее – *что именно мы будем говорить.*

Слова Каладиуса о том, что он упал в обморок потому, что он «всего лишь ученик» очень больно отозвались в сердце Карриса. Отдать свою славу, наблюдать, как вместо тебя станут превозносить кого-то ещё, при этом посмеиваясь над тобой, потому что ты «не рассчитал сил»... Справится ли он с подобным испытанием?

Но всё же Каррис покуда ещё умел быть благодарным. Кроме того, он чисто по-детски боялся лишиться поддержки мессира, который был его своеобразным проводником в большой мир. Тогда юноше казалось, что лишь рядом с этим талантливым человеком он действительно сможет достичь таких желанных вершин.

– Хорошо... – коротко выдохнул он, скрипнув зубами от сосущего чувства несправедливости.

– Уверен? – радость озарила утомлённое лицо Каладиуса.

– Да, – пытаюсь выглядеть равнодушным, ответил Каррис.

– В очередной раз убеждаюсь, что не ошибся в тебе, парень! – в порыве благодарности Каладиус сжал юноше руку. – Ты не пожалеешь об этом! Однажды мы с тобой станем легендами! И сегодня мы сделали ещё один шаг к этому!

– Мне нужно отдохнуть, – разочарование всё сильнее сдавливало сердце, поэтому Каррису необходимо было сейчас побыть одному.

– Отдыхай, мессир Каррис, ты сегодня славно потрудился! – Каладиус радостно потрепал засаленные вихры своего ученика. – Отдыхай столько, сколько тебе потребуется! Как только будешь готов, матросы перенесут тебя в нашу каюту.

И маг быстро вскочил на ноги и вышел, будто опасаясь, что Каррис внезапно передумает.

Каррис вышел сам, на своих ногах, хотя его немного пошатывало. Заметившая его команда разразилась приветственными криками, его подхватили на руки и понесли к капитанскому мостику, хотя и думали, что он всего лишь прикрывал Каладиуса, когда тот потопил корсарский корабль. С горечью юный маг подумал, насколько больше этого незатейливого обожания он получил бы, знай они правду.

Стоящий на мостике Каладиус с улыбкой тянул руки к своему ученику и всячески поощрял желание матросов отблагодарить юношу, но это раздражало ещё сильнее. Однако Каррис принуждал себя улыбаться и хлопать моряков по их потным обнажённым плечам в ответ на их ободрительные хлопки.

Кровь на палубе всё ещё не была отмыта, а тела убитых – восемь человек – лежали, прикрытые парусиной, вдоль борта. Ещё четверо были серьёзно ранены, а у троих были совсем лёгкие ранения. Потери были большие, и потому те, кто не пострадал, с удвоенной энергией восхваляли двух магов, благодаря которым они все не разделили печальную участь своих товарищей.

– Нападение было очень тщательно спланировано, – объявил капитан. – И если бы не наши мессеры, у нас не было бы шансов ему противостоять! Каждый из вас, бездельники, должен при любом удобном случае возносить молитвы Арионну или Ассу во славу и во здравие этих великих людей! То, что ваши шкуры целы – лишь их заслуга!

Громкий рёв шести десятков глоток прокатился над палубой. Для двух самозванцев это был истинный триумф, которым они с удовольствием упивались. Даже Каррис на время позабыл обиды и с удовольствием слушал, как славят его имя.

Дальнейшая часть путешествия до Золотого Шатра прошла спокойно – нападений больше не было. Убитых в тот же день сбросили за борт – в такой жаре их нельзя было держать на корабле долго. Авторитет магов, и до того высокий, сейчас взлетел настолько, что матросы, пожалуй, готовы были выполнить совершенно любой их приказ.

Единственными, кто был, похоже, не слишком доволен произошедшим, были стрелки. Над ними теперь посмеивались почти в открытую, ведь они так ничего и не сделали для спасения судна – во время всего боя лучники не выпустили ни одной стрелы. Да кроме того ещё и потеряли одного товарища. В общем, сержант, так же как и Каррис, зачастую скорее изображал радость, кисло кривясь, едва от него отворачивались.

Да, Каррис тоже довольно быстро впал в уныние. Он постоянно слышал пересказы матросов, которые только и судачили, что о минувшем бое. Он слышал, как они, всё более привирая подробности, захлёбываясь от восторга вспоминали как «главный мессир» потопил пиратов. И всякий раз он скрежетал зубами от злости и на Каладиуса, и на самого себя.

К чести Каладиуса, он несколько раз заговаривал об этом со своим учеником и, похоже, совершенно искренне ощущал раскаяние за то, что украл чужую славу. Каррис неизменно отмахивался от разговора, бурча, что всё в порядке и что он совсем не расстроен. Может быть, дай он себе и мессиру возможность один раз поговорить по душам, всё вернулось бы на свои места. А так в их отношениях образовалась трещина, которая, похоже, со временем лишь увеличивалась.

Глава 14. Перемены

Каладиус сделал всё возможное, чтобы весть об их триумфальной победе как можно шире распространилась по Золотому Шатру. Он лично перечитал судовой журнал и даже внёс несколько поправок, поскольку капитан, естественно, не был достаточно искушён в магии, чтобы описать всё так, как требовалось хитрому волшебнику. Уже в порту Каладиус из собственного кармана дал каждому из моряков по серебряной полумарке²⁸, чтобы они могли выпить на берегу за здоровье мессиров, спасших им жизнь, и нужно сказать, что все они с честью исполнили эту просьбу.

О талантливом маге довольно быстро заговорили в порту. Уже на следующий день к Каладиусу обратился представитель одного из судовладельцев с просьбой сопровождать его корабль в Кинай. Однако маг отказался – морское путешествие сильно утомило его, и хотелось хотя бы какое-то время побыть на суше.

Правда, Золотой Шатёр был явно не тем местом, в котором хотелось бы отдохнуть. Жуткая жара, несмотря на самый конец лета, и столь же жуткая вонь. Множество нищих, нечистоты, переполняющие сточные каналы, разлагающиеся на солнце трупы пиратов в железных клетках, подвешенных в порту и на площадях – всё это создавало совершенно непередаваемый букет запахов.

В конечном итоге всего через два дня оба мага съехали из весьма дорогой гостиницы неподалёку от порта и нашли особняк за городом, примерно в получасе езды от Шатра. Конечно, стоимость жилья здесь была просто невероятной, зато теперь волшебники могли действительно ощутить себя в южном раю – прекрасные сады, спасающие своей сенью от пекущего солнца, журчащие фонтаны, виноградные лозы, спускающие свои тяжёлые налитые гроздья прямо в окно. До океана было не более четверти часа пешком, а там – великолепные песчаные пляжи с таким белым песком, что глаза вскоре начинали болеть от этой белизны.

– Что скажешь, мессир Каррис, если мы перезимуем здесь? – нежась на открытой веранде с бокалом вина в одной руке и нежным персиком в другой, промурлыкал Каладиус.

– Угу... – юношу разнежило так, что он даже бросил чтение, и довольно тяжёлый фолиант лежал теперь раскрытым на его лице, прикрывая от яркого солнца.

– Скоро эта треклятая жара спадёт, и здесь станет просто идеально! Клянусь, если бы не это раскалённое солнце, которое плавит даже камень, я бы, наверное, остался здесь навсегда! Купили бы себе этот особняк, а, мессир Каррис? Как тебе? Конечно, это окончательно истощило бы мои запасы, но что стоит нам время от времени находить работёнку?..

– Угу... – находясь в полудрёме, Каррис, кажется, неспособен был сказать что-то большее.

– Хотя нельзя не заметить, что саррасанцы – отвратительный народец... Как можно было в таком раю построить мерзость вроде Золотого Шатра? В мире, который сам Арионн создал для удовольствий и наслаждений, этот город выглядит настоящим чирьем. Будь я Белым богом, давно бы уже попросил брата испепелить это недоразумение, оскверняющее своим зловонием всё вокруг.

Каррис даже не счёл нужным комментировать эти слова. Он просто наслаждался покоем. Сейчас обида его притихла, и их отношения с мессиром практически вернулись к прежним. И больше всего Каррису сейчас хотелось, чтобы так всё и оставалось впредь.

²⁸ Серебряная полумарка – мелкая монета герцогства Кидуа. Монетарная система Кидуи строится на понятии марки. Десять серебряных марок составляют одну серебряную декамарку, а десять декамарок – одну серебряную кронмарку. Сто кронмарок образуют золотую марку. В свою очередь существуют также серебряные и золотые полумарки.

– Слышал ли ты что-нибудь об Ордене черно книжников? – войдя в столовую, где ужинал Каррис, с порога спросил Каладиус.

В последнее время он стал частенько уезжать из имения, иногда почти на весь день. Вероятно, горячая кровь Клайдия Сарамачи вновь давала о себе знать. Каррис никогда не спрашивал, куда отъезжал учитель. Они вообще довольно редко разговаривали теперь.

Стояла середина осени, но здесь она была больше похожа на конец весны-начало лета. Словом, наконец-то было вполне комфортно. Каррис по-прежнему большую часть времени тратил на обучение. Окрылённый успехом, он выискивал наиболее сложные и спорные трактаты о магии, пытался постичь то, что многие считали вымыслом. Помня о том состоянии, в каком он оказался после столь сложного колдовства, он вновь обратился к манившим его «Граням», пытаясь понять, как можно аккумулировать и фокусировать *возмущение*, дабы тратить меньше сил и быть более эффективным.

Каким бы самородком Каррис ни был, но очень многое из прочитанного он понять не мог. Какие-то книги он откладывал на потом, какие-то даже пробовал переписывать заново уже по-своему, надеясь, что такое упражнение по перефразированию позволит ему понять ускользающий смысл. Увы, но становилось очевидным, что его учёба займёт ещё не один год, а может быть и не одно десятилетие.

Однако юноша не отчаивался, скорее наоборот – это добавляло ему азарта. Он знал, что может уже многое – больше, чем три четверти всех волшебников, живущих в мире, и пока ему этого было достаточно. Он знал, что благодаря своим усилиям когда-то он станет одним единственным среди всех, пусть даже это случится через сотню лет!

Но вернёмся к повествованию. Итак, мессир Каладиус вернулся из очередной своей отлучки. Мы уже упоминали, что Каррис не особенно интересовался причинами этих исчезновений. Они уже не пугали его, как это было раньше в Кинае или Токкее. Кажется, в глубине души он даже хотел, чтобы мессир вновь вляпался в какую-нибудь историю, чтобы это позволило наконец порвать ту связь, которая приносила ему всё больше разочарований. Самому расстаться с Каладиусом ему пока не хватало духу. Вот если бы тот сам каким-то образом исчез из его жизни! Вырвавшись из тени этого авантюриста, сколько бы он смог!..

– Я читал о нём, – Каррис оторвался от книги и с некоторым интересом взглянул на подходящего Каладиуса. – А что?

– Вот и славно! Значит, обойдёмся без вступительной лекции, – Каладиус подхватил со стола большущий румяный персик и впился в него зубами. – Я голоден как дьявол!

– Распорядитесь, и вам принесут поесть. Так к чему вы упомянули об Ордене черно книжников?

– Уже распорядился. Всё очень просто, мессир Каррис – мы постараемся в него вступить!

– Должно быть, вы плохо знаете историю Ордена, мессир, – юноша демонстративно уставился в книгу, показывая, что он потерял интерес к беседе. – Иначе вы бы знали, что его членами могут быть лишь имперские подданные.

– Что за ерунда! – легкомысленно махнул рукой Каладиус. – Если они не дураки, то не станут просто так разбрасываться магами вроде нас с тобой из-за каких-то дурацких условностей!

– Думаю, это не просто дурацкие условности, мессир, – скептически качнул головой Каррис. – За всю историю Ордена подобного прецедента ещё не было.

– Не было, так будет! – с великолепной самоуверенностью воскликнул маг. – Да где же мой ужин, во имя всех преисподен?

Каррис промолчал. Весь этот авантюризм начинал порядком действовать ему на нервы. Складывалось впечатление, что мессир отчаялся придумать хороший план их полной легализации, а потому хватается за самые абсурдные прожекты, лишь бы показать свою важность.

Юноша подозревал, что с того самого дня, как Каладиус выдал его услуги за свои, он постоянно чувствовал себя не в своей тарелке. Он становился посохом, который когда-то был необходим путнику, поскольку его нога была повреждена, но теперь она стала здорова, и надобность в посохе отпадала.

Увы, в такие минуты Каладиус при всей своей важной заносчивости, при всей напыщенности и напускном самодовольстве становился необычайно смешон и жалок. И это было плохо, потому что окончательно рушило устоявшуюся парадигму «учитель-ученик». Маг стремительно терял то уважение и даже благоговение, которое когда-то испытывал к нему его воспитанник. Наверное, он сам это чувствовал, поэтому и совершал такие вот нелепые поступки.

– О, а вот и ужин! – воскликнул Каладиус. – Скорее тащи сюда свой поднос, приятель, а не то я сейчас проглочу тебя!

Маг жадно набросился на принесённые яства, что позволило заполнить паузу в разговоре. Каррис всё это время читал, или делал вид, что читает. Каладиус понимал, что продолжать разговор придётся ему.

– Тебе как будто не нравится мой план, мессир Каррис? – нарочито бодрым голосом наконец произнёс он.

– Вы как будто всерьёз считаете это планом, мессир? – более желчно, чем ему бы хотелось, парировал Каррис.

– Почему бы и нет? – Каладиус проглотил эту дерзость. – Если мы станем адептами одного из самых могущественных орденов мира – это раз и навсегда решит все наши проблемы. Тогда ни к чему будет и добиваться восстановления прав в Академии, по крайней мере, на какое-то время.

– В таком случае, для чего мы вообще совершали все эти путешествия? Коль уж мы всё равно уповаем на вероятность, которая близка к нулевой, то могли бы сразу направиться в Латионскую Академию и объявить себя полноправными академиками!

– Вижу, ты хороший критик, мессир Каррис! – не совладав с гневом, воскликнул Каладиус. – А что ты вообще сам сделал для того, чтобы решить проблему? У меня есть хотя бы такой план, а что есть у тебя?

– У меня есть дар! – отрезал Каррис.

Вся спесь моментально слетела с Каладиуса. Он побледнел одновременно от стыда и от гнева. Вилка бессильно звякнула, выпав из его руки, и маг раздражённо отпихнул блюдо от себя.

– Ты всегда будешь припоминать мне это, да? – с горечью спросил он, но уже не повышая голоса.

– Просто не давайте мне повода для этого, – против воли Каррис почувствовал укол раскаяния. – Я уже не тот пастушок Олни, которого вы вытащили из хлева, и вам пора это понять.

– Кажется, я уже понял, – справившись с волнением, Каладиус вновь пододвинул тарелку и безо всякого аппетита принялся жевать.

– Простите, мессир, – не потому, что хотел, а потому что был должен, произнёс Каррис через некоторое время. – Я вышел за рамки и наговорил того, чего не следовало. Вы хотели рассказать ваш план?..

– Нет никакого плана, мессир Каррис, – устало проговорил Каладиус. – Ты был прав. Я просто написал в башню Кантакалла просьбу об аудиенции, совершенно непонятно на что надеясь. Глупость всё это...

– И они удовлетворили вашу просьбу?

– Они ожидают нас послезавтра в восемь пополудни.

– Надеюсь, мессир, к тому времени вы вернёте всё ваше нахальство и красноречие, – подмигнув, Каррис попытался весело улыбнуться, но получилось довольно натянуто. – В конце

концов, мы ведь ничего не теряем! Убеждать людей – ваш талант. Может быть, нам действительно повезёт!

Каррис был вовсе не рад возвращению в Золотой Шатёр. Сейчас, когда жара не была уже такой одуряющей, запахи тоже, казалось, несколько стушевались, но всё же столица империи по-прежнему была отталкивающе отвратительной. Однако по мере подъёма на холм Койфар ситуация менялась – дома становились всё опрятнее, улицы – чище, а прохожие всё больше походили на людей, а не мертвецов, вылезших из собственных могил.

Наконец они достигли высокой свежесмытой стены, которая отделяла Нижний город от Верхнего. Дальше лежали кварталы, селиться в которых было дано лишь избранным, а ещё выше, на вершине громадного холма, расстилалась Сады Императора – дворцовый комплекс, в котором жил правитель Саррасы и его приближённые.

Привратная стража сурово потребовала пропуск, без которого попасть в Верхний город не представлялось возможным. К счастью, у Каладиуса подобные пропуска были, так что для них отворили небольшую калитку, проделанную в массивной створке ворот.

Здесь был уже совсем другой мир. Вонь нищих кварталов не доносилась сюда, а лёгкий бриз приносил свежий запах моря. Дома словно состязались в помпезности и дороговизне, что далеко не всегда шло на пользу общему восприятию. В отличие от улиц Нижнего города здесь было почти безлюдно, несмотря на то что жара уже спала, а осеннее вечернее небо было уже почти совсем чёрным. Повсюду горели масляные фонари, источающие, благодаря цветным стёклам, свет всех радужных тонов.

– Никогда не скажешь, что это – тот же город, что и внизу... – тихонько пробормотал Каррис, озираясь. – Во всех городах есть бедные и богатые кварталы, но нигде нет такой чёткой границы и таких разительных отличий. Как люди подобное терпят? Императору следовало бы беспокоиться возможностью бунта...

– Полно, мессир Каррис! – шикнул на него Каладиус. – Эти речи не для кварталов Койфара! Впрочем, не могу не заметить, что Сарраса выстояла даже тогда, когда рухнула Кидуанская империя. Ты идёшь, мессир Каррис, по улицам одного из древнейших городов мира! Так что сама история доказывает твою неправоту.

– Но как такое возможно? Как может столько тысячелетий существовать общество, столь радикально расколотое?

– Всё очень просто, друг мой. Всё благополучие империи зиждется, пожалуй, всего на трёх вещах – традициях, той стене, что разделяет Верхний и Нижний город, а также на вечном поиске внешнего врага.

– Что вы имеете в виду, мессир?

– Ну конечно! Почтение к императору и его свите, принятие древних законов, благословляющих неравенство – это традиции, впитываемые жителями Шатра с молоком матери. Стена ограничивает Верхний город, отделяя тех, кто здесь от тех, кто там, а также тех, кто там от тех, кто здесь. Те, что за стеной, не видят всего этого великолепия, они настолько свыклись со своей реальностью, что считают её нормальной. Те, кто здесь, так редко видят гной и грязь внизу, что почти забывают, что всё это существует. Покуда эти миры не смешиваются – им ничто не угрожает.

– А что за внешний враг, ведь Империя уже давно ни с кем не воюет?

– Воевать и готовиться к войне – совершенно разные вещи, причём одно с другим особенно и не связано. Спроси любого на улицах города – чего они боятся больше всего? Думаешь, кто-то назовёт голод, болезни или преступность? Уверен, что все они скажут, что опасаются лишь войны с Латионом. Да-да, именно с Латионом, который в это время и думать не думает о Саррасе, занимаясь своей вознёй на севере. Но кому какое до этого дело? Иметь хорошего

внешнего врага – главное счастье любого правителя. Ведь им можно оправдать всё – нищету, жестокость законов. Единственное, что может заставить сплотиться бездомного нищего из нижних кварталов и богача с Койфара – желание сделать всё, чтобы не позволить коварному северному соседу захватить древние исконные земли. Беднота никогда не станет выражать недовольство, зная, что лишь этого ждёт хитрый враг. Нет, мессир Каррис, куда у Саррассы есть хотя бы один сосед – её устоям ничего не угрожает!

За такими вот разговорами они постепенно добрались до врат Садов Императора, не боясь заблудиться, ибо все дороги на Койфаре, подобно лучам, стекались к его вершине. У ворот Садов были уже более придирчивые привратники, но в конце концов и они пропустили посетителей внутрь дворцового комплекса. Впереди на фоне чернеющего неба маячила высокая башня Кантакалла – резиденция Ордена чернокнижников.

Увы, но время, затраченное на путь до башни, оказалось вчетверо длиннее времени самой аудиенции даже с учётом того, что обоих магов около десяти минут продержали в небольшой приёмной, прежде чем впустить. Конечно же, посетители не удостоились чести разговаривать с магистром Ордена – их проводили к хмурому адепту, вероятно, лишь понаслышке знакомого с таким понятием как любезность.

– Вы отнимаете своё и моё время, мессир, – узнав о цели визита, без обиняков объявил он. – Вы знаете правила нашего Ордена, и если вы не подданный нашего императора, то наш разговор окончен.

– Но вы ведь, полагаю, слышали обо мне? – хвала богам, со времени их недавней стычки с Каррисом Каладиус, кажется, совершенно восстановил свою обычную неунываемость. – Разумно ли давать от ворот поворот таким магам как я?

– Слухи ходят, и я не склонен считать, что они преувеличены, мессир, – сухо ответил чернокнижник. – Но это ничего не меняет. Я верю, что Орден держится лишь до тех пор, пока свято чтимы и незыблемы догматы, на которых он зиждется. Простите мессир, но будь вы величайшим магом в истории, ответ был бы тем же.

– Не уверен, что у вас есть полномочия решать за весь Орден, – благодушие не принесло плодов, поэтому Каладиус решил подпустить в голос властности и спеси. – Я требую встречи с магистром Толленом. Уверен, он окажется дальновиднее вас.

– Я уполномочен Орденом вести подобные переговоры, мессир, – тон чернокнижника не изменился потому, что его нельзя было уже сделать хоть на толику суше. – Поверьте, если я ответил вам отказом – этот отказ окончателен.

– И всё же я требую аудиенции...

– Вы ведёте себя крайне неразумно, мессир Каладиус, – теперь тон адепта изменился, и в нём послышалась угроза. – Не думаю, что вам хотелось бы, чтобы вас выпроводили отсюда.

– Простите, мессир, – спохватился Каладиус, поняв, что и эта стратегия ведёт в тупик. – Конечно, я был неправ и вышел за рамки приличий. Это потому, что я разочарован.

– Это – ваша проблема, мессир. Правила были известны вам заранее.

Кивнув, чернокнижник дал понять, что аудиенция завершена. Он даже снизошёл до того, чтобы предложить ходатайствовать о предоставлении для обоих магов постоянного пропуска на Койфар, что давало им возможность снять жильё здесь, поближе к императорскому дворцу. Каладиус, хотя и не собирался перебираться сюда, тем не менее с благодарностью принял предложение. Он назвал адрес имения, в котором они жили, а адепт Ордена пообещал в течение нескольких ближайших дней прислать весть с ответом. На том и разошлись.

На обратном пути, глядя на Каладиуса, который пытался выглядеть жизнерадостно, Каррис в очередной раз задавался вопросом – неужели он действительно на что-то рассчитывал? Видимо – да, потому что как ни хорохорился он, но при этом старательно прятал взгляд от своего ученика, потому что это был взгляд побитой собаки, а многочисленные фонари Койфара были достаточно беспощадны, чтобы это нельзя было скрыть.

Каладиус преувеличенно много болтал, строя всё новые планы. Он заговорил даже о том, чтобы подать официальное прошение на получение имперского подданства, хотя было не совсем ясно, как они это сделают при отсутствии документов. Каррис шёл молча и почти не слушал *бывшего* учителя. Он вновь думал о том, что звезда удачи окончательно покинула мессира, и что их дороги рано или поздно должны будут разойтись.

Глава 15. Каладиус

Теперь нам предстоит принять волевое решение и перепрыгнуть сразу на одиннадцать лет вперёд. Это сложно, поскольку за эти годы в жизни наших героев тоже случались весьма любопытные эпизоды, но всё же необходимо. Главная сложность, с которой сталкиваешься при описании столь масштабной биографии великого человека, прожившего на свете несколько столетий – не сорваться в крайности.

С одной стороны, нужно определить – какие события и поступки являются ключевыми для понимания столь неординарной личности, и этих событий явно будет немало, так что всегда велик риск упустить что-то важное. Увы, многочисленные биографы великого мага Каладиуса довольно подробно изучили тот период его жизни, когда он уже оказался при латионском дворе, но ранний период в силу многих причин был почти не исследован, так что нам – автору и читателю – в буквальном смысле приходится продирааться сквозь дебри и болота, чтобы не потерять тонкую стёжку повествования.

С другой стороны, автор по вполне гуманным соображениям не может описать всю жизнь великого мага год за годом, ибо тогда получившийся фолиант сложно будет не то что прочесть, а даже и просто снять с полки. Именно поэтому скачки во времени совершенно неизбежны, причём иной раз нам придётся перепрыгивать целые десятилетия, а быть может даже и столетия. Остаётся уповать лишь на то, что это не очень скажется на повествовании и не затруднит восприятие читателем данной книги.

Итак, мы должны перенестись в год 981 руны Кветь – год, ставший одним из ключевых в становлении нашего главного героя. Надо сказать, что минувшие одиннадцать лет стали для мессира Карриса своеобразным уроком горечи и разочарования в том смысле, что практически никак не приблизили его к заветной мечте – стать всемирно известным магом.

Виной тому, конечно, была та болезненная привязанность, которая удерживала его рядом с Каладиусом. Несмотря на то, что с каждым годом почтение к учителю исчезало всё больше, он всё же не мог найти в себе силы и бросить его, выбрав собственную дорогу. И он даже не мог объяснить – почему.

Вряд ли дело было в признательности, которую он испытывал за то, что именно мессир сделал его волшебником. И вряд ли он жалел Каладиуса, ведь тот, хотя и не был выдающимся магом, но обладал огромным количеством других талантов, которые позволяли ему вести вполне безбедную жизнь. И также речь уж точно не шла о страхе деревенского мальчика, оказавшегося в водовороте крупных событий, поскольку в Каррисе уже практически не осталось ничего от Олни.

В общем, ничто из этого по отдельности не могло стать причиной того, что спустя одиннадцать лет Каррис всё ещё сопровождал Каладиуса, играя роль его ученика, но всё вместе отчасти могло объяснить это. Отношения между бывшими учителем и учеником были непростыми. Временами они вообще не разговаривали, что бывало довольно затруднительно, учитывая, что значительную часть времени они проводили в замкнутом пространстве торговых судов.

Да, всё это время оба мага по-прежнему сопровождали корабли, поскольку очередной навязчивой идеей Каладиуса стало желание, чтобы в любом порту каждый грузчик, каждый моряк, каждая портовая шлюха слышали бы имена двух славных волшебников. Увы, но это оказалось не так просто, как казалось вначале. Далеко не каждый раз магам приходилось демонстрировать своё мастерство, а в тех нескольких случаях, когда некоторая опасность всё же существовала, всё решалось простыми огнешарами.

Всё могло бы решиться куда скорее, имей Каладиус и Каррис доступ в официальные магические круги. Талант Карриса был столь несомненен, что он весьма быстро бы заявил о

себе. Но это было невозможно из-за Каладиуса и всей той легенды, которую он уже выстроил. Даже разоблачить мага он сейчас не мог, не скомпрометировав заодно и себя.

Сам же Каладиус очень здорово вжился в роль. Верный своей цели, он всеми силами старался заводить полезные связи, в первую очередь – в магической среде. Он уже начал овеивать своё имя легендами и на каждый реальный случай (пусть и свершённый Каррисом, а не им) порождал два фантастических, благо ни подтвердить, ни опровергнуть это было некому.

Каладиус одно время пытался постичь искусство развоплощения, и Каррис, хотя и без особого желания, но добросовестно пытался втолковать ему что-то. Увы, это было так же бессмысленно, как объяснять музыкальную гармонию глухому – Каладиусу это было попросту не дано. Тем не менее, наслушавшись объяснений Карриса, ушлый авантюрист весьма убедительно рассуждал на подобные материи, вызывая законное уважение слушателей, среди которых никого не было равного Каррису, а потому они слушали об этом как о чём-то недостижимом и неведомом.

Всё это ужасно бесило Карриса, и его много раз так и подмывало показать всем на что он способен, но Каладиус всячески уговаривал его оставить пока всё как есть.

– Как только нам удастся реализовать наш план, – увещевал он, особенно напирая на слово «наш». – И я легализую свой статус, тогда и ты сможешь открыть миру свой талант.

Что Каладиус действительно умел – так это уговаривать. После разговора Каррис частенько скрежетал зубами от бессильной злобы, но возразить бывшему учителю у него до сих пор не получалось. Точнее, он постоянно возражал, но Каладиус умел строить беседу так, что все эти возражения в итоге оказывались за её скобками. Он словно не замечал наиболее опасные вопросы, а иногда и вовсе начинал сам задавать себе вопросы от имени Карриса и тут же отвечал на них, сводя всё к какому-то абсурду. В наиболее критические моменты, когда становилось ясно, что юноша настроен не на шутку, он вообще мог просто уйти под самым нелепым предлогом, исчезнуть иной раз на несколько дней, давая возможность своему протеже остыть и потерять запал.

Одно было хорошо – за это время Каррис повидал практически все прибрежные страны, по многу раз побывав и в Пунте, и в Саррасе, и в Кидуе. Он даже видел диких дорийцев, частенько устраивающих свои становища по берегам удобных для якорных стоянок бухт, дабы вести торговлю с проплывающими кораблями.

Правда, нельзя сказать, что такая вот кочевая жизнь слишком уж нравилась юному магу. Долгие морские переходы утомляли однообразием и отсутствием элементарных удобств, а также скверной едой. Несмотря на то, что Каладиус всегда снимал номера в лучших гостиницах, а если он останавливались где-то надолго – то и апартаменты в особняках, эта постоянная смена окружения всё равно выбивала из колеи. Спасало лишь одно – книги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.